

ВЕСТНИК

КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Издается с 1963 г.
ISSN 2075-7794

Журнал зарегистрирован 1 июля 2009 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Рег. номер ПИ № ФС77-49346

№ 1, 2012
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
канд. полит. наук *Н. Г. ОЧИРОВА*

Заместители главного редактора:
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*,
канд. фил. наук *Э. У. Омакаева*

Редакционный совет:
акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель),
чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*,
чл.-кор. РАН *В. М. Гацак*, д-р экон. наук *О. В. Иншаков*,
д-р ист. наук *К. Н. Максимов*, д-р ист. наук *И. Ф. Попова*,
д-р фил. наук *М. И. Магомедов*

Редакционная коллегия:
чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров*, д-р фил. наук *Т. Г. Басангова*,
канд. юр. наук *Л. В. Батиев*, канд. фил. наук *Е. В. Бембеев*,
д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*, д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*,
д-р с.-х. наук *Э. Б. Габунцина*, д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*,
д-р экон. наук *Э. И. Мантаева*, канд. фил. наук *В. В. Куканова* (отв. секретарь),
д-р соц. наук *А. Н. Овишинов*, д-р ист. наук *У. Б. Очиров*,
д-р фил. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, канд. пед. наук *Б. К. Салаев*,
канд. ист. наук *В. П. Санчиров*, д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*

Адрес редакции и издателя:
358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8;
тел. (84722) 3–55–06, (84722) 3–55–39; факс (84722) 2–37–84
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Сайт: www.kigiran.com

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ	<i>Трофимова С. М., Рассадин В. И.</i> О группе переднеязычных согласных в языке дербетов Калмыкии и Монголии 7 <i>Осьмак Н. А.</i> Новые значения старых слов (корпусное исследование на материале повседневной русской речи) 12 <i>Радионов А. В.</i> Гендер и родство в калмыцкой лингвокультурной традиции в сопоставлении с английской 17 <i>Омакаева Э. У.</i> Проблемы текстообразования в фольклорном дискурсе: жанр калмыцкой песни в свете лексикографического и корпусного подходов 21 <i>Сумьянова С. В., Олядыкова Л. Б.</i> К вопросу о национальной специфике фразеологизмов (на материале китайского, русского и калмыцкого языков) 27 <i>Ярмаркина Г. М.</i> Уговоры как элемент системы побуждения в русской разговорной речи 32 <i>Джушихинова К. А.</i> Национально-культурная специфика коммуникативного поведения калмыков (на примере речевых жанров повседневной коммуникации) 35 <i>Хараева А. Т.</i> К характеристике слова <i>андһар</i> и жанра <i>андһаарийин бичиг</i> «присяжное письмо» в калмыцком литературном языке XVIII в. 41 <i>Цыренов Б. Д.</i> О практической и теоретической лексикографии бурятского языка (к истории вопроса) 45
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	<i>Музраева Д. Н.</i> Изучение ранних этапов становления буддийской литературы у ойратов в отечественном и зарубежном монголоведении 49 <i>Фокин А. А., Малахова Н. М.</i> К проблеме возрождения забытых имен: Борис Лазаревский и «чеховская школа» 58 <i>Маслова Ю. П., Фокин А. А.</i> Поэтика интертекстуальности ранней прозы И. Д. Сургучева 61 <i>Ханинова Р. М.</i> Мир запаха в рассказах Исаака Бабеля 64
ФОЛЬКЛОРИСТИКА	<i>Дякиева Б. Б., Омакаева Э. У.</i> Калмыцкий фольклор и эпос «Джангар» в системе регионального образования Калмыкии 69
ИСТОРИЯ	<i>Тепкеев В. Т.</i> О пребывании калмыцких послов в Москве в конце 1650-х – начале 1660-х годов 74 <i>Горяев М. С.</i> Реформы по управлению Калмыцкой степью в последней трети XVIII – начале XIX в. 79
ЭТНОЛОГИЯ	<i>Батыров В. В.</i> К вопросу о происхождении калмыков-цохуров ... 83 <i>Бурыкина А. А.</i> Калмыки, ногайцы и другие народы Волго-Каспийского региона в сочинении Яна Потоцкого «Путешествие в Астрахань» ... 88
СОЦИОЛОГИЯ	<i>Намруева Л. В.</i> Отношение молодежи Калмыкии к республиканским средствам массовой информации (по материалам опроса 2011 г.) 96

	<i>Нусхаева Б. Б.</i> Представления молодежи Республики Калмыкия о семье и браке	100
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	<i>Четырева С. В.</i> О порядке внесения исправлений, изменений в записи актов гражданского состояния	105
	<i>Бяткиева Б. А.</i> Семейное неблагополучие как фактор роста безнадзорности несовершеннолетних	108
	<i>Авишеев Э. Ю.</i> Влияние миграционных процессов на состояние преступности в Республике Калмыкия	110
	<i>Аштаева С. С.</i> Госкорпорации в современной России: функции, структура и особенности деятельности	113
ЭКОНОМИКА	<i>Бородин А. И.</i> Прогнозирование социально-экономического потенциала региона	117
	<i>Сидорова Н. И.</i> Финансовый потенциал республик Южного и Северо-Кавказского округов РФ	122
ЭКОЛОГИЯ	<i>Ташининова Л. Н., Ташининова А. А.</i> Региональные аспекты гуманитарной экологии	131
РЕЦЕНЗИИ	<i>Бурыкин А. А.</i> Рец. на: Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков (XIX в. – нач. XX в.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 223 с.	135
	<i>Бакаева Э. П.</i> Рец. на: Б. Р. Зориктуев. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят: М.: Вост. лит., 2011. 278 с.	137
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ		143
АННОТАЦИИ		147
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ		154

CONTENT

LINGUISTICS	<i>Trofimova S. Rassadin V.</i> About Group of the Front Consonants in the Language of the Derbets of Kalmykia and Mongolia	7
	<i>Osmak N.</i> New Meanings of Old Words (corpora research based on Russian everyday speech)	12
	<i>Radionov A.</i> Gender and Kinship in the Kalmyk Lingvocultural Tradition in Comparison with English	17
	<i>Omaekava E.</i> Text-formation Problems in a Folklore Discourse: Kalmyk Song Genre in the Light of Lexicographical and Corpus Approaches	21
	<i>Sumjanova S., Olyadykova L.</i> Towards the Issue of National Specifics of Phraseological Units (based on the material of Chinese, Russian and Kalmyk Languages)	27
	<i>Yarmarkina G.</i> Persuasions as a Element of System of Impetus in the Russian Informal Conversation	32
	<i>Dzhushkhinova K.</i> National and Cultural Specifics of Communicative Behavior of Kalmyks (based on example of speech genres of everyday communication)	35
	<i>Kharaeva A.</i> Towards the Characteristics of the Word <i>Andgar</i> and Genre <i>Andgaarijin Bichig</i> 'Jury Letter' in the Kalmyk Literary Language of XVIII century	41
	<i>Tsyrenov B.</i> About Applied and Theoretical Lexicography of the Buryat Language (towards the issue's history)	45
LITERATURE STUDIES	<i>Muzraeva D.</i> Researching Early Stages of Buddhist Literature Formation among Oirats in Russian and Foreign Mongol Studies . . .	49
	<i>Fokin A., Malakhova N.</i> Towards the Problem of Renaissance of Forgotten Names: Boris Lazarevskiy and «Chekhov's School»	58
	<i>Maslova U., Fokin A.</i> Intertextuality's Poetics of Early Prose of I. Surguchev	61
	<i>Khaninova R.</i> World of Smell in the Stories by Isaac Babel	64
FOLKLORISTICS	<i>Dyakieva B., Omaekava E.</i> Kalmyk Folklore and Epos "Janggar" in System of Regional Education in Kalmykia	69
HISTORY	<i>Tepkeev V.</i> About Staying of the Kalmyk Ambassadors in Moscow in the End of 1650-s and Beginning of 1660-s	74
	<i>Goryaev M. C.</i> Administrative Reforms in the Kalmyk Steppe in the Last Third of the XVIII and Beginning of the XIX Centuries	79
ETHOLOGY	<i>Batyrov V.</i> Towards the Issue of Origin of Kalmyks-Tsokhurs	83
	<i>Burykin A.</i> Kalmyks, Nogays and Other Peoples of Volga-Caspian Region in the Yan Pototskiy's Writing «Travelling to Astrakhan» . . .	88
SOCIOLOGY	<i>Namrueva L.</i> Attitude of the Young People of Kalmykia to the Republican Mass Media (based on materials of poll of 2011)	96
	<i>Nuskhaeva B.</i> Ideas of Young People of Republic of Kalmykia about Family and Marriage	100

JURISPRUDENCE	<i>Chetyreva S.</i> About Sequence of Bringing in of Amendments and Changing in Registrars office	105
	<i>Byatkieva B.</i> Family Ill-being as a Factor of Increase of Neglecting Minors	108
	<i>Avsheev E.</i> Influence of Migratory Processes on the Crime Condition in the Republic of Kalmykia	110
	<i>Ashtaeva S.</i> State Corporations in Current Russia: Functions, Structure and Peculiarities of Activity	113
ECONOMICS	<i>Borodin A.</i> Prediction of Social and Economical Potential of Region	117
	<i>Sidorova N.</i> Financial Potential of Republics of South and North-Caucasian Districts of the Russian Federation	122
ECOLOGY	<i>Tashninova L., Tashninova A.</i> Regional Aspects of Humanitarian Ecology	131
REVIEWS	<i>Burykin A.</i> Review of <i>Rites of Life Cycle of the Kalmyks (XIX and the beginning of XX centuries)</i> (Elista, 2011. 223 p.), by <i>Sharaeva T.</i>	135
	<i>Bakaeva E.</i> Review of <i>Actual Problems of Ethnic History of the Mongols and Buryats</i> , (M., 2011. 278 p.), by <i>B. Zoriktuev</i>	137
SCIENTIFIC LIFE		143
SUMMARIES		147
INFORMATION ABOUT AUTHORS		154

УДК 49
ББК Ш 164.2

О ГРУППЕ ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ В ЯЗЫКЕ ДЕРБЕТОВ КАЛМЫКИИ И МОНГОЛИИ*

С. М. Трофимова, В. И. Рассадин

Настоящая статья представляет собой попытку осуществить сравнительное исследование группы переднеязычных согласных в языке дербетов Калмыкии и языка дербетов Монголии на предмет установления их сходств и различий. Данная тема представляется весьма актуальной, имеющей большое научное значение, поскольку дербеты Монголии составляли с дербетами Калмыкии некогда (более четырехсот лет тому назад) единый народ в Центральной Азии. Важно сравнить их языки и установить общемонгольскую основу их консонантизма, особенности ойратского ареала и черты, характерные для языка дербетов как Калмыкии, так и Монголии.

При исследовании звукового строя языка дербетов Калмыкии мы опираемся, прежде всего, на работу А. Ш. Кичикова «Дербетский говор» [1963] и использовали также наши собственные наблюдения. Материал по языку дербетов Монголии взят из работ Э. Вандуя [1962; 1965] и Ж. Цолоо [1988]. В качестве источника по литературному калмыцкому языку выступают «Грамматика калмыцкого языка» [1983] и «Калмыцко-русский словарь» под редакцией Б. Д. Муниева [1977].

Поскольку классификацию согласных фонем принято осуществлять по месту их образования в полости рта и по участию в артикуляции активного речевого органа (языка, губ и увулы), они рассматриваются нами в соответствующих группах: губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, увулярные.

У переднеязычных согласных активным артикулирующим органом является передняя часть спинки языка, которая образует с верхними зубами смычку, щель, а также

совмещение смычки со щелью, в результате чего образуются аффрикаты.

Рассмотрим эти звуки по порядку.

Переднеязычными смычными согласными являются *т*, *д*, *н*. Особая артикуляция у согласного *л*, который относится к смычным, но с боковой щелью, через которую проходит воздушная струя. Это, по сути, ротовый переднеязычный смычный плавный боковой сонант. Есть мнение считать его переднеязычным сверхслабым щелевым боковым ротовым звуком [Грамматика калмыцкого языка 1983: 32]. Как бы там ни было, но он произносится при помощи кончика языка, плотно прижатого к передним зубам, что позволяет отнести его к смычным согласным.

Глухой ротовый переднеязычный смычный согласный *т* является достаточно распространенным в языке дербетов Калмыкии звуком, как и вообще в калмыцком языке, в позиции анлаута и инлаута, например: *таавър* 'предположение, догадка', *то* 'число', *товчъ* 'пуговица', *титъм* 'корона', *алтân* 'золото // золотой', *тавтаа* 'пятилетний', *устæ* 'волосатый', *цутхъхъ* 'лить, отливать', *шатъ* 'лестница'. «В абсолютном исходе односложного слова, — отмечает П. Ц. Биткеев, — согласный *т* не встречается, а в многосложных может выступать, если ему предшествует краткий гласный. Примеры ограничиваются глагольной формой, аффикс которой исторически восходит к личному местоимению *та* (вы): *ирит* (придите), *авыт* (возьмите), *татыт* (тяните)» [Грамматика калмыцкого языка 1983: 25]. В языке дербетов Монголии этот звук также распространен и встречается в этих же позициях, например, *тавъг* 'лапа (верблюда)', *темæн* 'верблюды', *ташхъ* 'бить ладонью', *утаан* 'дым', *ириит* 'придите'.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 11-24-03-005/аМон.

В языке дербетов как Калмыкии, так и Монголии звук *t* является наследником того же **t*, что и в древнемонгольском языке [Рассадин 1982: 72–73], например, др.-монг. *ta* — общедерб. *та*, х.-монг. *та*, бур. *та* ‘вы’; др.-монг. *temegen* — общедерб. *темээн*, х.-монг. *тэмээ*, бур. *тэмээн* ‘верблюды’; др.-монг. *iyuta* — общедерб. *уутай*, х.-монг. *уут*, бур. *уута* ‘мешок’; др.-монг. *utayan* — общедерб. *утаан*, х.-монг. *утаа*, бур. *утаан* ‘дым’.

Звонкий ртовый переднеязычный смычный согласный *d* в языке дербетов Калмыкии очень частотный звук, встречающийся во многих словах в любой позиции, например: *даалһайр* ‘поручение’, *дундй* ‘средний’, *дорй* ‘внизу’, *дүүрэй* ‘наполненный’, *дурсён* ‘внешний вид’, *адйг* ‘конец’, *меддэйг* ‘знающий’, *ингээдтээ* ‘смешной’, *зуд* ‘бескормица скота’, *арваад* ‘по десять’, *ирээд* ‘придя’. В позиции ауслаута оглушается, как и в конце слога перед глухим согласным. В языке дербетов Монголии этот согласный весьма распространен и ведет себя аналогичным образом, например, *девл* ‘шуба’, *дарюун* ‘после, затем’, *белдхёл-белтхёл* ‘подготовка’, *йоваад* ‘уйдя’, *суугаад* ‘сев’.

В языке дербетов Калмыкии и Монголии, как и в других современных монгольских языках, этот звук наследует древний общемонгольский **d* во всех позициях слова [Рассадин 1982: 57], например, др.-монг. *dörben* — общедерб. *дөрвён*, х.-монг. *дөрөв* // *дөрвөн*, бур. *дүрбэн* ‘четыре’; др.-монг. *dutuγi* — общедерб. *дутуу*, х.-монг. *дутуу*, бур. *дутуу* ‘недостающий’; др.-монг. *čidaqi* — общедерб. *чидхё*, х.-монг. *чадах*, бур. *шадаха* ‘мочь, выдержать’; др.-монг. *boluγad* — общедерб. *болаад*, х.-монг. *болоод*, бур. *болоод* ‘сделавшись; став; будучи’.

Звонкий носовой переднеязычный смычный сонант *n* в языке дербетов Калмыкии употребляется повсеместно в любой позиции слова: *наадан* ‘игра’, *наавйр* ‘наклейка’, *намйр* ‘осень’, *негн* ‘один’, *ниитё* ‘общество’, *нөкёр* ‘товарищ’, *андйгаар* ‘клятва’, *эндё* ‘здесь’, *тендё* ‘там’, *энё* ‘это, этот, эта’, *зуун* ‘сто’, *арвйн* ‘десять’, *юмйн* ‘вещь’, *юун* ‘что’. Аналогичным образом этот согласный ведет себя и в языке дербетов Монголии, например, *наадгээ* ‘игрушка’, *наар* ‘сюда’, *насвай* ‘нюхательный табак’, *нерён* ‘имя’, *олёнцйг* ‘чепрак’, *андсйн* ‘соха, плуг’, *бенш* ‘пельмени’, *шаанцйг* ‘клин’, *келён* ‘язык’, *унйгйн* ‘жеребенок’.

В языке дербетов как Калмыкии, так и Монголии этот согласный *n* продолжает употребляться в тех же словах и в тех же позициях, что и в древнем монгольском и современных монгольских языках [Рассадин 1982: 87–92], например, др.-монг. *naγitan* — общедерб. *нээмён*, х.-монг. *найм* // *найман*, бур. *найман* ‘восемь’; др.-монг. *ene* — общедерб. *энё*, х.-монг. *энэ*, бур. *энэ* ‘этот’; др.-монг. *nigen* — общедерб. *негён*, х.-монг. *нэг* // *нэгэн*, бур. *нэгэн* ‘один’.

Звонкий ртовый переднеязычный смычный боковой сонант *l* в языке дербетов Калмыкии представлен достаточно хорошо — он употребляется в начале слов, в середине и в конце без каких-либо ограничений, например: *лаа* ‘свеча’, *лаваар* ‘верно, точно’, *лавшйг* ‘накидка, халат’, *литё* ‘календарь’, *лошхй* ‘репейник’, *алвйн* ‘налог’, *актйлхй* ‘активировать, составлять акт’, *алйг* ‘пегий’, *улаан* ‘красный’, *гьал* ‘огонь’, *жйил* ‘год’, *көл* ‘нога, ноги’, *көкүүл* ‘грудной (о ребенке)’. В языке дербетов Монголии *l* употребляется без ограничения в тех же позициях, например, *лагдй* ‘доска для раскатывания теста’, *лавшйг* ‘летний халат’, *көглжйргён* ‘голубь’, *келдүүр* ‘деревянная лопатка для золы’, *мал* ‘скот’.

Этот согласный стоит в тех же словах в тех же позициях слова, что и в древнем монгольском и современных монгольских языках [Рассадин 1982: 92–95], например, др.-монг. *lab* — общедерб. *лав*, х.-монг. *лав*, бур. *лаб* ‘правильно, верно’; др.-монг. *alay* — общедерб. *алйг*, х.-монг. *алаг*, бур. *алаг* ‘пегий (о масти)’; др.-монг. *mal* — общедерб. *мал*, х.-монг. *мал*, бур. *мал* ‘скот’.

К переднеязычным щелевым согласным в языке дербетов Калмыкии также относятся *s*, *z*, *ш* и *p*. Если первые три звука являются обычными щелевыми звуками, то у *p* щель сопровождается дрожанием кончика языка, и он представляет собой дрожащий щелевой звук.

Глухой ртовый переднеязычный щелевой свистящий согласный *s* здесь весьма распространенный звук, встречающийся в любой позиции слова, например: *саад* ‘препятствие’, *саарйл* ‘буланный’, *саахй* ‘доить’, *серхё* ‘просыпаться’, *тасйлхй* ‘отрывать’, *усйн* ‘вода’, *үсён* ‘молоко’, ‘волос на голове’, *цэгсйг* ‘любитель чая’, *махсйг* ‘любящий мясо’, *ирсён* ‘пришедший’, ‘пришел’, *авсйн* ‘взявший’, ‘взял’, *тарвйс* ‘арбуз’, *терс* ‘иноверец’, *барс* ‘барс’. Весьма обычный частотный согласный и в языке дербе-

тов Монголии, встречающийся в слове в любой позиции, например, *саран* ‘луна’, *севгёр* ‘девочка’, *сшик* ‘серьги’, *сөө* ‘ночь’, *улаасан* ‘осина’, *усун* ‘вода’, *туульс* ‘сказки’.

В языке дербетов Калмыкии и Монголии этот согласный восходит к древнемонгольскому *s, употреблявшемуся в любой позиции слова [Рассадин 1982: 77–78], например, др.-монг. *sapaγsan* — общедерб. *сансйн*, х.-монг. *сансан*, бур. *һанаһан* ‘задуманный’; др.-монг. *sōni* — общедерб. *сөө*, х.-монг. *шөнө*, бур. *һүни* ‘ночь’; др.-монг. *usun* — дерб. К. *усйн*, дерб. М. *усун*, х.-монг. *ус* // *усан*, бур. *уһан* ‘вода’; др.-монг. *arasun* — дерб. К. *арсйн*, дерб. М. *арсйн*, х.-монг. *арьс*, бур. *арһан* ‘шкура’; др.-монг. *alus* — общедерб. *алас*, х.-монг. *алс*, бур. *адас* ‘дальний, далекий’.

Звонкий ртовый переднеязычный щелевой согласный з в языке дербетов Калмыкии активно используется в позиции анлаута и инлаута и очень редко, буквально в единичных иностранных по происхождению словах в ауслауте, например: *за* ‘саксаул’, *заалтай* ‘указатель’, *завсар* ‘промежуток’, *залаатээ* ‘хохлатый’, *залуу* ‘мужчина’, *зээтээ* ‘имеющий свободное место’, *зевтээ* ‘ржавый’, *зузаан* ‘толстый (о плоском)’, *азай* ‘счастье’, *аздай* ‘буян, дебошир’, *терзэ* ‘окно’, *бузар* ‘грязный’, *тээз* ‘сцена’. В языке дербетов Монголии, по свидетельству Э. Вандуя [1965: 72–76], относительно данного согласного положение не однозначное. Дело в том, что калмыцкий свистящий согласный з развился из свистящей аффрикаты дз, которая возникла на месте шипящей аффрикаты *дж, как это и произошло в определенный исторический период эволюции северо-западных монгольских языков — халхаского, калмыцко-ойратского и бурятского — потомков древнего языка монголов-шивеев. В языке ойратов Монголии, как и в языке дербетов Калмыкии, представлен результат этого же процесса, т. е. развитие з на месте дз (< *дж) [Рассадин 1982: 76]. Однако у дербетов Монголии давно уже наблюдается смешение в употреблении свистящих щелевого з и аффрикаты дз, особенно это заметно в анлауте, где применяют и з, и дз, например, *зам-дзам* ‘путь’ (ср. др.-монг. *јат*, х.-монг. *дзам*, бур. *зам* id.), *дзагайсн-дзагас-загайсн* ‘рыба’ (ср. др.-монг. *јiγasun*, х.-монг. *дзасас*, бур. *загаһан* id.), *зургаан-дзургаан* ‘шесть’ (ср. др.-монг. *јiγuγan*, х.-монг. *дзургаа*, бур. *зургаан* id.). В середине слова, главным образом между

гласными, обычен з, например, *езэн* ‘хозяин’ (ср. др.-монг. *ејен*, х.-монг. *эдзэн*, бур. *эжэн* // *эзэн* id.), *базай* ‘своjak’ (ср. др.-монг. *баја*, х.-монг. *бадз*, бур. *база* id.). Э. Вандуй объясняет такое двойное произношение влиянием халхаского языка. Встречается этот согласный, хотя и редко, и в конце слова, например, *бигбёрз* ‘кузнечик’, *шууз* ‘щетка’.

Глухой ртовый переднеязычный щелевой шипящий согласный ш в языке дербетов Калмыкии довольно активен и употребляется в словах в любой позиции, например: *ша* ‘ревматизм’, *шаазгээ* ‘сорока’, *шаваатээ* ‘обмазанный’, *шонтал* ‘дятел’, *шүдэн* ‘зуб, зубы’, *шакшйг* ‘куст’, *аашиха* ‘приближаться’, *аашй* ‘характер’, *өшигэн* ‘мечь, ненависть’, *бээшйң* ‘дворец’, *тогшй* ‘крендель’, *баршй* ‘барыш, прибыль’. Не менее распространен этот согласный и в языке дербетов Монголии, встречается в любой позиции, например, *шалчааг* ‘лужа’, *шйкйр* ‘сахар, конфеты’, *шүүгүүл* ‘метла’, *ашйк* ‘мочка уха’, *башйк* ‘колос’, *башилк-башилг* ‘домашний сыр’, *идэш* ‘корыто (для кормления животных)’.

В древнемонгольском языке *š был довольно редким звуком, который произносился либо в монгольских образных словах, либо в заимствованных словах или в виде самого š, или как субститут š [Рассадин 1982: 85–87]. Позднее в монгольских языках, в том числе и в языке дербетов как Калмыкии, так и Монголии, развился из *s в позиции перед *i, например, др.-монг. *sitaqu* > стп.-монг. *šitaqu* — дерб. К. *шамхā*, дерб. М. *шимāхā*, х.-монг. *шатах*, бур. *шатаха* ‘гореть’; др.-монг. *sidün* > стп.-монг. *šidün* — общедерб. *шүдэн*, х.-монг. *шүд* // *шүдэн*, бур. *шүдэн* ‘зуб; зубы’; др.-монг. *asiγ* > стп.-монг. *ašiy* — общедерб. *ашйг*, х.-монг. *ашиг*, бур. *ашаг* ‘выгода, польза’.

Звонкий ртовый переднеязычный дрожащий щелевой согласный р в языке дербетов Калмыкии в анлауте собственно калмыцких слов не употребляется, используется в этой позиции только в русских заимствованных словах типа *район* ‘район’, *радио* ‘радио’, *реформ* ‘реформа’, *рулетк* ‘рулетка’ и т. п. В собственно калмыцких словах стоит как в позиции инлаута, так и ауслаута, например: *арвйн* ‘десять’, *гьорвйн* ‘три’, *дөрвөн* ‘четыре’, *зургаан* ‘шесть’, *жирён* ‘шестьдесят’, *йирён* ‘девятьносто’, *деерё* ‘наверху’, *дорā* ‘внизу’, *дораагуур* ‘низом, понизу’, *кир* ‘грязь’, *кирээр* ‘по мере’. Аналогичную картину бытования этого согласного мы видим

и в языке дербетов Монголии, например, *аршаан* 'минеральная вода, родник с минеральной водой', *хөрйн* 'двадцать', *гьурвйн* 'три', *гьараар* 'руками'.

В языке дербетов как Калмыкии, так и Монголии согласный **r* не был характерен для позиции анлаута в собственно монгольских словах, но обычен в середине и конце слова [Рассадин 1982: 95–97], например, др.-монг. *пагап* — общедерб. *нарйн*, х.-монг. *нар* // *наран*, бур. *наран* 'солнце'; др.-монг. *γar-iyar* — общедерб. *гьараар*, х.-монг. *га-раар*, бур. *гараар* 'руками'; др.-монг. *патиг* — общедерб. *намйр*, х.-монг. *намар*, бур. *намар* 'осень'.

К переднеязычным смычно-щелевым согласным в языке дербетов Калмыкии относятся аффрикаты *ц*, *ч*, *ж*, хотя П. Ц. Биткеев считает *ч* и *ж* среднеязычными сильным и слабым смычно-щелевыми звуками соответственно [Грамматика калмыцкого языка 1983: 26, 29]. Вероятно, переднеязычная отодвинутая назад смычка привела его к такому выводу. Но как бы там ни было эти аффрикаты весьма активны в языке дербетов.

Глухой ртовый переднеязычный свистящий смычно-щелевой согласный *ц* представлен в калмыцком языке «...в начале и середине слова: *царцаха* (кузнечик), *цэцэн* (мудрый), *эцке* (отец), *цэ* (чай), *бакцэ* (бахча). В исходе слова обычно не выступает, но в произношении молодежи *ц* наблюдается в конце некоторых слов, где он следует после краткого гласного: *төрүц* (совершенно, совсем)» [Грамматика калмыцкого языка 1983: 25]. То же можно утверждать об употреблении этой аффрикаты и в языке дербетов Калмыкии, хотя встречается она в начале и середине слова, например, *цацй* 'надгробие', *цаар* 'туда', *цар* 'вол', *цецэг* 'цветок', *ацаан* 'груз'. Аналогичное распространение этот согласный имеет и в языке дербетов Монголии, например, *цар* 'вол', *царцгээ* 'орел', *цогц муутэдэ* 'беременная', *цагаан* 'белый'.

Восходит эта аффриката к древнемонгольской шипящей аффрикате **č*, развившейся позднее в монгольских языках северо-западного ареала, куда входят язык ойратов, халха-монгольский и бурятский языки, во многих словах в свистящую аффрикату *ц* (бурятский перевел ее в *s* и *š*) [Рассадин 1982: 75–76], например, др.-монг. *čaγaγan* — общедерб. *цагаан*, х.-монг. *цагаан*, бур. *сагаан* 'белый'; др.-монг. *časun* — обще-

дерб. *цасйн*, х.-монг. *цас* // *цасан*, бур. *саһан* 'снег'; др.-монг. *čisun* — дерб. К. *цусйн*, дерб. М. *цусйн*, х.-монг. *цус* // *цусан*, бур. *шуһан* 'кровь'; др.-монг. *čečeg* — общедерб. *цецэг*, х.-монг. *цэцэг*, бур. *сэсэг* 'цветок'.

Звонкий ртовый переднеязычный шипящий смычно-щелевой согласный *ч* в языке дербетов Калмыкии активно используется главным образом в начале и середине слова, например: *чавчаачй* 'рубщик', *чадмйг* 'умелый, искусный', *чи* 'ты', *чикээр* 'прямо', *чөлээн* 'свободное время', *чичйрхэ* 'трястись', *ачй* 'внук (по мужской линии)', *ачаачй* 'грузчик', *модйчй* 'плотник', *келчкэ* 'скажи-ка', *авчкй* 'возьми-ка', *кенчён* 'кто-то'. «В исходе слова выступает только как показатель 2-го лица единственного числа при спряжении глаголов, например, *одыч* (пойди ты, пожалуйста), *авыч* (возьми)» [Грамматика калмыцкого языка 1983: 26–27]. Аналогичное употребление у этого согласного находим и в языке дербетов Монголии, например, *чи* 'ты', *чигчгээ* 'мизинец', *чинээ* 'размером с...', *чагчээхэдэ* 'саранча', *бачйм* 'торопливый', *ирйич* 'приходи'.

Во многих словах языка дербетов Калмыкии и Монголии аффриката *ч* сохраняет свой шипящий характер и наследует древнемонгольскую шипящую аффрикату **č* [Рассадин 1982: 75–76], например, др.-монг. *či* — общедерб. *чи*, х.-монг. *чи*, бур. *ши* 'ты'; др.-монг. *čilaγun* — общедерб. *чолуун*, х.-монг. *чулуу*, бур. *шулуун* 'камень'; др.-монг. *čilüge* — дерб. К. *чөлээн*, дерб. М. *чөлээ*, х.-монг. *чөлөө*, бур. *сүлөө* 'свободное время'; др.-монг. *čočiγu* — дерб. К. *чочхй*, дерб. М. *чочйххй*, х.-монг. *цочих*, бур. *сошо-хо* 'вздрагивать от испуга'.

Звонкий ртовый переднеязычный шипящий смычно-щелевой согласный *ж* весьма активен в языке дербетов Калмыкии и употребляется в позиции анлаута и инлаута без ограничения, например: *жажйльвйр* 'жвачка', *жигшүүр* 'брезгливость', *жэораа* 'иноходь; иноходец', *жэөлён* 'мягкий', *жанжйалхй* 'скандалить', *тежээл* 'питание; корм'. В конце слова, по мнению П. Ц. Биткеева, данная фонема не встречается [Грамматика калмыцкого языка 1983: 29]. В то же время А. Ш. Кичиков в своей работе [1963: 12–13] утверждает, что аффриката *ж* встречается во всех позициях слов и даже в ауслауте, например, *йовааж* 'оказывается'. В языке дербетов Монголии *ж* произносится в виде шипящей аффрикаты *ж* (*дж*) во многих словах в начале

и в середине слов, иногда в конце, например, *жа* 'ладно', *жиргэл* 'счастье', *жөөлөн* 'мягкий', *жирмаахэд* 'мальки рыб', *дүүжэн* 'железное ведро', *ажіргэ* 'жеребец', *согбж* 'жареная печень'.

Во многих словах языка дербетов Калмыкии и Монголии аффриката *ж* сохраняет свой шипящий характер, присущий древнемонгольской аффрикате **ʃ* (*dʒ*), не перешедшей в *dz* [Рассадин 1982: 76–77], например, др.-монг. *jiṛyal* — общедерб. *жиргэл*, х.-монг. *джаргал*, бур. *жаргал* 'счастье'; др.-монг. *jögelen* — общедерб. *жөөлөн*, х.-монг. *дзөөлөн*, бур. *зөөлэн* 'мягкий'; др.-монг. *aṣiṛṣa* — общедерб. *ажіргэ*, х.-монг. *адзрага*, бур. *азарга* 'жеребец'.

Проведенный сравнительный анализ переднеязычных согласных в языке дербетов Калмыкии и Монголии не выявил существенной разницы между ними. Они в основном сохраняют общемонгольский (в пределах северо-западной группы монгольских языков) характер консонантизма. При этом спецификой ойратского ареала, в который входит язык дербетов как Калмыкии, так и Монголии, является наличие четырех аффрикат — *ч*, *дж*, *ц*, *дз*, — развившихся на месте двух древних **ч* и **дж* в языке дербетов Монголии, что сближает его с языком халха-монголов, при этом для первых характерно смешанное произношение аффрицированного *дз* и щелевого *з*. В языке дербетов Калмыкии полностью отсутствует аффриката *дз* и во всех словах бытует только щелевой *з*. Появление аффрикаты *дз*, особенно в анлауте многих слов, рассматривается как халхаское влияние. Для ойратского ареала, в том числе и для дербе-

тов Калмыкии и Монголии, характерно также произнесение чисто переднеязычного *н* в ауслауте большинства слов, как это было характерно для древнего монгольского языка и что отличает от них халха-монгольский и бурятский языки, в которых каждый конечный *н* звучит как *ң*, например, др.-монг. *он* — общедерб. *он*, общеойрат. *он*, х.-монг. *он* (*оң*), бур. *он* (*оң*) 'год'; др.-монг. *modun* — дерб. К. *модан*, дерб. М. *модан-модбн*, х.-монг. *мод* // *модон* (*модбн*), бур. *модон* (*модбн*) 'дерево; деревянный'.

Сокращения

бур. — бурятский язык; дерб. К. — язык дербетов Калмыкии; дерб. М. — язык дербетов Монголии; др.-монг. — древнемонгольский язык; общедерб. — общедербетская норма; стп.-монг. — старописьменный монгольский язык; х.-монг. — халха-монгольский язык

Литература

- Грамматика* калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.
- Калмыцко-русский словарь* / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Кичиков А. Ш. Дербетский говор. Элиста: Калмгосиздат, 1963. 87 с.
- Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 200 с.
- Вандуй Э. Дөрвөд аман аялгууны зарим онцлогоос. Улаанбаатар, 1962. 40 с.
- Вандуй Э. Дөрвөд аман аялгуу. Улаанбаатар, 1965. 176 с.
- Цолоо Ж. БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II. Ойрд аялгуу. Улаанбаатар, 1988. 943 с.

УДК 811.161.1'373

ББК (Ш)81.2.Рус-3

НОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СТАРЫХ СЛОВ
(корпусное исследование на материале повседневной русской речи)*

Н. А. Осмак

Процессы, происходящие в настоящий момент в русской разговорной речи, характеризуются многими лингвистами как «хаотические» [Скляревская 1996: 463; Крысин 2008: 110], что заставляет вспомнить о теории Е. Д. Поливанова, утверждавшего, что в период различных социальных потрясений *эволюционные* изменения в языке приобретают *революционный* характер. Сложно сказать, насколько понятие «революционности» применимо к языку, который является достаточно стабильной системой, однако несомненно, что эта теория справедлива по отношению к речи.

И действительно, в русском культурном и языковом пространстве произошла своеобразная «переоценка ценностей», проявившаяся, в том числе, в смене нормативных основ литературного языка. В настоящий момент наблюдается значительная коллоквиализация публичных сфер общения, насыщение их разговорными элементами [Крысин 2008: 110], что, в свою очередь, привело к изменению разговорной речи, которая была и остается «кузницей» языка. Многие явления, первоначально появившись в речи, в дальнейшем проникают в общий литературный фонд языка. Это делает актуальным изучение современной русской разговорной речи, особенно ее лексических ресурсов, а также выводит на первый план ее словарное описание, поскольку «именно совокупность лексикографических изданий отражает языковой облик эпохи, представляет наиболее существенные изменения в лексиконе современной языковой личности» [Черняк 2004: 131]. В то же время неоднократно отмечалось, что именно живая речь как подвижная, постоянно изменяющаяся система коммуникации, должна стать материальной базой не только для лингвистических исследований, но и для преподавания русского языка в любой аудитории

[Богданова и др. 2010: 1499]. Наличие же актуальных словарей русской разговорной речи позволило бы сделать процесс обучения более эффективным, поскольку в таком случае лексикографические издания были бы построены в соответствии с основным принципом современной методики — принципом коммуникативности.

Возможность комплексного лексикографического исследования спонтанной речи предоставляет создаваемый в настоящее время на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета Звуковой корпус русского языка (ЗКРЯ) [Богданова и др. 2008], в пользу обращения к которому говорит и то, что именно корпусный подход «отражает точку зрения многих лингвистов на то, каким должно быть адекватное “эмпирическое” изучение языка» [Meuser 2004: 141].

Звуковой корпус русского языка состоит из двух блоков. Один является сбалансированным по различным параметрам: социологическим, психологическим и лингвистическим, т. е. информанты для записи отбирались по довольно строгим критериям, а весь звучащий материал реализован в рамках нескольких *коммуникативных сценариев*:

- *чтение* (сюжетного и несюжетного исходных текстов);
- *пересказ* (сюжетного и несюжетного исходных текстов);
- *описание* (сюжетного и несюжетного изображений);
- *свободный рассказ* на заданную тему (знакомую и незнакомую).

Однако данный блок остается за рамками настоящего исследования, поскольку речь, представленная в нем, является все же *экспериментальной* (заданной исследователем и ограниченной определенными рамками, не полностью естественной) [Чуйко 2011].

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Изучение зависимости речевых характеристик от условий коммуникации (корпусное исследование на материале повседневной русской речи)» (проект 10-06-00300).

Второй блок получил название «Один речевой день» (далее — ОРД). Целью этой части проекта является создание базы русской спонтанной речи, записанной в максимально естественных условиях, что подразумевает выполнение следующих требований:

- 1) отсутствие внешнего влияния на речевое поведение говорящего;
- 2) отсутствие искусственно созданных, нехарактерных для информанта ситуаций.

Иными словами, информант, осуществляя запись, не меняет обычного распорядка дня, не изменяет своим привычкам и не стремится повлиять на ход записи. Кроме этого, целью ОРД не является представление русского языка во всем многообразии его форм и проявлений. Внимание его создателей сконцентрировано на изучении бытового языка, речевого поведения среднестатистического обывателя. Такой подход позволяет получить своего рода «речевой срез» современного общества, а значит, также требует соблюдения определенных критериев при отборе информантов:

- 1) русский язык должен быть родным для говорящего;
- 2) отсутствие влияния диалекта;
- 3) отсутствие влияния определенной профессии, т. е. информанты должны быть представителями разных профессий;
- 4) более или менее сбалансированный состав информантов по возрасту и гендеру.

Методика 24-часовой записи, используемая при формировании данного блока ЗКРЯ, обеспечивает почти полную свободу говорящего от диктофона или от тех или иных коммуникативных заданий; в результате материалом исследования становится живая, максимально естественная повседневная, речь носителя русского языка.

В настоящее время лексикографическое описание спонтанной речи на основе звучащего материала ведется в различных направлениях, среди которых можно отметить создание словарей контекстных экспрессем русской разговорной речи, дискурсивных единиц и редуцированных форм [Богданова, Осьмак 2011]. Однако наибольший интерес представляет создание словаря русской разговорной бытовой речи, поскольку ни один из существующих словарей не дает возможности в полной мере проследить особенности употребления лексических

единиц в современной спонтанной речи носителей языка.

Думается, что работа над таким словарем может осуществляться различными способами. Во-первых, через описание наиболее частотных лексем — и здесь в первую очередь встает задача выявления основных проблем такого описания и конкретных тенденций лексических изменений, подлежащих лексикографической фиксации. Во-вторых, через детальный и разноаспектный анализ отдельных лексико-семантических групп. Несмотря на кажущуюся логичность первого пути — обращения к «верхушке» частотного словника как к основному материалу такого описания, от него пока приходится отказаться. Это объясняется, в частности, тем, что наиболее частотные лексемы словника ОРД представляют собой, в основном, служебные слова, хезитативы и другие дискурсивные единицы, а значит, лексикографическое описание таких «слов» приведет к созданию не словаря русской разговорной бытовой речи, а, скорее, словаря дискурсивных единиц. Второе же направление — анализ отдельных лексико-семантических групп — напротив, ставит во главу угла семантику слова, а не его функции, и позволяет проследить семантические, коннотативные и стилистические изменения в употреблении тех или иных лексем. Работа в этом направлении уже позволила получить ряд интересных результатов.

Так, был проведен контрастивный анализ функционирования в речи двух групп русских слов сравнительно небольшого объема — единиц, обозначающих лица женского и мужского пола [Андросова, Чен 2010]. Анализ материала (около 80 единиц) показал, что значения или особенности функционирования некоторых лексических единиц данной лексико-семантической группы в современной русской спонтанной речи оказываются во многом отличными от традиционных словарных дефиниций. Одному из таких явлений и посвящена настоящая статья.

В ходе сопоставительного анализа употребления данной группы лексических единиц в расшифровках ОРД и в словарях русского языка интересными оказались употребления форм *девочки* и *девчонки* (только во мн. ч.) в значении ‘лицо одного возраста с говорящим’, например:

- *я жалею / что я не пошла с девочками / девочки как раз ходили на концерт / а я чем-то была развлечена другим;*
- *я вот этой (...) по совету девчонок / они же опытные / всё знают // купила вчера капли анти... антибиотические // специальный антибиотик // ага !*
- *у меня вот приличные девочки / таких вещей не рассказывают;*
- *так нет / так у нас было то / давно ещё / в Испании / *В (э-э) там девчонки были / одна / *П такая () русичка бл... блондинистая / а другая татарочка чёрненькая // *В а они перепутали паспорта // и *Н говорит / вы говорит девочки / вы так это / нас так примитивно проверяете ?*
- *пф... где-то в час ночи наверное // ну что я пришла(:) (э-э-э) девчонки(:) ждали *Н / чай попить // *П вчера мы ведь безъ день говели.*

Малый академический словарь ограничивает возрастные рамки для данных лексем, определяя их как 'ребенок или подросток женского пола' [Словарь русского языка, I 1999: 375]. Однако из приведенных контекстов отнюдь не следует, что *девчонка* или *девочка* — именно ребенок. С равной степенью вероятности речь может идти как о семилетнем ребенке, так и о пятидесятилетней женщине.

Любопытно, что лексема *мальчик* (как в ед., так и во мн. ч.) в подобном значении употребляется значительно реже, чем *девочки/девчонки*. Ее значение можно определить, скорее, как 'лицо одного возраста с говорящим или младше':

- *там сели поехали / собралась / там как бы / компания там / четыре девчонки из Питера там / мальчик потом подсоединился из Москвы // ну вот как бы / тусили // а / прикольно // нормальные ребята такие.*

Предварительные наблюдения показали, что употребление данных лексем (и *девочки/девчонки*, и *мальчик*) характерно преимущественно для женской речи. В этой связи уместно вспомнить, что в последнее время исследования речи мужчин и женщин на различных уровнях (фонетическом, морфологическом, лексическом и пр.) подтвердили наличие существенных различий между тем, как говорят мужчины, и тем, как говорят женщины.

Так, например, Е. А. Земская, М. А. Кийгородская и Н. Н. Розанова выделяют

следующие просодические черты, в большей мере свойственные женщинам, чем мужчинам: более высокий уровень основного тона; более широкий голосовой диапазон; способность более свободно менять голосовой регистр, широкое использование скользящих нисходящих и восходящих тонов, а также сложных восходяще-нисходящих или нисходяще-восходящих тонов в пределах одного ударного слога; меньшая громкость; придыхание, лабиализация, назализация. Женщины также чаще прибегают к выражению своих эмоций с помощью интонации, в то время как мужчины предпочитают использовать лексические средства [Земская и др. 1993].

Исследования И. Н. Кавинкиной, посвященные различиям мужской и женской речи на морфологическом уровне, показали, что женщины, по сравнению с мужчинами, используют большее количество суффиксов со значением уменьшительности, ласкательности. Причем диминутивы, встречающиеся в письменной речи женщин, в большинстве своем содержат в качестве словообразующих формантов суффиксы *-очк-*, *-ечк-*, *-к-*, *-ик-*, *-еньк-*, в то время как для мужской письменной речи характерен иной набор подобных суффиксов: *-к-*, *-ок-*, *-ик-*, *-очк-* [Кавинкина 2007].

Именно лексический уровень считается наиболее подверженным влиянию гендерных стереотипов, что отражается на разной степени владения говорящим лексикой различных тематических групп. Считается, что в бытовых ситуациях для мужской речи характерна тенденция к точности номинации, терминологичности словоупотребления. Женщины в таких случаях часто используют приблизительные обозначения. Мужской речи, по сравнению с женской, свойственна тенденция к использованию экспрессивных, обычно стилистически сниженных, средств, в то время как типичной стилистической характеристикой женской речи является тенденция к гиперболизированной экспрессии, что подтверждает тезис о том, что женскую речь отличает от мужской более высокая концентрация в текстах эмоционально-оценочных слов и конструкций [Земская и др. 1993: 120—123, 129—131].

Однако для подтверждения выводов как о значении лексем *девочки/девчонки* и *мальчик*, так и о преимущественной тенденции их употребления в женской речи целесообразно все же обратиться к *ментальному*

лексикону носителей языка. Изначально под этим термином, введенным в 1966 г. психологом Р. Ч. Олдфилдом, понималась совокупность слов, хранящихся в долговременной памяти человека, посредством которой в процессе восприятия речи осуществляется доступ к лексической информации [Oldfield 1966]. В настоящее время, в связи с появлением большого количества экспериментальных исследований в данной области, наблюдается постепенное изменение значения термина. Наиболее удачным представляется определение, предложенное А. А. Залевской, по которому ментальный лексикон является сложной многоярусной системой пересекающихся полей, представляющих собой упорядоченную по разным основаниям информацию как о явлениях действительности, так и о связанных с ними языковых единицах, сложную сеть взаимосвязей, увязывающую огромное количество знаний в памяти человека [Залевская 1990: 87—88].

В нашем случае для обращения к ментальному лексикону носителей языка был проведен опрос, в котором респондентам предлагалось на основании контекста определить значение лексем *девочки/девчонки* и *мальчик*, а также отметить, кто, по их мнению, является автором реплики: мужчина или женщина. При этом была произведена определенная коррекция текста, а именно: заменены формы глаголов прошедшего времени на настоящее или будущее время, чтобы исключить очевидность мужской/женской речи.

В качестве материала для эксперимента были приведены следующие примеры из ОРД:

- *я вот этой (...) по совету **девчонок** / они же опытные / всё знают // куплю капли анти... антибиотические // специальный антибиотик // ага !*
- *у меня вот приличные **девочки** / таких вещей не рассказывают;*
- *так нет / так у нас было то / давно ещё / в Испании / *В (э-э) там **девчонки** были / одна / *П такая () русичка бл... блондинистая / а другая татарочка чёрненькая // *В а они перепутали паспорта // и *Н говорит / вы говорит девочки / вы так это / нас так примитивно проверяете ?*
- *пф... где-то в час ночи наверное // (э-э-э) **девчонки**(:) ждали *Н / чай попить // *П вчера мы ведь безъ день говели;*

- *так вот у нас был **мальчик** / который работал / у нас все работали () в равных // *П совершенно одинаково :) / и так далее;*
- ***мальчики** / встаем на завтрак;*
- *ну да / а они значит собираются / там типа / там кто едет в Финляндию / там типа / мы едем в Финляндию / там давайте поехали // *П там сели поехали / собралась там / компания там / четыре **девчонки** из Питера там / **мальчик** потом подсоединился из Москвы // ну вот как бы / тусили // *П а / прикольно // *П нормальные ребята такие // вполне // *П ну вот / так что.*

В опросе приняли участие 40 испытуемых (10 мужчин и 30 женщин) с различным уровнем образования (неоконченное высшее, высшее, кандидаты и доктора наук, филологи и нефилологи) и разного возраста (от 17 до 73 лет).

Респонденты были единодушны в отношении семантики лексем *девочки* и *девчонки*, указав, что в данных контекстах все они используются для обозначения ‘лица женского пола одного возраста с говорящим или младше’. Иная ситуация сложилась с лексемой *мальчик*. Можно сказать, что в данном случае мнения респондентов разделились в зависимости от их гендерной принадлежности. Так, 85 % (подавляющее большинство) женщин отметили, что данная лексема употребляется в значении ‘лицо мужского пола одного возраста с говорящим или младше’ (что объединяет данную единицу с двумя первыми), в то время как абсолютное большинство мужчин (100 %) и оставшиеся 15 % женщин полагают, что под *мальчиком* подразумевается ‘лицо мужского пола младше говорящего (пусть и незначительно)’.

Таким образом, полученные данные позволяют с большой долей уверенности утверждать, что в разговорной речи зафиксировано одно новое значение для лексем *девочки/девчонки* и два новых значения для лексемы *мальчик*. От чего же зависит выбор того или иного значения *мальчика*? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться ко второй части проведенного опроса.

При ответе на вопрос, для чьей речи — мужской или женской — характерно употребление лексем *девочки/девчонки* и *мальчик* в данных значениях, респонденты предложили следующие варианты (см. табл.).

Таблица. Результаты опроса респондентов

	Девочки/девчонки	Мальчик
Характерно только для женской речи	55 %	87 %
Характерно только для мужской речи	-	-
Характерно в равной степени для мужской и женской речи	45 %	3 %

Как видно из таблицы, лексемы *девочка* и *девчонка* в равной степени могут характеризовать и женскую, и мужскую речь, однако в ментальном лексиконе носителей языка их употребление ассоциируется все же в большей степени с женской речью. Интересно при этом, что респонденты отмечали, что использование этих лексем в мужской речи присуще определенным возрастным группам, а именно молодежи (до 25 лет) и людям пожилого возраста (после 60 лет).

Употребление же лексемы *мальчик*, на первый взгляд, однозначно характеризует женскую речь. Лишь 3 % опрошенных считает, что мужчины также могут использовать данную лексему в своей речи, но только если речь идет о человеке младше их. И действительно, для обозначения лица мужского пола одного возраста с говорящим мужчины употребляют обычно совсем другие слова, ср.:

- *и мы же мужики / друг друга понимаем // # бежит к тебе / знает // *П так знает там лучше;*
- *— а есть полтаха* ? по полтахам разменять ? — вон спроси / может парни разменяют ?*
- *пацаны-то рубят же в этом деле.*

Подводя итоги, можно сказать, что в современной русской бытовой разговорной речи появились новые значения лексем *девочка/девчонка* и *мальчик*, которые можно охарактеризовать следующим образом:

1) *девочки/девчонки* — ‘лицо женского пола одного возраста с говорящим или младше’; характерно преимущественно для женской речи, а также для речи определенных возрастных групп мужчин (до 25 и после 60 лет);

2) *мальчик* — ‘а) лицо мужского пола одного возраста с говорящим или младше’; характерно только для женской речи; ‘б) лицо мужского пола младше говорящего’; характерно для мужской речи.

Думается, что в словаре *русской бытовой разговорной речи* подобные нюансы употребления лексических единиц должны найти свое отражение, что позволит сделать

процесс обучения русскому языку более эффективным, поскольку учащиеся будут иметь возможность работать с актуальными лексикографическими источниками.

Сокращения

ЗКРЯ — Звуковой корпус русского языка;
ОРД — Один речевой день.

Литература

- Андросова Н. А., Чен Ч. В. О возможностях лексикографического описания русской спонтанной речи // Современные коммуникации: Язык. Человек. Общество. Культура. Сб. ст. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2010. С. 231–235.
- Богданова Н. В., Асиновский А. С., Русакова М. В., Степанова С. Б., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: Концепция и состояние формирования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7(14). По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2008) / гл. ред. А. Е. Кибрик. М.: Изд-во РГГУ, 2008. С. 488–494.
- Богданова Н. В., Степанова С. Б., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус как основа для лингвистических исследований и преподавания русского языка // II Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы». Гранада, 8–10 сентября 2010 г. К 55-летию преподавания русского языка в Испании. Том II. Доклады и сообщения / R. G. Tirado, L. Sokolova, I. Votyakova (eds.). Granada: Granada University Press, 2010. С. 1499–1502.
- Богданова Н. В., Осьмак Н. А. О некоторых лексических «открытиях» на материале русской спонтанной речи (корпусное исследование) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). Вып. 10 (17) / отв. ред. А. Е. Кибрик. М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 110–123.
- Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 206 с.
- Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской

- речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 90–136.
- Кавинкина И. Н. Проявление гендера в речевом поведении носителей русского языка. Гродно: Изд-во ГрГУ, 2007. 153 с.
- Крысин Л. П. Некоторые принципы словарного описания русской разговорной речи (Постановка задачи) // Русский язык в научном освещении. № 2 (16) 2008. М.: Изд-во «Языки славянской культуры», 2008. С. 110–118.
- Скляревская Г. Н. Русский язык конца XX века: версия лексикографического описания // Словарь. Грамматика. Текст: Сб. ст. / отв. ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Ляпон. М.: Ин-т рус. яз., 1996. С. 463–472.
- Словарь русского языка в четырех томах. Том I. А-Й / гл. ред. четвертого издания А. П. Евгеньева. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. 702 с.
- Черняк В. Д. Современная лексикография как зеркало социальной жизни современной России // Современная русская речь: состояние и функционирование. Сборник аналитических материалов / под ред. С. И. Богданова, Л. А. Вербицкой, Л. В. Московкина, Е. Е. Юркова. СПб.: Издат. дом «МИРС», 2004. С. 131–155.
- Чуйко В. М. О четырех степенях естественности устной спонтанной речи (данные аудиторского эксперимента) // Материалы XL международной филологической конференции. Вып. 24. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 23–25 марта 2011 г. Санкт-Петербург / отв. ред. А. С. Асиновский, науч. ред. Н. В. Богданова. СПб.: Изд-во Фил. факта СПбГУ, 2011. С. 222–229.
- Meyer C. F. English Corpus Linguistics: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 168 p.
- Oldfield R. C. Things, Words, and the Brain // Quarterly Journal of Experimental Psychology. Psychology Press, 1966. Vol. 18. P. 340–353.

УДК 811.512.37'271.2 + 811.111'271.2

ББК Ш100.3 (2 Рос.Калм) + Ш164.3-5 + Ш143.21-5

ГЕНДЕР И РОДСТВО В КАЛМЫЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКОЙ

А. В. Радионов

Ряд культурологов отмечает, что язык в современном языкознании служит не только объектом изучения и освоения, но и «носителем», «зеркалом» культуры [Гендер 2011: 6]. В фокусе зрения лингвокультурологов лежат элементы культуры, которые отражают, формируют информацию при помощи языка. Одним из таких элементов является гендер — социокультурный конструкт, аккумулирующий представления о мужественности и женственности, характерные для общества в определенный период его развития.

Эдвин и Ширли Арденер писали: «В любом обществе существуют господствующие (*dominant*) способы выражения, создаваемые доминирующими в нем структурами. В любой ситуации “слушают” и “слышат” лишь доминирующий способ выражения,

лишенная голоса группа (*muted group*) в любом контексте должна выражать себя в терминах доминирующего способа, а не той модели выражения, которую она могла бы создать сама» [Гендер 2011: 9]. Очевидно, что под лишенной голоса группой следует понимать женщин. С 70-х гг. прошлого столетия, что совпало со временем зарождения гендерной лингвистики, была предпринята серия попыток предоставить слабому полу голос в языке, а иногда и изменить сам язык. В частности, можно привести один пример крайней интерпретации теории Арденеров, отраженной в работе представительницы радикальной гендерной лингвистики Мери Дэйли, которая призывала отказаться от слова *history* в пользу *herstory* из-за якобы включения в состав первого гендерно маркированного элемента *his* «его». Кроме ча-

стичного упоминания в прессе в 1980-х гг. и появления ряда интернет-сайтов, данная этимологически необоснованная лексема дальнейшего распространения не получила.

Дейл Спенсер, автор книги «Man Made Language» (название которой можно перевести двояко — «Язык, созданный человеком» или «Мужчина создал язык»), в своем труде утверждает, что язык стал средством манипуляции реальностью для мужчины, и приводит несколько примеров: слово «материнство» в патриархальной традиции имеет исключительно позитивную дефиницию, так что другие стороны женского опыта, связанные с этим понятием, не могут быть выражены в языке: *happy motherhood* («счастливое материнство»), но не **unhappy motherhood* [Spencer 1990: 31–40].

Принимая позицию Спенсера и других видных ученых, в настоящей работе мы попытаемся раскрыть асимметричность представления мужчин и женщин на примере некоторых терминов, выражающих семейно-родственные отношения в калмыцком и английском языках. Наша рабочая гипотеза заключается в следующем: объем семантики, заключенный в наименованиях родства, а также их функционирование внутри и за пределами семейного дискурса обусловлены ментально-культурными и национально-историческими особенностями развития, зафиксированными в языке и сознании этих народов, а также традиционным распределением гендерных ролей в социуме.

Введение термина «гендер» в языкознание повлекло за собой необходимость четкого разграничения его от понятия «пол». Отечественные исследователи раскрывают сущность этих категорий через их взаимную корреляцию (Пушкарев 1998; Воронина 2001; Шведова 2000; Лорбер 1999; Зиммерман, Уэст 1999). Приводя несколько упрощенное определение, можно сказать, что сказать, что «пол — это биологические данные, а гендер — социальное приобретение» [Miller 1977: 51].

Общим для калмыцкого и английского языков является факт флективно-маркированного гендерного различия, т. е. род как грамматическая категория в известной степени нерелевантен. Р. Квирк все же выделяет девять моделей применения гендера, называя их «смысловым родом» (*notional, covert*) в отличие от «грамматического» (*grammatical, overt*), характерного, например, для русского языка [Quirk 1985: 314].

Нас интересует класс гендерно маркированных и немаркированных одушевленных существительных, в разряд которых попадают все термины родства: *эцк* 'отец' / *эк* 'мать', *аав* 'дедушка' / *ээж* 'бабушка', *көвүн* 'сын' / *күүкн* 'дочь'; *bachelor* / *spinster*, *father* / *mother*, *Mr* / *Mrs*, *Miss*, *Ms*.

К гендерно маркированным парам в английском языке относятся: *bridegroom* жених / *bride* невеста, *widower* вдовец / *widow* вдова. Интересно отметить, что с графической точки зрения это редкие случаи более длинных слов мужского рода. В калмыцком грамматические маркеры применяются для дифференциации животных: *хунн цар* 'трехлетний вол' / *хунжн үкр* 'трехлетняя корова'. Для обозначения одушевленных лиц существуют следующие лексемы: *эр* 'мужчина', *эм* 'женщина', *күүкн* 'девочка', *ах* 'старший', *дү* 'младший', *эгч* 'старшая сестра'. Так, отдельно употребляющийся термин *дү* означает младшего брата, а с добавлением элемента *күүкн* — младшую сестру [Грамматика калмыцкого языка 1983: 95–97].

Для калмыцкого языка важен компонент *наһц*, представляющий группу родственников со стороны матери: *наһц ах* / *наһцх* 'дядя, брат матери', *наһц эгч* 'тетя, сестра матери', *наһц ээж* 'бабушка по матери'. Групповой термин *наһцнр* применяется по отношению ко всем матрилинейным родственникам. Ц. К. Корсункиев верно заметил, что элемент *наһц* выражает отношения родства детей и потомков по дочери к ее родителям и родственникам мужского пола, вторые элементы репрезентируют отношения дочери к ее родственникам мужского пола, соотнесенные с ее потомками [Пюрбеев 1996: 170]. *Наһц* относится к классификационным терминам, распространенным в алтайских языках, и отражает патрилокальность и патрилинейный счет родства. Для современного английского языка подобные классификационные термины нехарактерны.

Английским лексемам с дуальным (общим) родом (*dual gender*) — *siblings* 'братья или сестры', *parents* 'родители', *grandparents* 'родители родителей', *spouse* 'супруг' — соответствуют калмыцкие парные слова: *ах-дү* (братья — от *ах* 'старший брат' и *дү* 'младший брат'), *эк-эцк* (родители — от *эк* 'мать' и *эцк* 'отец'), *аав-ээж* 'дедушка и бабушка', а также словосочетание *залу гергн хойр* (досл. 'муж и жена'). Проф. П.

Экерт в своем труде «Язык и гендер» полагает, что порядок следования гендерно маркированных единиц в сочетаниях (*gender order*) конвенционален, закреплён в сознании носителей языка. *Mr. and Mrs. Smith, husband and wife, Adam and Eve* — все это примеры данной конвенции, идеологии, отмеченные грамматистами XVI в., которые утверждали, что такой порядок следования отражает естественное биологическое превосходство мужчины над женщиной [Eckert 2003: 34]. Вышеприведенные примеры парных слов из калмыцкого языка полностью соответствуют данному положению. Исключение *эк-эцк* можно объяснить либо фонологическим принципом (инициальную позицию занимают элементы, стоящие впереди согласно алфавиту), либо, что нам кажется более правдоподобным, отголоском матриархата.

Брак порождает не только новые отношения между семьями, но и генерирует целую сеть новых наименований, которые принято называть терминами свойства. Так как отношения строятся по модели родственных, то неслучайно при назывании родственников супруга используют термины родства с прибавлением элементов: в калмыцком это стоящий в препозиции элемент *хадм*: *хадм эк* 'теща, свекровь' / *хадм эцк* 'тесть, свекор'; в английском языке — постпозиционный элемент *in-law*: *mother-in-law* / *father-in-law*. Все термины свойства в обоих языках по структуре сложные или составные, исключая лексемы, эксплицирующие понятия «муж», «жена»: *husband* / *wife*; *аваль* 'законный (первый) муж', *залу* 'муж' / *аһ*; *аваль* 'законная (первая) супруга', *гергн* 'жена', *хатн* 'супруга [выс. стиль]' [Монраев 2002: 14–15]. Большее количество данных терминов в калмыцком языке подтверждает возможность существования полигинии у калмыков, унаследованной от ойратов [Батмаев 2008: 46]. Многоженство существовало вплоть до конца XIX в., но было крайне редким явлением. Основная причина появления второй жены *хөөт гергн* — отсутствие детей (т. е. наследников) у первой *аваль*, которая в свою очередь не имела права противиться воле мужа. Это положение отражено в народной мудрости, что можно проиллюстрировать на примере пословиц: *Хөөт гергн хөөнэ махнас эмтэхн* 'Вторая жена слаще баранины'. *Нүүнэ гисн нутг* — *үвлэң болдг, хэрүлнэ гисн гергн* — *аваль болдг* 'Кочевье, которое собирался

покинуть, становится зимним; жена, с которой собирался развестись, становится первой женой'.

По данным этнографических описаний рубежа XIX–XX вв., положение жены в калмыцком обществе в определенных случаях было сложным и неустойчивым: не могли себя уверенно чувствовать вдовы (*белвсн эм, күүкд күн*), имеющие пасынков, овдовевшие жены нойонов и зайсангов, но особенно бездетные вдовы; по законам и обычаям знатные женщины, как и простолюдинки, были лишены наследственных имущественных прав, часто подвергались побоям [Батмаев 2008: 76–79]. В народе даже появилась пословица: *Утхан бүлүдсн залу* — *иддг, келән бүлүдсн гергн* — *маля үздг* 'Мужчина, который точит нож, будет есть, женщина, которая точит язык, отведаст плоть'. Если согласно И. В. Бентковскому у калмыков Большедербетовского улуса развод был без формальностей и муж всегда мог прогнать жену [Батмаев 2008: 105], то И. А. Житецкий писал, что у астраханских калмыков процесс развода был унижительным, позорным для жены и соответственно редким. Для разведенной женщины у калмыков существует специальное наименование *хәрсн күүкн* (от *хәрх* 'возвращаться'), которое хорошо иллюстрируется пословицей: *Хәрсн күүкн халулсн цэ мет* 'Дочь, вернувшаяся к родителям после развода, подобна подогретому чаю'. Нелишним будет заметить, что женщина после развода (*салһн*) не имела даже прав на детей. Это связано с патриархальным обычаем, проявлявшемся в представлении о том, что ребенок принадлежал только роду мужа: к примеру, в случае преждевременных родов в доме родителей жены роды принимали под насоро сооруженным навесом [Батмаев 2008: 134].

Для английских жен рубежа XIX–XX веков было характерно более низкое положение в обществе по сравнению с мужчинами: они не имели права выйти на улицу без сопровождения, могли подвергнуться наказаниям в воспитательных целях (пример пословицы: *A woman, a dog, and a walnut-tree, the more you beat them, the better they be* 'Женщина, собака и ореховое дерево — чем больше их бьешь, тем лучше они становятся'), процесс развода ограничивался церковью. Символически отношение муж / жена прослеживается в обращениях при корреспонденции: муж

использовал пренебрежительный апеллатив «*Dear Child*» ('дорогое дитя'), жена же подписывала письма «*your faithful and obedient wife*» (искренне ваша покорная жена). Если в XVII–XVIII вв. было принято называть жену «*Mistress*», т. е. управляющая делами по дому, слугами, то в начале XX в. к ней стали обращаться через титульный термин «*Mrs.*» с добавлением фамилии мужа [Mintz]. Отметим, что полигиния встречалась в английской семейной традиции, что подтверждается пословицей: *The first wife is matrimony, the second company, the third heresy* 'Первая жена — это супруга, вторая — подруга, третья — ересь'.

В пословичном фонде рассматриваемых языков можно выделить несколько групп, отрицательно изображающих жен и женщин, для которых объединяющими являются следующие идеи:

1. «Их приходится терпеть»:

Татвр уга куүкд кү буулхун ормд, үктлэн белвсн йовсн деер 'Чем жениться на неряшливой женщине, лучше всю жизнь оставаться холостым'. *He that loses his wife and sixpence, has lost a tester* 'Тот, кто лишился жены и шести пенсов, потерял лишь шесть пенсов'.

2. «С ними лучше не делиться секретами, ибо они болтливы»:

Яамни куүтэ битгэ үүрл, эмдэн үнн битгэ кел 'Не дружи с высокопоставленным человеком [чиновником], не говори правду жене'. *A woman's sword is her tongue, and she does not let it rust* 'Меч женщины — это ее язык, и она не дает ему ржаветь'.

3. «Они жадные»:

Ховдг гергтэ күн хорһта шөл уудг уга 'У кого жадная жена, тому не есть жирного супа'. *Mills and wife are ever wanting* 'Мельницы и жена ненасытны'.

Гендерные роли в семье традиционно в калмыцкой и английской лингвокультурах распределялись так: мужчина — добытчик, обеспечивает семью, в ответе за жену и детей (долги жены, к примеру, переходили мужу); за женой закреплялись работа по дому, воспитание детей, забота о супруге. Изменения в гендерных ролях во второй половине XX в. из-за эгалитарных, социальных и экономических причин от-

разились в словарном составе английского языка, но в меньшей степени в калмыцком. Традиционный термин *housewife* 'домохозяйка' (досл. 'домашняя жена') уже не удовлетворял потребности современного общества, в котором все чаще женщина имела возможность работать вне дома и строить карьеру, так что обязанности по дому распределялись более равномерно между супругами. Позже применялся гендерно не маркированный термин *homemaker* как более предпочтительный. Однако с начала 80-х гг. прошлого века произошли изменения в американской нуклеарной семье, в которой добытчиком стала жена *business lady, career woman*, муж же выполнял традиционные женские обязанности (редакторы журнала «*Marie Claire*» нашли подходящие термины *alpha mom* и *beta husband*). Следующий ряд терминов применяют относительно мужа, который занимается обязанностями по дому и воспитанием детей: *stay-at-home dad, stay at home father, house dad, SAHD, househusband, house-spouse, stay-at-home pop*. С выходом фильма «*Mr. Mom*» и одноименной песни группы «*Lonestar*» популярным стало и данное сочетание. Общим для них является пейоративная стилистическая окраска — видимо, социуму еще нужно время, чтобы свыкнуться с мыслью об изменении гендерных ролей в семье, что нашло отражение в языке. Тем не менее, по данным Бюро статистики труда за 2009 г., 7,4 % мужей являлись *stay-at-home dads*, и их число растет.

В заключение отметим, что в целом в калмыцком и английском языках актуализировано и вербализовано доминирующее положение мужчины в семье. Этнографические данные из работ ученых рубежа XIX–XX вв., примеры пословиц и поговорок, фиксированный порядок следования элементов сложных слов и словосочетаний (*gender order*), а также пейоративно-окрашенные термины типа *хэрсн куүкн* в калмыцком (негативно репрезентирующий разведенную женщину в традиционном обществе) и *stay-at-home dad* в английском (эксплицирующий негативное отношение к изменению традиционных гендерных ролей в современной семье) среди прочих подтверждают высказанное положение.

Литература

- Батмаев М. М. Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. 256 с.
- Гендер в британской и американской лингвокультурах: монография / Е. С. Гриценко, М. В. Сергеева, А. О. Лалетина, А. А. Бодрова, Л. Г. Дунашева; отв. ред. Е. С. Гриценко. М.: Наука, 2011. 224 с.
- Монраев М. У. Хальмг келнэ синонимсин толь. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 208 с.
- Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
- Грамматика калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 335 с.
- Eckert P., McConnell-Ginet S. Language and gender. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 366 p.
- Miller C., Swift K. Words and Women. New York: Anchor Press, 1977. 244 p.
- Mintz S. Mothers and Fathers in America: Looking Backward, Looking Forward [Электронный ресурс] // URL: <http://www.digitalhistory.uh.edu/historyonline/mothersfathers.cfm> (дата обращения: 25.01.2012).
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A comprehensive grammar of the English language. New York: Longman Inc., 1985. 1779 p.
- Spencer D. Man made language. Ontario: Pandora Press, 1990. 272 p.

УДК 811.512.37

ББК 81.2(2Рос.-Калм.)

**ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ В ФОЛЬКЛОРНОМ ДИСКУРСЕ:
ЖАНР КАЛМЫЦКОЙ ПЕСНИ В СВЕТЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО И
КОРПУСНОГО ПОДХОДОВ ***

Э. У. Омакаева

Калмыцкая песня — уникальное явление в традиционной культуре народа, музыкально-поэтический феномен, являвшийся важной составляющей жизни кочевника. Жанр песни выделяется по своей массовости и социальной значимости. Песня отражает потребность человека в словесно-поэтическом выражении своих чувств, в эмоциональном переживании наиболее важных событий и значимых моментов жизни в их образно-символическом эстетическом представлении.

Целесообразно активнее использовать калмыцкие песни в качестве учебного материала при обучении языку в силу их высокого креативного потенциала и сильного эмоционального воздействия на адресата, ибо во время слушания и разучивания лаконичных по форме и в то же время емких по содержанию песенных текстов действуют психологические механизмы непроизвольного запоминания. Структурная и смысловая многослойность, многомерность фольклорного текста отражаются в механизме его восприятия и постижения.

Адекватное представление о песенном фольклоре как полифункциональном явлении калмыцкой народной культуры может обеспечить лишь многоаспектное исследование, включая типологический и коммуникативный аспекты [Неклюдов 2002]. Только через речь, текст языковая система и ее единицы выполняют свое коммуникативное назначение.

Любой связный текст имеет коммуникативную установку, воплощает в себе определенную цель коммуникации. Песня в своем реальном бытовании всегда есть речевой акт, высказывание. Но для осуществления фольклорной коммуникации необходимо не только наличие говорящего и слушающего, но и их взаимная ориентированность, «настроенность» друг на друга: в фольклорном тексте «реализуется процесс общения говорящего и воспринимающего, их взаимная активность» [Чистов 2005: 157].

Важность изучения языка фольклорных текстов обуславливается растущим интересом исследователей к проблеме взаимодействия языка, культуры и человека как

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика» (проект «Национальный корпус калмыцкого языка»)

носителя данного языка и данной культуры. Современное развитие филологической науки вносит значительные коррективы в проблематику и методику исследования языка фольклора: неэффективность как чисто лингвистического, так и чисто фольклористического подхода давно стала очевидной. Появились новые направления, возникшие в результате интеграции языкознания с другими областями научного знания, — этнолингвистика, лингвокультурология, лингвокогнитология, лингвофольклористика и т. д., для которых характерен междисциплинарный подход и общая антропоцентрическая направленность.

В последнее десятилетие калмыцкая лингвистическая наука обратила свой взор на фольклорные тексты, ставшие объектом многоаспектного изучения: исследователи анализируют жанрово-стилевую специфику языка фольклора, структуру текста, особенности функционирования в фольклорных текстах языковых единиц разного уровня и т. д. Иными словами, внимание лингвистов смещено с системы языка на его функционирование и сосредоточено на изучении языка сквозь призму текста и — шире — культуры как совокупности текстов. Это повлекло за собой расширение сферы языковой реальности, введение в лингвистический обиход новых понятий (напр., концепта, кластера и др.).

Сейчас лингвофольклористика справедливо считается одной из перспективных отраслей лингвистики [Хроленко 1992; 1998], а важнейшей задачей ученых, ведущих исследования в этом русле, является описание языковой организации устно-поэтических текстов разных жанров в сравнительно-сопоставительном аспекте. При этом предполагается, что язык произведения детерминирован идейно-эстетической установкой жанра, жанровой прагматикой.

Филологическое изучение монголоязычного фольклора, предопределившее возникновение калмыцкой лингвофольклористики как специальной научной дисциплины, началось в последней четверти XIX века, когда российские монголисты [Позднеев 1880 и др.] развернули деятельность по собиранию устно-поэтических произведений монгольских народов.

Правомерность обращения к заявленной теме обуславливается как общей слабой изученностью песенного жанра в калмыковедении, так и его сложной судьбой. Теорети-

ческая и методологическая неразработанность рассматриваемой проблематики, ее практическая значимость и побудили нас избрать в качестве предмета исследования песенное текстообразование. Это связано и с углублением наших теоретических представлений о сущности таких понятий, как жанр, текст, высказывание, дискурс.

Жанр мы определяем как тип текста (высказывания) в рамках определенного дискурса. Рассмотрим жанр народной песни сквозь призму лингвофольклористики. Какие новые возможности открываются перед нами при дискурсивном анализе музыкально-поэтического текста в контексте коммуникативной ситуации?

Мы не раз писали о том, что калмыцкая песня до сих пор мало привлекала внимание ученых [Омакаева 1995; 2009]. Изучением песни занимались, в основном, музыковеды и фольклористы (история вопроса изложена в [Омакаева, Убушиева 2010]). Между тем давно уже назрела необходимость комплексного ее анализа. Постановка такой задачи стала возможной лишь сегодня, когда традиционная область фольклорных явлений, созданных в конкретную историческую эпоху и представляющих устную культурную традицию, может быть по-новому осмыслена и даже существенно пересмотрена через призму языка. Но лингвистические исследования, к сожалению, единичны, что, на наш взгляд, связано с тем, что калмыцкая лингвофольклористика находится в стадии становления. Специфические характеристики калмыцкоязычного песенного текста, связанные с вопросами фольклорного текстообразования и синтаксическим строем народно-поэтической речи, еще не были предметом специального лингвистического анализа.

Национальное своеобразие калмыцких народных песен выражается посредством особым образом структурированной системы языковых средств, символов, персонажей, семантических пространств. Именно эти особенности предопределили специфику лексико-синтаксической организации одного из популярных жанров калмыцкого фольклора, изучение которой сопряжено с выявлением культурных смыслов, аккумулярованных в отдельных лексемах, формулах, текстах и в корпусе текстов.

Анализ языка песенного текста как с формальной, так и с содержательной стороны требует фронтального описания язы-

ковых единиц и их поэтического функционирования. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть ряд терминов, отражающих ключевые понятия лингвистики, значимых для анализа фольклорного текста, которые могут быть применены и для исследования языка калмыцкого фольклора.

Изучение слова как центральной, базовой единицы языка является одной из самых важных проблем языкознания. Проблеме статуса фольклорного слова и текста посвящен ряд работ ведущих российских ученых [Мелетинский и др. 1994; Неклюдов 2003 и др.].

Важным является выявление семантической структуры песенного слова, семантических категорий словаря языка народных песен как инструмента адекватного понимания фольклорного текста. Описание фольклорного слова невозможно без тщательного изучения семантических свойств и значений лексемы (особенно существительного, прилагательного и глагола), ее синтагматики и парадигматики, способности вступать в связи с другими словами и образовывать различные конструкции.

Как известно, слова существуют не сами по себе, а для построения высказывания. Однако многие кардинальные проблемы, связанные со словом и его свойствами, а также с его функционированием в тексте, до сих пор не имеют общепринятого решения. К подобным проблемам относится и проблема классификации слов и, шире, проблема соотношения лексики и грамматики.

Слова в песне объединены в замкнутые тематические группы, составляющие характерные семантические поля. Классификация слов по тематическим группам осуществляется на основании общности семы или нескольких сем, входящих в значение слов. На лексическом уровне необходимо проследить тематическое единство ключевых слов песенного текста. Опорные, ключевые слова являются координатными точками песенного текста.

Несомненным достоинством функционального корпусного метода исследования песенной лексики является то, что он позволяет дополнить традиционное статическое изолированное описание слов динамическим в условиях текстового функционирования. Общепризнанным сегодня является выход за пределы слова и отдельного предложения в текст и сосредоточение внимания на анализе целого речевого произведения.

Попытки выделить и отдельно обозначить высказывание свидетельствуют о том, что осознана необходимость изучения синтаксиса не только в рамках предложения (“изнутри”, т. е. с точки зрения его составляющих), но и “снаружи”, т. е. с учетом контекста. Это стало неизбежным по ряду причин: с одной стороны, этого потребовал анализ факторов организации высказывания (напр., порядка слов), анафорических местоимений как средства межфразовой связи, а с другой — возникала потребность в изучении самих текстовых построений, представляющих собой такое семантическое и грамматическое целое, в котором самостоятельные высказывания выступают лишь в качестве составляющих текстовых блоков [Артеменко 1982; 1988].

Конечно, текст представляет собой очень сложное лингвистическое явление, по-разному трактуемое в работах российских и зарубежных лингвистов. Термин «текст» сегодня широко используется не только в лингвистике, но и в литературоведении, семиотике, культурологии, эстетике, философии и т. д. Это, «бесспорно, один из самых употребимых терминов в науках гуманитарного цикла» [Лотман 1970: 19]. В то же время следует иметь в виду, что данный термин крайне неоднозначен. Для нас важно подчеркнуть, что текст как языковая данность и текст как продукт речевой деятельности, т. е. собственно речь, — два тесно связанных между собой, но принципиально разных явления.

В исследованиях последнего времени термины *текст* и *дискурс* употребляются авторами, как правило, без приведения конкретизирующих разъяснений дефинитивного характера. Не вдаваясь здесь в полемику, отметим, что часто употребляемые как синонимы текст и дискурс — не одно и то же: текст — это лишь одна из его составляющих. Текст по отношению к дискурсу может рассматриваться как его фрагмент, как элементарная (базовая) единица дискурса [Звегинцев 1976], а дискурс — как целый текст или совокупность объединенных каким-либо признаком текстов [Арутюнова 1990]. П. Серио выделяет восемь значений термина «дискурс» [Серио 1999: 26-27].

Термин «песенный дискурс» используется нами как «совокупность тематически соотнесенных текстов» [Чернявская 2001: 14] и, несколько шире, как совокупность текстов песен (в нашем случае это лириче-

ские песни), характеризующихся специфическими языковыми особенностями: лексическими, синтаксическими и т. д. [Плотницкий 2005: 4].

Рассмотрим основные свойства текста песни с точки зрения их проявления и функционирования в дискурсе. Текст любого объема и любого жанра может быть разбит на минимальные блоки, каждый из которых имеет свою микротему и общую коммуникативную установку, ради которой, собственно, и порождается текст.

Основными признаками структуры песенного текста, как и текста вообще, являются целостность и связность, что обеспечивается различными текстовыми категориями, совершенно не изученными в калмыцкой лингвистике текста. Развитие теории лингвистики текста открывает новые перспективы и возможности более детального исследования языковых явлений на материале различных типов текста.

Изучение языковых средств, участвующих в организации песенного текста, показало, что существующая в калмыцком языке специфическая морфологическая категория, наряду с универсальными языковыми средствами связи, также обеспечивает связность текста. Речь идет о категории личного притяжания, о которой мы уже писали в наших ранних работах в связи с категорией подлежащего [Омакаева 1985].

Рассмотрим своеобразие грамматических категорий слова, функционирующих в тексте вообще и фольклорном в частности, на примере лично-притяжательных формантов - м, - чнь, -тн, -мидн, -нь. Словоформы с аффиксами личного притяжания фонетически и графически представляют собой единое целое: ээжм (мама-моя)».

Основная функция лично-притяжательных показателей, как уже ясно из их названия, заключается в указании на принадлежность предметов лицу или лица другому лицу: ахм (брат-мой), ахчнь (брат-твой), ахтн (брат-Ваш, ваш), ахнь (брат-его), ахмидн (брат-наш).

В монголоведной литературе отмечается, что в ряде случаев данные показатели теряют семантику притяжательности и служат лишь для выделения подлежащего. Однако даже беглый просмотр ряда примеров показывает, что лично-притяжательные аффиксы в своей вторичной функции (согласно традиции — функции синтаксической) не могут служить маркерами подлежащего,

т. к. один и тот же показатель -нь встречается как при актантах, так и при сирконстантах (обстоятельствах). Более того, он может употребляться с разными актантами: подлежащим, предикативным членом, дополнением.

Нам представляется, что наиболее употребляемый показатель -нь является маркером данного, т. е. ориентирован на нужды коммуникативно-прагматического членения высказывания с точки зрения слушающего. С его помощью выделяется то, что является для слушающего известным в коммуникативном плане, т. е. предположительно существующим в сознании слушающего в момент произнесения высказывания (значение притяжательности отсутствует). Категории данного и темы часто совпадают, но мы не должны их смешивать.

Показатели личного притяжания могут выполнять и некоторые другие функции, например, экспрессивно-стилистическую (подчеркнутого выделения). Аффиксы личного притяжания как анафорическое средство связи указывают на предшествующие слова и отсылают к ранее сказанному, т. е. антецеденту [Цырендоржиева 2007; 2008]. Они участвуют в реализации тема-рематических отношений: могут функционировать как в составе темы, так и в составе ремы высказывания, в качестве маркеров данного обеспечивают связность текста, тем самым реализуя текстообразующую функцию. Единство темы — признак целостности текста.

С точки зрения фольклорной лексикографии актуальным является создание этнолингвистического словаря «Калмыцкая народная поэтическая лексика», направленного не только на толкование значения того или иного слова, но и на раскрытие семантики лексем, выполняющих в тексте культурные функции (символические, ритуальные).

Песенное слово обладает большей семантической амплитудой, чем обычное слово. Нас интересуют прежде всего фоновая информация и способы ее передачи в тексте песни. К таковой мы относим знания социокультурного характера, которые известны и автору, и получателю текста. Общность информации определяется принадлежностью к одному этноязыковому коллективу со свойственной ему картиной мира. Носителями фоновой информации выступают имена собственные, этнографические термины

и др. Так, имя песенного героя обладает повышенной знаковостью, не присущей бытовому имени.

Широкую популярность и повсеместное распространение получила песня о национальном герое Галдаме. Первоначально сложенная на территории проживания ойратов, эта песня затем распространилась среди других народов, в частности бурят и калмыков. Песня о Галдаме за все время существования (более трехсот лет) не утратила своего исторического значения, она исполняется ойратами Монголии до сих пор. В начале XVIII века среди калмыков появилась песня о Шуна-батыре, личность которого до сих пор представляет загадку. Героями исторических песен являются воины, князья и ханы (песни о Мазан-батыре, Митр-нойоне, Убаши-хане и др.).

Следует также отметить, что параллельно с исконной лексикой в песне всегда присутствует и заимствованная, которая в свою очередь дает обширный материал для исследования культурных влияний народов, имевших тесные контакты с ойратами, калмыками и монголами, — прежде всего русского, тюркских этносов и народов Северного Кавказа.

Видимо, в словарь языка народной песни должны быть включены все слова текста, но полное семантическое описание может быть дано только ключевым словам (словам, выполняющим определенные эстетические функции) — поэтическим словам-концептам вне зависимости от их частеречной принадлежности (существительные, обозначающие признак, качество или свойство предметов; глаголы, обозначающие действие в широком смысле слова; числительные, связанные с нумеративной символикой; прилагательные с цветовой символикой). Эти лексемы достаточно подробно описаны в обычных словарях, но поэтический контекст меняет их привычный лексикографический портрет с учетом статуса фольклорного слова.

Характерная черта синтаксиса калмыцких народных песен — эллиптичность. Приведем в качестве примера куплет калмыцкой народной песни «Бичкн арлын хулсн» («Камыш маленького острова»): Хол гиж бичэ сан, / Хойр мөрн күргх. / Хоома гиж бичэ сан, / Хойр зүркн хархх. «(Ты) не думай, что (я) нахожусь далеко от тебя, / Два коня доведут. / Не считай, что (я) ленив, / Два сердца встретятся». Здесь в позиции

подлежащего опущены личные местоимения, что говорит о неполноте приведенных высказываний. Эллипсис можно рассматривать как средство текстообразования, снижающее избыточность текста.

Нами представлены результаты предварительных наблюдений над функционированием некоторых языковых категорий в песенном дискурсе. Изложенные выше положения — это результат осмысления, обобщения и творческого преломления идей ученых, занимающихся проблемами фольклорного текста как объекта теоретической лингвистики. Поскольку сама природа фольклора является «вибрирующей» (в терминологии К. В. Чистова), в силу его вариативности методика изучения фольклорного текста отличается от приемов анализа художественного произведения.

Объединяя филологический и культурологический аспекты исследования фольклора, лингвофольклористика, перспективность развития которой мы видим в комплексном изучении песенного текста, включающем выход за рамки традиционного филологического взгляда на фольклор за счет культурологической составляющей, предполагает интегрированный подход к анализу устно-поэтической речи, позволяющий определить статус языка фольклора, глубже проникнуть в природу фольклорного слова, а также выявить и описать то, что находится за пределами семантики фольклорного слова и текста — этнокультурные доминанты.

Песня рассматривается нами как синтетический фольклорный жанр, вербальная сторона которого представляет собой стихотворный текст. Наиболее существенными особенностями текстов калмыцкого песенного дискурса являются, на наш взгляд, ярко выраженная диалогичность, персональность и модальность.

Следует также отметить своеобразное ритмико-композиционное построение песни; многозначность, метафоричность и образность фольклорного слова; наличие подтекста; особую эмоциональность; имплицитный («скрытый») сюжет, развитие которого проявляется в смене переживаний лирических героев; воздействующую функцию. Лидирующее место среди тропов занимает метафора, а среди лексико-стилистических и синтактико-стилистических приёмов — повтор и параллельные конструкции.

Язык калмыцкого фольклора, являясь жанрово дифференцированным, четко связанным с определенными эстетическими канонами, представляет собой богатый материал для решения многих вопросов лексикологии, семантики, синтаксиса, текстологии, а также достаточно сложной проблемы взаимодействия категорий грамматики и стиля, грамматики и поэтики.

В заключение подчеркнем, что мы в данной статье только наметили сложную и неоднозначную проблему, которая требует своей дальнейшей разработки. Лингвистическое изучение калмыцкого народного песенного дискурса представляется нам важным как для раскрытия собственно языковой специфики песенного текста, характеристики системы его лексико-семантических, синтаксических и изобразительно-выразительных средств, так и для более углубленного исследования языка и стиля калмыцкого фольклора в целом.

Заявленное понимание лексической, семантической и синтаксической структуры фольклорного текста имеет значительный потенциал для решения актуальных вопросов современной лингвофольклористики.

Литература

- Артеменко Е. Б. О принципах художественно-синтаксической организации текстов песенного фольклора // Поэтическая стилистика. Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1982. С. 56–72.
- Артеменко Е. Б. Принципы народно-песенного текстообразования. Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1988. 173 с.
- Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
- Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во МГУ, 1976. 307 с.
- Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С.. Статус слова и понятие жанра в фольклоре // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / отв. ред. П. А. Гринцер. М.: Наследие, 1994. С. 39–104.
- Неклюдов С. Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Традиционная культура. 2002. № 3. С. 3–7.
- Неклюдов С. Ю. Специфика слова и текста в устной традиции // Евразийское пространство: Звук, слово, образ / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов, сост. Л. О. Зайонц, Т. В. Цивьян. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 108–119.
- Омакаева Э. У. О категории «подлежащее» в монгольском языке // Исследования по грамматике и лексике монгольских языков. Элиста: КНИИИФЭ, 1985. С. 101–118.
- Омакаева Э. У. Фольклорный текст как объект лингвистического изучения (к проблеме типологии языков и типологии культур) // Алтай и тюрко-монгольский мир. Мат-лы конф., посв. 70-летию исследователя алтайского фольклора С. С. Суразакова. Горно-Алтайск: Горноалтайская респ. тип., 1995. С. 83–85.
- Омакаева Э. У. Фольклорный поэтический текст монголоязычных народов сквозь призму этнолингвистики и кросс-культурных контактов: история и современность // Proceedings of the Second International Conference “Past and Present of the Mongolic peoples”. Tokyo, 2009. Pp. 342–352.
- Омакаева Э. У. Лексика и синтаксис поэтического текста в этнолингвистическом освещении: к постановке проблемы (на материале калмыцких протяжных песен) // Кочевые цивилизации Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы: сб. мат-лов. 1 Междунар. науч.-практ. конф. Часть 2. Красноярск, 2008. С. 121–125.
- Омакаева Э. У., Убушиева Б. Э. Песенный текст как объект лингвистического исследования сквозь призму языковой картины мира: состояние и перспективы изучения (на материале лексики калмыцкой народной песенной поэзии) // Научная мысль Кавказа. 2010. № 4. Ч. 2. С. 36–39.
- Плотницкий Ю. Е. Лингвостилистические и лингвокультурные характеристики англоязычного песенного дискурса. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Саратов, 2005. 17 с.
- Позднеев А. М. Образцы литературы монгольских племен. Вып. I. Народные песни монголов. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1880. 346 с.
- Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и португ. М.: Прогресс, 1999. С. 14–53.
- Хроленко А. Т. Современная отечественная лингвофольклористика: Цели, проблемы и перспективы // Русистика сегодня. Функционирование языка: Лексика и грамматика. М.: Наука, 1992. С. 153–166.
- Хроленко А. Т. Словарь языка фольклора как база этнолингвистических исследований // Слово

- и культура. Памяти Н. И. Толстого. М.: Индик, 1998. С. 284–291.
- Цырендоржиева Б. Д. Функционирование категории притяжания как средства межфразовой связи (на материале бурятского языка) // Живой язык: теоретические и социокультурные аспекты функционирования и развития современных монгольских языков: Мат-лы Междунар. конф. Элиста: КалмГУ, 2007. С. 117–119.
- Цырендоржиева Б. Д. Межфразовые связи в современном бурятском языке (на материале категории личного притяжания). Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Улан-Удэ, 2008. 18 с.
- Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 11–22.
- Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. М.: О.Г.И., 2005. 272 с.

УДК 81

ББК 81.2-3

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (на материале китайского, русского и калмыцкого языков)

С. В. Сумьянова, Л. Б. Олядыкова

Фразеологизмы заключают в себе глубокий внутренний смысл и красочны по форме. Присутствие этих специфических выражений в речи характеризует высокий уровень культуры говорящего и его лингвистические и экстралингвистические знания.

Цель статьи — показать национальную специфику фразеологических единиц, особенности их значения, так как синонимы, имея одинаковые значения, часто различаются или дополнительными смысловыми оттенками, или стилистической окраской, или и тем и другим. Важно и то, что объединяет синонимы, и то, что их различает.

В качестве источника материала этой статьи послужил «Китайско-русский фразеологический словарь» О. М. Готлиба и Му Хуаин, содержащий около 3 500 выражений [2007]¹. Настоящий словарь является первым в российской синологии опытом составления чэньюев — наиболее употребительных и распространенных фразеологических единиц китайского языка, большая часть которых является четырехкомпонентными сочетаниями иероглифов, построенными по нормам древнего китайского языка.

Авторы словаря считают, что благодаря содержанию статей этот словарь можно использовать не только в переводческих целях, «но он может служить и для источниковедческого и семантического анализа самого широкого плана» [КРФС 2007: 8].

¹ Далее в тексте используется сокращение КРФС.

Фразеологизмы русского и калмыцкого языков были выбраны из «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А. И. Молоткова [1978]², «Хальмг келнэ келц үгмүдин толь» («Фразеологический словарь калмыцкого языка») под ред. Г. Ц. Пюрбеева [1990] и «Калмыцко-русского словаря» под ред. Б. Д. Муниева [1977]³.

Словарная статья «Китайско-русского фразеологического словаря» содержит фразеологизм, его транскрипцию, комментарий, указание на источник и иллюстративный пример использования на китайском языке, калькированный перевод и идиоматические аналоги на русском языке, фразеологизмы-синонимы и фразеологизмы-антонимы.

При анализе словарных статей наше внимание было обращено на толкование фразеологизмов, их калькированный перевод на русский язык и их русские эквиваленты.

Таким образом, в данной статье принят семантический анализ фразеологических единиц китайского, русского и калмыцкого языков в сопоставительном плане.

С. Ю. Сизов, автор «Китайско-русского словаря идиом», пишет: «Было бы неправильно полагать, что китайские идиомы... можно полностью идентифицировать со схожими по смыслу русскими пословицами и поговорками. <...> ввиду различной культуры».

² Далее в тексте используется сокращение ФСРЯ.
³ Далее в тексте используется сокращение КРС.

турной, исторической и лингвистической традиции, существующей в наших странах, спектр смысловых значений китайских и русских идиом может в определенной степени разниться» [Сизов 2005: 5–6].

Действительно, сравнение значений китайских, русских и калмыцких фразеологизмов показало, что они, будучи связанными по смыслу, не совпадают по значению полностью.

成家立业 *chéng jiā lì yè* — калькированный перевод ‘создать семью, организовать свое дело’ [КРФС 2007: 65]. Из нескольких приведенных русских аналогов — *встать на ноги, обзаводиться семьей, жениться, начать вести самостоятельную жизнь* — фразеологизмом является первое словосочетание *встать на ноги*.

Фразеологизм *встать на ноги* имеет несколько значений, в т. ч. «делаться самостоятельным, приобретать независимое положение»; «поправлять, улучшать свое экономическое, материальное положение». Значение «создать семью» у фразеологизма *встать на ноги* не отмечается: фразеологизм русского языка расходится с исходным китайским речением по объему значения.

Почти полное совпадение значения, а также языковой формы у фразеологизмов разных языков наблюдается редко. Однако к рассматриваемому китайскому фразеологизму можно привести близко совпадающий с ним по значению и по форме фразеологизм из калмыцкого языка: *гер-мал болх* (букв. «домом, скотом обзавестись»)⁴ — «жениться, обзавестись хозяйством». У китайского и калмыцкого фразеологизмов совпадают их переводы, которые могут одновременно выступать и как их толкования, и как их эквиваленты. Различие в значении проявляется в том, что в китайском фразеологизме говорится о собственном деле, в калмыцком — о личном домашнем хозяйстве.

Примеры подобных совпадений (в значении и в языковой форме) имеются у русских и калмыцких фразеологизмов. Так, с русским многозначным фразеологизмом *встать на ноги* совпадает в одном из его значений также многозначный калмыцкий фразеологизм *кәлд орх* — букв. «в ноги войти», одно из значений которого — «окрепнуть материально, встать на ноги».

乘肥衣轻 *chéng féi yī qīng*. Китайский

⁴ Все буквальные переводы калмыцких фразеологизмов на русский язык сделаны нами.

фразеологизм «ездить на сытых конях, носить дорогие одежды» [КРФС 2007: 68] передан двумя сочетаниями русского языка: *как сыр в масле кататься, жить в роскоши*, из них фразеологизмом является первое сочетание, его толкование — «жить в довольстве, в достатке».

Китайский фразеологизм называет конкретные составляющие богатства, как и калмыцкий фразеологизм *торһ өмсәд, тосар шивлдәд*, буквальный перевод которого — «[жить] шелка надевая, маслом кидаясь». Как видно, эти два фразеологических сочетания близки по значению, различие в их значениях в том, что китайский фразеологизм понятие «жить в роскоши» выражает шире — это не только дорогая одежда и сытная еда, как сказано в калмыцком фразеологизме.

Фразеологизм 唇齿相依 *chún chǐ xiāng yī* — «губы и зубы неотделимы» [КРФС 2007: 83] объяснен русскими аналогами *тесные, близкие отношения; связанный общностью судьбы; неразрывная связь; взаимосвязанный*. Значения русского фразеологизма «в близких отношениях» (т.е. в любовной связи, как указывает «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова [ФСРЯ 1978: 304]) в китайском фразеологизме нет. Компонентами китайского фразеологического сочетания выступают слова, обозначающие части человеческого тела, — этим подчеркивается, что как неотделимы эти части, так неразрывна связь между людьми. Аналогом данного китайского фразеологизма в калмыцком языке является, как мы предполагаем, фразеологизм *өрсен цусн, тасрен махн*, который буквально переводится как «брызнувшая кровь, оторвавшееся мясо». В «Калмыцко-русском словаре» этот фразеологизм приводится со значением «самая дальняя кровная родня» [КРС 1977: 641].

На наш взгляд, данный калмыцкий фразеологизм выражает то же значение, что фразеологизмы-синонимы русского языка: *кровь от крови (кого, чьей), плоть от плоти (кого, чьей)* — «о кровном родстве» [ФСРЯ 1978: 214, 324]. В русском языке *кровь от крови, плоть от плоти* — два самостоятельных фразеологических оборота, им в калмыцком языке соответствует один фразеологизм *өрсен цусн, тасрен махн* (...кровь, ...плоть). Однако в обоих языках имеются фразеологизмы, в которых плоть и кровь указываются вместе: *плоть и кровь* —

«родное дитя», *мах цусни төрл* — «кровное родство» [КРС 1977: 345]. *Плоть от плоти, плоть и кровь* — это выражения высокого стиля.

В синонимический ряд фразеологизмов *кровь от крови, плоть от плоти* входит еще фразеологизм *кость от кости* (кого, чьей). Ср. в калмыцком языке: слово «кость» среди прочих значений выражает и значение рода, единого происхождения. Например: вопрос *Ямаран яста билэт?* Можно перевести как «Из какого вы рода?» (букв. «Какой кости вы будете?»). *Цаһан яста кун* — «человек белой кости», т. е. высокого происхождения, *хар яста кун* — «человек черной кости», т. е. простолюдин.

一帆风顺 *yī fān fēng shùn* — «каждому парусу попутный ветер» [КРФС 2007: 505] — «все идет как по маслу; никаких препятствий; все прекрасно; благополучно; гладко».

В «Фразеологическом словаре» А. И. Молоткова фразеологизм *как по маслу* толкуется следующим образом: «без помех, без затруднений и осложнений (идти, протекать и т. п.). О жизни, событиях, делах и т. п.». Как синоним этого фразеологизма указан фразеологизм *без сучка без задоринки* [ФСРЯ 1978: 238].

Китайскому фразеологизму близок по значению фразеологизм калмыцкого языка *мөрнь гүүжэнэ* (букв. «конь его бежит»): в обоих фразеологизмах обозначается беспрепятственное движение, движение вперед; различие между фразеологизмами состоит в разных субъектах движения: в китайском фразеологизме это парусное судно, в калмыцком — конь. Фразеологизм *мөрнь гүүжэнэ* имеет смысл «кому-то везет, сопутствует удача». Калмыцкий фразеологизм отражает кочевой образ жизни и основное занятие калмыков — скотоводство.

一心一意 *yī xīn yī yì* — «одно сердце, одна мысль» [КРФС 2007: 512] — «всем сердцем; всей душой; только и думать о чем-то; носиться с мыслью; единодушие; единомыслие».

Фразеологизмы русского языка *всем сердцем, всей душой* являются синонимами и имеют следующие толкования: а) очень сильно (хотеть, стремиться, ожидать и т. п.); б) безгранично, беспредельно, искренне (верить, быть преданным и т. п.); в) целиком, полностью, всем существом (быть на стороне кого-либо, сочувствовать кому-либо и т. п.); г) безгранично, горячо (лю-

бить, верить, желать добра и т. п.) [Яранцев 1997: 296, 332, 338].

В калмыцком языке есть пример фразеологизма-синонима: *нег санан* — букв. «одна мысль», фразеологизм обозначает единодушие, единомыслие.

Значения этих фразеологизмов во всех трех анализируемых языках совпадают.

枕大被 *cháng zhěn dà bèi* — «длинная подушка, большое одеяло» [КРФС 2007: 59] — «братская дружба». Длинной подушки, большого одеяла хватит и на себя, и на друзей.

В калмыцком языке слово *дер* «подушка» входит во фразеологизм *дер негдүлх*, значение которого «вступать в брак», а буквальный перевод — «подушки соединять». В данном случае имеются в виду семейные отношения, а не дружеские. Значение «братская дружба» выражает фразеологизм *нег ааһ-шаһһта бээх* — букв. «жить, имея общую посуду (с одной чашкой-поварешкой)»; значение этого фразеологизма — «жить дружно, делаясь тем, что имеешь, друг с другом».

В фразеологических словарях русского языка фразеологизм *братская дружба* не значится.

喜气洋洋 *xǐ qì yáng yáng* — «океаны радостного духа» [КРФС 2007: 455] — «море радости; в восторге; с ликованием; в веселом настроении; охваченный радостным волнением; радостная атмосфера».

Оба образных выражения — китайское «океаны радостного духа» и русское «море радости» — это гиперболы, свидетельствующие об одинаково высокой степени проявления эмоций в обоих языках, но языковая форма ее выражения разная: в китайском языке радость ассоциируется с океаном, в русском языке — с морем. В фразеологических словарях русского языка нет фразеологизма *море радости*, по нашему мнению, это общезыко́вая гипербола, употребление слова «море» в переносном значении, как в примерах: *море огней, море слов, море людей*. Аналогично употребляется в русском языке слово «океан»: *людской океан, океан знаний, океан (море) слез*. Так что возможно и в русском языке допустимо *океан радости*.

Подобных образных единиц с компонентами «океан», «море», выступающими как средство выражения степени проявления радости, в используемых нами словарях калмыцкого языка не найдено. В калмыцком

языке со значением «радость» употребляются фразеологизмы *зүркнд нарн харх* «испытывать большую радость, чувствовать душевный подъем» (букв. «солнце в сердце восходит») и *теңгрт харан күргснлэ эдл* «быть вне себя от радости, быть от радости на седьмом небе» (букв. «будто руку свою до неба дотянул») [КРС 1977: 260, 493].

К китайскому фразеологизму 抱子弄孙 **bào zǐ nòng sūn** — «нянчить детей и воспитывать внуков» [КРФС 2007: 31] приведено из русского языка не фразеологическое, а свободное сочетание *быть счастливым в окружении семьи*. Здесь отметим, что фразеологизмы с семей «семья» в китайском и русском языках не всегда совпадают в значениях.

В состав калмыцкой фразеологии Г. Ц. Пюрбеев включает и устойчивые формулы благопожеланий [Пюрбеев 2010: 190]. Приведем примеры устойчивых свадебных формульных выражений: *Орар дүүрң окта, / Көнжләр дүүрң көвүдтә... (болж йовтха)! — «Полная кровать дочерей, / Полное одеяло сыновей (пусть будет)!». Олн үрдүдтә болж баатха! — «Пусть будет много детей». Поздравляя новорожденного, желают: Ард-ардасн / Олн дүүнр дахулж, ... (йовх болтха)! — «За собой многочисленных братишек-сестричек пусть приведет!». С пожеланием Олн ачнр-жичнриннь, зеенр-зеенчнриннь кишгт / Багтх болтха! («Пусть увидят счастливую жизнь / И своих внуков, и правнуков») обращаются к бабушкам и дедушкам. Особенность калмыцких благопожеланий — об адресате говорят в 3 лице: пусть наши молодожены, новорожденный, бабушка, дедушка ... Традиционная калмыцкая семья — многодетная. Родители, дети, родственники — основные жизненные ценности калмыков, что подтверждается, кроме благопожеланий, также многочисленными калмыцкими пословицами, например: *гер-мал уга күн / гендн нохаһас дор* — «человек неженатый хуже бездомной собаки», *һанцхн модн — модн болдго / һанц күн — күн болдго* — «одинокое дерево не считается деревом, одинокий человек не считается человеком», *садта күн — салата модн* — «человек с родственниками что дерево с ветвями» и т. д. Отметим, что здесь не приводятся многочисленные калмыцкие народные пословицы и поговорки о матери, отце, братьях и сестрах, старших и младших, муже, жене, других членах семьи, а также родственниках как по линии отца, так и по линии матери.*

Выше мы писали о том, что фразеологизм *гер-мал болх* имеет два значения: «жениться» и «обзавестись хозяйством». Так и в свадебных формулах: желают иметь много детей и большое количество домашнего скота. Эти формулы в благопожеланиях следуют друг за другом: *Көнжләрн дүүрң үрдүдтә болтха! / Хаһаһарн дүүрң малта болтха!* — «Полное одеяло детей пусть будет у них! / Полный загон скота пусть будет у них!». В благопожелании невестке есть такие строки: *Өмн бийичн көвүн, күүкн давишж, / Ар бийичн хөн, хурһн давишж, ... (йовх бол)! [Хабунова 2005: 102]* (букв. «Пусть впереди тебя будет много сыновей и дочерей, / Сзади тебя — овец и ягнят»).

Фразеологизмы 安贫乐道 **ān pín lè dào** «жить в спокойной бедности, но быть счастливым (в своей) вере» [КРФС 2007: 15] и 春风得意 **chūn fēng dé yì** «весенний ветер доставляет удовольствие» [КРФС 2007: 81] (в древности означало воодушевление после успешно сданного экзамена на степень; сейчас — успешную быструю карьеру) — не сопровождаются примерами фразеологизмов из русского языка.

Таким образом, в рассмотренных фразеологизмах китайского языка положительно выделяются такие понятия, как семья, дети, внуки, собственное дело, дружба, достаток, успешно сданный экзамен, близкие отношения, радость, отсутствие препятствий, глубина чувств. Четыре из десяти китайских фразеологизмов имеют фразеологизмы-синонимы в русском языке (эти синонимы даны в «Китайско-русском фразеологическом словаре» О. М. Готлиба и Му Хуаин) и калмыцком языке. Приведем эти примеры: 1. 成家立业 **chéng jiā lì yè** «создать семью, организовать свое дело» — русск. *встать на ноги*, калм. *гер-мал болх* — «жениться, обзавестись хозяйством»; 2. 乘肥衣轻 **chéng féi yī qīng** «ездить на сытых конях, носить дорогие одежды» — русск. *как сыр в масле кататься*, калм. *торһ өмсэд, тосар шивлдэд* — «(жить) шелка надевая, маслом кидаясь»; 3. 一帆风顺 **yī fān fēng shùn** «каждому парусу попутный ветер» — русск. *как по маслу*, калм. *мөрһ гүүжәһә* — «кому-то везет, сопутствует удача»; 4. 一心一意 **yī xīn yī yì** «одно сердце, одна мысль» — русск. *всем сердцем, всей душой*, калм. *нег санан* — «единодушие, единомыслие».

К китайским фразеологизмам фразеологизмов-синонимов найдено больше соответствий из калмыцкого языка, чем из русско-

го, приведем дополнительно к указанным выше такие примеры: 1. 唇齿相依 **chún chǐ xiāng yī** «губы и зубы неотделимы» — калм. *өсрси цусн, тасрси махн* (о кровном родстве); 2. 长枕大被 **cháng zhěn dà bèi** «длинная подушка, большое одеяло» — калм. *нег ааһ-шаңһта бәәх* (жить дружно); 3. 抱子弄孙 **bào zǐ nòng sūn** «нянчить детей и воспитывать внуков» — см. калмыцкие формулы благопожеланий и пословицы с аналогичным значением.

К двум китайским фразеологизмам в «Китайско-русском фразеологическом словаре» приведены из русского языка сочетания, приближающиеся к фразеологизмам: 1. 长枕大被 **cháng zhěn dà bèi** «длинная подушка, большое одеяло» — русск. *братская дружба*; 2. 喜气洋洋 **xǐ qì yáng yáng** «океаны радостного духа» — русск. *море радости*.

Четыре следующих китайских фразеологизма не имеют фразеологизмов-синонимов в русском языке: 1. 唇齿相依 **chún chǐ xiāng yī** «губы и зубы неотделимы»; 2. 抱子弄孙 **bào zǐ nòng sūn** «нянчить детей и воспитывать внуков»; 3. 安贫乐道 **ān pín lè dào** «жить в спокойной бедности, но быть счастливым (в своей) вере»; 4. 春风得意 **chūn fēng dé yì** «весенний ветер доставляет удовольствие».

В калмыцком языке не найдено синонимических параллелей к трем китайским фразеологизмам: 1. 喜气洋洋 **xǐ qì yáng yáng** «океаны радостного духа»; 2. 安贫乐道 **ān pín lè dào** «жить в спокойной бедности, но быть счастливым (в своей) вере»; 3. 春风得意 **chūn fēng dé yì** «весенний ветер доставляет удовольствие».

Совпадение большего количества фразеологических единиц в китайском и калмыцком языках, чем в китайском и русском, калмыцком и русском языках, свидетельствует о сходстве традиционных культур китайцев и калмыков, о принадлежности этих народов к единой восточной цивилизации.

С другой стороны, анализ особенностей значения фразеологизмов в китайском, русском и калмыцком языках показал, что фразеологизмы-синонимы, имея близкие значения, различаются дополнительными семантическими оттенками и стилистической окраской.

Источники

Бардан Эрнэжэн, Пүрбэн Григорий, Мунин Бембэ. Хальмг келнэ келц үгмүдин толь / даавр-та редакторнь филолог номин д-р Пүрбэн Григорий. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1990. 142 с.

Готлиб О. М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3 500 выражений. М.: Восток-Запад, 2007. 608 с.

Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 764 с.

Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов / сост. Г. Ц. Пюрбеев; ред. Б. Д. Муниев. Ин-т языкознания АН СССР, КНИИЯЛИ. М.; Элиста, 1971. 60 с.

Сизов С. Ю. Китайско-русский словарь идиом. Более 6 000 словосочетаний. М.: Восток-Запад, 2005. 320 с.

Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4 000 словарных статей / под ред. А. И. Молоткова. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1978. 543 с.

Яранцев Р. И. Русская фразеология. Словарь-справочник. Около 1 500 фразеологизмов. М.: Рус. яз., 1997. 845 с.

Литература

Пюрбеев Г. Ц. Калмыцкая фразеология // Бакии монгольскай филологии. Профессор Г. Ц. Пюрбеев. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2010. С. 183–197.

Хабунова Е. Э. Һулмт. Хальмгудын эмдрлин эргчин заң-үүл болн амн үүдәвр. Элст: НПП «Джангар», 2005. 206 с.

УДК 811.161.1'271.2

ББК Ш141.2-5

УГОВОРЫ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ПОБУЖДЕНИЯ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Г. М. Ярмаркина

В ряду разновидностей побуждения, функционирующих в повседневном общении (просьба, приказ, предложение, убеждение, запрет и др.), мы рассматриваем также уговоры. В традиции теории речевых актов уговоры рассматриваются в тесной связи с убеждением и относятся к разряду перлокутивных речевых актов, поскольку их речевая реализация есть лишь попытка убедить или уговорить собеседника выполнить действие и еще не означает достижения цели [Вендлер 1985: 240; Падучева 1985: 23–24].

В прагмалингвистических исследованиях предприняты попытки описания особенностей структуры диалогов, началом которых послужил речевой акт просьбы / уговаривания [Кочкарова 1986]. Основанием для появления в речи просьбы / уговаривания и просьбы / убеждения является отрицательный ответ на простую просьбу и заинтересованность адресанта в согласии адресата эту просьбу исполнить. В данном исследовании интерес вызывают перечисленные средства положительного и отрицательного воздействия на адресата, однако все же автор не останавливается на существующих различиях между просьбой / уговариванием и просьбой / убеждением. Между тем данные способы речевого воздействия все же различаются [Гловинская 1993: 185–187] и имеют свои особенности в речевом выражении. Вопросу о различении речевых жанров **убеждение** и **уговоры** уделяет большое внимание М. Ю. Федосюк и называет в качестве основного различительного признака характер аргументации: «В речевом жанре “убеждение” говорящий приводит доводы, связанные с тем, что адресат должен или что этому адресату выгодно произвести то или иное действие. В речевом жанре “уговоры” говорящий использует аргументы, суть которых сводится к тому, что адресату следует сделать нечто в интересах этого говорящего» [Федосюк 1996: 94]. Данный признак мы принимаем за основу при дальнейшем описании жанра **уговоры**, функционирующего в повседневном общении.

В статье рассматривается реальное функционирование уговоров как жанра побуждения. При этом используются термины «речевой акт», под которым вслед за Н. И. Формановской мы понимаем «высказывание, порождаемое и произносимое с определенной целью и вынуждаемое определенным мотивом для совершения практического или ментального (как правило, адресованного) действия с помощью такого инструмента, как язык / речь» [Формановская 1998: 148], и «речевая тактика» (речевой акт, заранее предусмотренный говорящим для осуществления основной цели коммуникации в качестве вспомогательного).

Термином «субжанр» будем обозначать малые жанры — одноактные высказывания в составе речевого жанра большего объема. При рассмотрении малых жанров в качестве самостоятельных будем использовать термин «жанр».

Ситуации уговоров

Уговоры требуют от уговаривающего умения подкреплять побуждение аргументацией, оказывая дополнительное речевое воздействие на разум, волю и эмоции адресата. Аргументы, являющиеся основным жанровым признаком уговоров, уже вводят говорящего в область риторического. Закономерно предположить, что уговоры по своей природе — риторические жанры. Однако в условиях разговорной речи они функционируют как риторико-речевые жанры.

Уговоры тесно связаны с ситуациями просьбы и предложения, так как в ответ на побуждение может последовать отказ, несогласие. В этом случае возникает необходимость уговорить или убедить собеседника выполнить действие:

А. <...> Ты произнес бы одно слово по-чешски или песню какую-то спел/

<...>

В. Песни у меня ведь сама знаешь какие//

А. Какие? Ну мы ж все равно не пой-мем//

В. Нет/ ну а записывать-то/ я... они ж не для записи// (смех)

*А. Ну че-нибудь по-чешски скажи//
В. Че я тебе скажу? Мама вот придет/
она тебе расскажет//*

А. Ну а ты-то/ ты/ чех все-таки//

Б. Она не забыла/ да? чешский?

А. Она по-чешски говорит//

В. Она говорит// Она говорит по-чешски/ в смысле читает по-чешски/ по-польски/ по-украински// [PPP СГУ]

В данной ситуации ожидание адресантом отказа маловероятно. Уговоры, таким образом, не всегда запланированы и возникают чаще всего после реплики адресата в ситуации побуждения, представляющей собой эксплицитный отказ, косвенный отказ, как в предыдущем примере, удивление, подчеркивающее неожиданность просьбы.

Второй тип ситуаций, обычных для уговоров, характеризуется тем, что уговаривающий предвидит возможный отказ уговариваемого и подкрепляет побуждение аргументацией и/или другими средствами речевого воздействия:

*А. Дверь-то закрой// Туда ж тянет//
Закрой-закрой// Чего ты мерзнешь?*

Б. А я не мерзну// [PPP М:156]

Этот тип ситуаций требует от адресанта умения выбрать нужный, более подходящий в данном случае аргумент, в противном случае может возникнуть коммуникативная неудача, как в данном примере.

Таким образом, анализ ситуаций уговоров показывает, что этот жанр можно определить как риторико-речевой жанр или риторический поджанр побуждения.

Учет ситуаций проявления уговоров является одним из определяющих принципов рассмотрения материала. Вместе с учетом условий употребления уговоров мы обращаем внимание на характер инициальной побудительной реплики и на особенности ответных речевых ходов адресата (несогласие, отказ выполнить действие без объяснения причины, отказ и объяснение причины отказа, имплицитный отказ (адресат только сообщает причины отказа), сомнение в возможности или необходимости выполнения действия), поскольку элементарность или сложность этих диалогических единств находятся в определенной зависимости от фактора адресата.

Кроме этого, ответный ход адресата может быть причиной выбора тактик уговоров в качестве дополнительного речевого воздействия.

Наш материал дополняет перечень выявленных особенностей языкового выражения жанра уговоров, поэтому мы рассматриваем такие случаи, которые подтверждают наблюдения исследователей, и те, в которых содержатся новые факты.

Повышенная заинтересованность адресанта в согласии адресата отчетливо прослеживается в случаях, когда адресант предвидит возможный отказ собеседника и подкрепляет побуждение аргументацией и/или другими средствами речевого воздействия на волю (или эмоции) адресата:

(1) А. (бабушка) – Анют/ давай/ иди спать/ пора// Спокойной ночи//

Б. (внучка) – Бабушка-а/ ты посидишь со мной? Ну капельку!

А. – Хорошо//

<...>

[РМ: 226]

Желая изменить намерение адресата и получить согласие выполнить действие, говорящий использует вопросительную конструкцию, содержащую побуждение, и указывает на незначительность затрат времени (*Ну капельку!*) при помощи побудительной частицы *ну* и разговорного наречия степени (*капельку*).

Обобщая наблюдения над характером дополнительных средств речевого воздействия, используемых говорящим при уговорах, данных в работах М. Ю. Федосюка и Н. И. Формановской, можно отметить общие моменты: специфика содержания аргументации состоит в том, что «адресату следует сделать нечто в интересах этого говорящего» [Федосюк 1996: 94], к особенностям языкового выражения уговоров относится использование глаголов *просить*, *умолять*, *требовать*, побуждающей частицы *ну*, удвоение структуры побудительного высказывания, эмоциональный повтор побуждения.

Наш материал большей частью подтверждает данные выводы и позволяет сделать некоторые дополнения, касающиеся характера приемов речевого воздействия и употребления языковых средств в различных ситуациях уговоров.

1. После отрицательного ответа адресата может следовать прямой призыв прекратить отказываться (*Перестань ей-богу//; Брось ты//; Да ладно тебе//*).

(А, Б, В — подруги, 19–20 лет)

А. – Тань/ пойдём со мной звонить//

Б. – Нет/ не пойду//

А. – Почему?
 Б. – (объясняет причину отказа)
 А. – **Мне одной там скучно стоять//**
 (затем обращается к другой подруге)
Пойдем со мной вниз звонить//
 В. – Там холодно будет стоять//
 А. – **У-у какие вы все//**
 В. – А кому ты будешь звонить?
 А. – Маме надо позвонить/ завтра в За-
 водской уезжаю/ подарки надо передать//
 (пауза) **Идем!**

В. – Там холодно//
 А. – **Да ладно тебе/ идем//**
 В. – (не соглашается) **Конечно-ечно//**
 [PPP PЗ]

2. Указание на незначительность усилий со стороны адресата при выполнении действия.

А. – **Галь/ а может сходим что-
 нибудь купим такое [к чаю]?**

Б. – Ой, идти не хочется//
 А. – **Ну вот сюда (жест)/ недалеко//**
 <...>
 [PPP PЗ]

3. С предыдущей тактикой бывает связана и тактика уступки адресанта: уговаривающий упрощает задачу уговариваемого: (В данной ситуации основным мотивом побуждения является не информационный интерес, а необходимость записать речь на магнитную ленту)

А. (мать, 35 л.) – <...> **Лен, ну ты
 расскажи, как ты была у Елены Михай-
 ловны, Лен?**

Б. (дочь, 12 л.) – Не хочу.
 А. – Почему? Чего там плохо было, да?
 Ругали тебя что ль?

(Пауза)
 А. – **Лен, ну хоть одно слово, Лен?**
 Г. – Какое?

А. – Ну нет. Я просто тебя спрашиваю,
 как там у Елены Михайловны было.

Г. – Ничего.

А. – **От нашей Лены больше не допы-
 таешься <...>**
 [PPP СГУ]

4. При выражении названных тактик говорящий использует диминутивы, причем они встречаются как в речи женщин, так и в речи мужчин.

5. В качестве одного из психологических приемов речевого воздействия используется тактика обращения к третьему лицу (наблюдателю), выражающая некоторое недовольство поведением адресата.

Данная тактика обычно используется

после всех других приемов, не оказавшихся эффективными.

6. Вероятно, разновидностью предыдущей тактики является указание на тщетность попыток побуждения (Ну как тебя уговорить; Сколько можно уговаривать). После такого высказывания адресант обычно совсем прекращает попытки уговорить собеседника или на время откладывает их.

А. – **Может все-таки поедешь к нам?**

В. – (улыбается) Нет//

А. – (Обращается к Б.) **Видишь
 какая она/ никак ее не уговоришь//**
 [PPP PЗ]

Иногда трудно различить убеждение и уговоры, так как в одном высказывании или диалоге адресант использует приемы, характеризующие оба эти жанра:

Б. <...> **Наташк/ ты эту вот банку
 оставляй здесь//**

Н. Не-е-м//

Б. Ну зачем она тебе?

Н. Ну хочу//

Б. **Ты смотри/ сколько нам тащить с
 собой// Много//**

Н. Я сама потащу//

Б. **Сама потащишь// А мне? Я думала
 ты мне поможешь//**

Н. Тебе тоже помогу//

[PPP М:195]

В таких случаях сложно говорить о смене речевого жанра, скорее всего, использование адресантом для достижения цели аргументов разного характера можно рассматривать в качестве тактик побуждения.

В нашем материале зафиксированы лишь редкие случаи, когда уговоры достигают своей цели. Возможно, это особенность нашего материала (случайность), а может быть, это следствие того, что уговоры не характерны для повседневного общения, в котором, главным образом, используются более простые средства побуждения без специальной апелляции к разуму адресата (просьба или предложение). Возможно, одной из причин является также тот факт, что чаще всего уговаривать и убеждать адресата и не требуется. Чаще всего просьбы или предложения сразу же выполняются или вызывают согласие адресата. Можно предположить, что этот факт, в свою очередь, следствие того, что говорящий хорошо знает адресата и не обращается к нему с невыполнимой просьбой или предложением, на которое, скорее всего, последует отказ.

Список условных сокращений

РРР РЗ — ручные записи разговорной речи; РРР РМ — Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999; РРР СГУ — расшифровки магнитофонных записей разговорной речи из фондов кафедры русского языка Саратовского государственного университета.

Литература

Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 238–250.
Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Рус-

ский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 158–218.

Кочкарова З. К. Акциональная структура диалогов с речевыми актами просьбы/уговаривания // Речевые акты в лингвистике и методике. Пятигорск, 1986. С. 108–119.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 272 с.

Федосюк М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург: Арга, 1996. С. 73–94.

Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998. 292 с.

УДК 81' 272:811161.1(470.47)

ББК Ш100.3(2Рос.Калм)+Ш141.2(2Рос.Калм)

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАЛМЫКОВ
(на примере речевых жанров повседневной коммуникации)***

К. А. Джухинова

Исследование проблем межкультурного и межнационального общения является одним из приоритетных направлений в современной лингвистике. Нельзя не признать, что произошло осознание необходимости переориентации подобных исследований с сопоставительного анализа языковых систем на изучение национально-культурной специфики реального функционирования языка в разных сферах и ситуациях через призму культурных ценностей, языкового сознания, сопряженного с национальным характером говорящего.

Практика показывает, что наличие в русской речи нерусских национально-культурного компонента является ее устойчивым признаком, проявляющимся с разной степенью активности и выявляемым на разных языковых уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом. Языковой аспект этой проблемы представлен в научной литера-

туре достаточно полно. Коммуникативный же подход на данном этапе активно разрабатывается в русле формирующейся сейчас отрасли языкознания — межкультурной коммуникации с учетом жанровой принадлежности языкового материала. Целью анализа является определение специфики национального компонента коммуникативного поведения «инокультурных» информантов, т. е. «принадлежащих к иной коммуникативной культуре» [Прохоров, Стернин 2011: 47].

Под коммуникативным поведением понимается «поведение (вербальное и сопровождающее его невербальное) личности или группы лиц в процессе общения, регулируемое нормами и традициями общения данного социума [Прохоров, Стернин 2011: 42].

Изучение коммуникативного поведения калмыков-билингвов как носителей,

* Работа выполнена в рамках внутривузовского гранта «Национально-культурная специфика речевого поведения».

пользователей русского языка представляет большой интерес хотя бы по причине объективного функционального его доминирования во всех сферах жизни национального региона [Есенова 2005].

Предложенная Ю. А. Прохоровым и И. А. Стерниным ситуативная модель описания коммуникативного поведения в вербальном аспекте предполагает анализ определенных коммуникативных ситуаций и коммуникативных сфер [Прохоров, Стернин 2011: 126–129]. Выделенные учеными некоторые стандартные коммуникативные ситуации (благодарность, знакомство, поздравление, комплимент, соболезнование), а также обозначенные коммуникативные сферы (общение с друзьями, со старшим поколением, со знакомыми /незнакомыми и т. д.), на наш взгляд, во многом соответствуют уже принятым в современном жанроведении номинациям речевых жанров (далее — РЖ) или предполагают функционирование определенных их типов (так, в указанных видах общения можно выделить разговор по душам, беседу, ссору и т. д.) [Антология речевых жанров 2007; Дементьев 2010].

Речевой жанр — понятие, на которое опирается антропоцентрическое языкознание, — признается в качестве одного из наиболее эффективных объясняющих механизмов при изучении ситуаций использования языка, процессов порождения и интерпретации речи, учитывающих такие параметры, как ситуация и сфера общения, стиль, интенциональный фактор, форма речи, а также стратегии и тактики ведения коммуникации. «Жанровое оформление коммуникативного поведения относят к основным постулатам коммуникативной лингвистики», — утверждает В. В. Дементьев [Дементьев 2010: 7]. Добавим, что специфика жанрового оформления во многом определяется национально-культурной составляющей коммуникативного (речевого) поведения языковой личности. Однако в современной лингвокультурологии «РЖ — явление скорее периферийное или малопредставительное» по той причине, что на уровне речи, в отличие от уровня языка, концептуализация значений и значимостей не достигает такой степени завершенности, представительности и убедительности [Дементьев 2010: 270].

Наша задача — выявить, как вербально выраженный национальный компонент участвует в реализации интенций некоторых

РЖ через выбранные информантами тактики и стратегии.

Объективно любой дискурс, имея интерактивную природу, по образному сравнению К. Ф. Седова, «напоминает многогранный кристалл, стороны которого способны отражать различные особенности этого взаимодействия: национально-этническую, социально-типическую (жанровую), речемыслительную, формально-структурную» и т. д. [Антология речевых жанров 2007: 11]. Каждая из граней может стать основанием для выделения особого аспекта рассмотрения дискурса языковой личности, что в сумме даст целостную характеристику изучаемого объекта. В рамках поставленной задачи представляет интерес пересечение двух аспектов: национально-культурного и жанрового.

Особо удобен в этом отношении разговорный дискурс. Устный по своей форме, это самый действенный и быстрый способ выражения мысли и обмена информацией; спонтанный и непосредственный, он вскрывает объективные механизмы речевого поведения языковой личности как представителя национально-этнической общности; ситуативный по своей природе, он предоставляет говорящему большую свободу в построении внутрижанровой интеракции.

Любой национальный язык отражает когнитивные структуры и вербализует концепты в свойственном только ему виде, выступая как совокупность знаний определенного этноса в разных своих функционально-стилевых разновидностях. Прежде всего это фразеологические концепты, занимающие особое место в концептосфере каждого национального языка: с одной стороны, как и всякий концепт, это единицы, содержащие опыт и миропонимание народа, когнитивную, творческую и мыслительную деятельность людей, уходящую в далекое прошлое, с другой, — в них наиболее ярко ощущается национальное своеобразие языковой объективации мировосприятия, ибо язык — «это богатство памяти, унаследованное личностью и племенем, бодрствующее сознание которого напоминает и предостерегает» [Ельмслев 1999: 131].

Фразеологизмы всегда привлекали особое внимание ученых-лингвистов по причине очевидности этнолингвистических компонентов [Куприянова 2011]. Долгое время в когнитивной лингвистике преобладали исследования контрастивного характера. Од-

нако в последнее время в теории концептов наблюдается интеграция функционального и когнитивного подходов. Удобной теоретической базой для подобных исследований является теория речевых жанров. «Без использования понятия речевого жанра когнитивная лингвистика не может выполнить свою главную задачу — осмысление языкового и коммуникативно-речевого сознания» [Дементьев, Фенина 2005: 9]. Ведь жанр, как и концепт, — «содержательно ориентированная единица», они важная часть «тех смыслов, которые включаются в концепт» [Дементьев, Фенина 2005: 9].

Рассмотрим жанр «семейной беседы» (субжанр «убеждение»), отмеченный присутствием прецедентных текстов. Это не случайно: именно семейное общение ориентировано на трансляцию «социальной информации, внутрисемейных устоев, национально-культурных традиций и идеала» [Антология речевых жанров 2007: 172].

Участники диалога: М. (мать) — пожилая калмычка, Д. (дочь) — 38 лет.

Д.: *Я не буду с ним жить // Ничего не делает / лежит на диване // Все равно ему // Меня это бесит / скандалы из-за этого...*

М.: *Подожди, давай поговорим //...А дети? //*

Д.: *Большие уже / подниму //*

М.: *Так нельзя, подумай / кто-то лучше? Вряд ли... На братьев посмотри отец твой был такой же... мы же терпели // ради вас... Подумай... // ты сама во многом виновата / Вот скандалы... //Разве можно кричать... // на / залу кү ('на мужчину') он же залу /твоя сестра кричала ногами топала вот... // и ногу сломала // Килни/ грех на... // мужчину кричать...*

Д.: *Ну ты даешь! Молчать что ли? //*

М.: *Послушай, залу кү / нурв будрад нурв ярсрм ('мужчина трижды спотыкается и трижды исправляется') // Ты жена терпи и жди // многие только после пятидесяти умнеют //*

Д.: *Пока он ярсрх, я состарюсь и... Как ты, буду ждать всю жизнь // Может, мне еще повезет //*

М.: *Подожди / думаешь, другой будет лучше? Уга ('нет') / хуучан хатхсн күүкн цецн ('девушка, чинящая старье, мудра'), пойми //*

Д.: *Ну ладно //Конечно, не самый плохой // (смеется) подожду когда ...ярсрх //*

Как видим, это статусно неравноправное общение (мать — дочь), подчиненное

определенным социальным нормам, достаточно строгим и обязательным. Если исходить из того, что «фреймы речевой фатики в значительной степени определяются традициями той или иной культуры и овладение ими — главным образом результат воспитания, следствие социального опыта говорящего», можно предположить, что мы имеем дело с социально-культурным стереотипом речевого поведения [Седов 2004: 77]. Тема беседы — конфликт в семье дочери. Диалог пронизан нравственным началом. Можно наблюдать, как мать, преследуя определенную коммуникативную цель — побудить дочь изменить свое решение, поведение — задает доброжелательную, социально-этическую тональность, приглашая к кооперативному общению (паузы, вызванные подбором слов, формы побуждения *'давай поговорим, подумай, послушай, пойми'*). Реализуется нарративная стратегия преимущественно фатического общения с установкой на кооперативную коммуникацию. В ситуации убеждения адресант приводит рациональные, иногда непрямые, аргументы (дети; все мужчины такие; посмотри на братьев, отца; сестру бог наказал; я терпела) и апеллирует к коллективному опыту, привлекая как эмоциональные аргументы прецедентные тексты (далее — ПТ) концептуализирующие культурно значимые сущности *Мужчина — Женщина* в аспекте их социального статуса. Концепт *залу* ('мужчина') в калмыцкой лингвокультуре имеет особую «высокую» коннотацию, включая ценностные компоненты «самостоятельность», «мужественность», «достоинство». В патриархальной калмыцкой семье мужчина — глава семьи, кормилец — был вне критики. Ему можно и должно многое прощать. Когда женщина выходила замуж, она как бы «умирала» для своего рода: в семье мужа ей давали новое имя, «возрождая» для продолжения другого рода. Женщине полагалось беречь семью, проявляя терпение [Бичеев 2005: 184]. В своей образной основе фразеологизмы отражают традиции, этнический быт, которые являются сугубо специфичными. Приведенные ПТ — изначально поучительные жанры и содержат косвенную (имплицитную) этическую оценку обсуждаемой ситуации (сама виновата: не провоцируй, не унижай главу семьи, будь мудрой, терпеливой, храни и цени то, что имеешь). Адресант — рационально-эвристический тип

языковой личности, т. к. опирается на рассудочность, здравый смысл, и ПТ — не что иное, как косвенным образом выраженная негативная оценка поведения адресата.

При определении жанра приведенного диалога были некоторые сомнения: семейная беседа или разговор по душам (далее — РпД)? В русской речевой культуре «РпД — это разговор о душе» (изливать душу), «в нем личности говорящих и их отношения важнее, чем предмет речи», «очень мало ценится искусственность речи», она даже вредна, так как русские «„о главном“ говорят трудно и негладко» [Дементев, Фенина 2005: 19–20]. «В принципе любые темы допустимы, фактически нет тематических табу, могут задаваться любые вопросы» [Дьякова, Стернин 2005: 273]. На вопрос, обращенный к студентам 3 курса Института калмыцкой филологии и востоковедения Калмыцкого государственного университета, способны ли они на подобное общение с родителями, после непродолжительного раздумья последовал однозначный отрицательный ответ. Мотивация: неловко, не принято, хотя в принципе такое общение возможно, но с близкими друзьями/подругами примерно одного возраста. Возможно, причины культурно и исторически обусловлены. В калмыцкой семье авторитет родителей, старших по статусу родственников был непререкаем. Присутствовала определенная дистанция в общении старших с молодежью. Детей воспитывали исключительно на своем примере. Как бы тяжело ни было, жаловаться, изливать душу было не принято. К примеру, на традиционное приветствие «ямаран бээнэт?» («как живете?») калмыки неизменно отвечали «му биш», «гем уга» («неплохо, хорошо») и т. п. [Жуковская 2002: 140]. Приведенные ответы своего рода «коммуникативные речевые императивы — фразы, выражения, которые необходимо произносить в определенных ситуациях» [Прохоров, Стернин 2011: 46]. О доминировании «этикета уважения» в калмыцкой семье пишет И. А. Житецкий: «Подобным требованиям обычая следуют и все члены семьи, наблюдая во всем старшинство» [Житецкий 1893: 34]. Видимо, дидактический характер статусно неравноправного общения (родители — дети) является традиционно естественным, а ПТ можно отнести к элементам «ритуализованного дискурса», явлениям речемыслительного

стандарта [Караулов 2000: 192]. Конечно, в современной парадигме отношений моральные ценности личности претерпевают изменения. Но, смеем утверждать, исходя из личного опыта и наблюдений, что в общении молодежи со старшими в калмыцкой среде остается некоторая «закрытость», запрет на определенные темы. Отнесем это к проявлению коммуникативного тематического табу, скорее «жесткого», описываемого предикатом «нельзя».

В другом фрагменте семейной беседы выделим субжанр убеждения/уговора, основанный на фольклорном жанре заговора. Этот жанр бытует в устной традиции разных народов не одно столетие и за это время приобрел каноническую текстовую форму, ритмически организованную, которую человек считал магическим средством для достижения различных практических целей.

Отец — 45 лет; дочь — 4 года:

О.: Доча / почему не спишь? //

Д.: Пить хочу / сильно //

О.: А знаешь, **подожди // Мышка в золотой чашке принесет тебе / воды//...**

Д.: А когда? //

О.: Во сне /жди // **Принесет обязательно // ...Закрывай глазки / и спи...**

Образ мышки с золотой посудой, наполненной водой, — это отголоски ритуального заговора от бессонницы. Как правило, его произносила мать ребенку, который не засыпал. Т. Г. Борджанова отмечает, что этот заговор существовал в двух вариантах, один из которых звучал так:

‘Спи, усни, мой дорогой,

Тебе мышка

В золотом ведре,

Издающем звуки „жингр-жингр“,

Воду принесет’.

«Заговорной формулой являются слова, произносимые матерью: „Унт, унт! — Спи, спи!“». Мать отсылает своего ребенка на встречу с животным, исполняющим желания и просьбы, берущим под свою защиту и дарующим желаемое — воду для утоления жажды. В тексте заговора сделан акцент на виде посуды — это золотое ведро, издающее необыкновенные звуки... это — предмет золотого цвета, который является признаком волшебства, рассеивающий темноту сна...» [Борджанова 2007: 31–32].

Считается, что заговор обладает неким суггестивным потенциалом, «необъяснимой властью над человеческим сознанием» [Борисова, Корх 2007: 332]. В разговорном

дискурсе калмыков в отмеченном жанре этот ритуализованный фрагмент воспроизводится довольно регулярно.

Так, в своих воспоминаниях калмыцкая поэтесса Р. Ханинова приводит следующий эпизод: «В детстве, когда я иногда не хотела ночью засыпать, потому что вдруг хотелось пить, помню, как мама уговаривала меня заснуть.

— Спи, тебе мышка во сне воду принесет... Быстрее заснешь — быстрее напьешься. Спи...

Эта формула действовала безотказно».

Использовали этот заговор и мастера художественного слова [Хонинов 1977: 277–278].

В других воспоминаниях отражена похожая ситуация: «Как сейчас помню: глубокая ночь, мне хочется пить... Чтобы успокоить меня, папа придумывает сказку о мышке. „Ты жди тихонько, и мышка в золотой чашке принесет тебе воду“, — шепчет он. И я жду-жду (так хочется испить воды из золотой чашки) и засыпаю» [Анджа Тачиев в воспоминаниях 1998: 18].

Молодые калмыки, как правило, не знают о «заговорной» природе этого эпизода, а воспроизводят потому, что слышали неоднократно от старших и помнят о производимом им эффекте (быстрое засыпание). Видимо, в ходе формирования дискурса на стадии возникновения коммуникативного намерения происходит настрой на ту или иную социально-коммуникативную ситуацию, модальность общения. Семейная беседа ориентирована на интимные темы, на процесс становления личности, ее обучения. Отсюда и тональность «взаимоприятия, дружелюбия, эмоциональности, наставничества» [Антология речевых жанров 2007: 170].

Данный фрагмент семейной беседы демонстрирует указанные параметры этого речевого жанра, усиленные национально-культурным образным компонентом, играющим в ситуации убеждения/уговора роль эмоционального (образного) аргумента. Это своего рода обращение к коллективному, культурно значимому опыту. Приведенный «заговорный» дискурс в незначительных модификациях регулярен и воспроизводим в статусно неравноправном общении калмыков и направлен на реализацию нарративной стратегии преимущественно фатического общения с установкой на кооперативную коммуникацию.

Основная коммуникативная цель жанра «осуждение» — негативная оценка какого-то лица, факта, события.

Информант — женщина, образование высшее, 49 лет:

Когда мы жили в Ставрополе / дверь не закрывалась // Все кто учился там приходили // Мама всех кормила / обстирывала и его в том числе. А сейчас хоть бы снял трубку позвонил // здоровьем поинтересовался // Вот уж точно «мал асрхла — амн тоста, ку асрхла — толха цуста» ('когда воспитываешь скотину — рот в масле, когда воспитываешь человека — голова в крови') //

В данной конситуации концептуализируется сущность поведения неблагодарного человека: он хуже скотины, от которой кочевник-калмык имеет только пользу. ПТ — эмоциональный аргумент в поддержку коммуникативной цели высказывания.

В этикетном жанре «поздравление» (близком к калмыцкому благопожеланию) калмыки очень часто используют устойчивое сочетание «цаһан хаалһ» ('белая дорога'). Этот жанр — реакция на событие, коммуникативная цель которого — усиление положительного эмоционального состояния адресата. Например: «...Вика /и наконец как у нас говорят /, **цаһан хаалһ** / белой тебе дороги во всем //». Здесь концептуализируется сущность понятия «благополучие» с устремленностью в будущее. В калмыцкой культуре белый цвет — сакральный, обозначает нечто чистое, священное [Олядыкова 2006]. Дорога олицетворяет будущее, в целом чистое, светлое, без препятствий.

Как проявление речевой агрессии в соответствующих речевых жанрах (угроза, ссора, колкость) работает обценная, инвективная лексика: *Молчал бы уж, сам весь баасн дотр* ('в дерьме') сидит...; *Бичэ ху-цада* ('не гавкай') и т. п. Наблюдается и метафорический перенос названий животных типа *һаха* ('свинья'), *ноха* ('собака'), *мал* ('скотина') и т. п., имеющих оскорбительный характер. В фатическом инвективном общении это средство унижения оппонента, выражение презрения к нему. В типических ситуациях бытовых социально-психологических конфликтов задача одна — ухудшение эмоционально-психологического состояния собеседника. В основе подобной интеракции — концепт «агрессия», репрезентацией которого является речевая агрессия в самых разных ее формах и тактиках.

Прямая речевая агрессия — результат открытой враждебности (субжанры оскорбления, угрозы, злопожелания):

1) *Ты просто свинья / мал / махлата мал* ('скотина, тупица')...

2) *Аман ха / дождедешся щас* ('закрой рот/заткнись')...

3) *Да чтоб ты сдох! / Тохм таср !* ('да прервется род').

Непрямая речевая агрессия требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата, «будучи не сводимой к простому узнаванию (идентификации) знака». Это субжанры «колкость», «насмешка», «иллокутивная сила которых зависит от игры пресуппозициями» [Антология речевых жанров 2007: 262].

Например, пресуппозиция: женщина средних лет застает подругу в слезах от обиды на мужа, которого обычно называет *сээхн иньгм мини* ('родной мой') и всегда оправдывает:

— *Ну что / сээхн иньгм чини* ('родной твой')... да? Довел-таки... Чего и следовало ожидать....

Описанная область отрицательной фатичности, также имеет этнокультурологическую специфику. Она, как правило, проявляется в статусно равноправном взаимодействии: с другом/подругой, братом/сестрой и т. п., но не со старшими по возрасту и статусу.

Старшие и средние по возрасту коммуниканты более сдержанны в оценках и стараются уже на начальных этапах ссоры применить тактику прерывания коммуникативного контакта, особенно мужчины. У женщин преобладает тактика семантического молчания, передающая упрек или обиду. Данному типу коммуникантов в конфликтных ситуациях характерна рационально-эвристическая стратегия, опирающаяся на здравомыслие, поддержанное в свою очередь традиционным калмыцким семейным этикетом.

В конфликтном статусно равноправном общении молодежи превалирует инвективная стратегия. Статусно неравноправный конфликт (старший — младший) обычно характеризуется пассивной формой проявления агрессии со стороны младшего: прекращение контакта или демонстрация нежелания в него вступить; молчание, манифестирующее позицию — «оставьте меня в покое».

Таким образом, в жанровом пространстве повседневной коммуникации билингва национальный компонент активно взаимо-

действует с коммуникативной целью жанра, эксплицирует основные его мотивы, усиливает положительную или негативную иллокуцию (например, желание изменить поведение адресата, побудить к определенным действиям, выразить объективную оценку ситуации, усилить положительные эмоции или дать выход отрицательным и т. п.), высвечивая его прагматические характеристики, создавая определенный колорит дискурса билингва.

Литература

- Анджа Тачиев в воспоминаниях современников. Элиста: АПП «Джангар», 1998. 168 с.
- Антология речевых жанров / под общ. ред. К. Ф. Седова. М.: Лабиринт, 2007. 319 с.
- Белоусов В. Н., Григорян Э. А., Позднякова Т. Ю. Русский язык в межнациональном общении. Проблемы исследования и функционирования. М., 2001. 240 с.
- Бичеев Б. А. Свадебный обряд как отражение представлений о смерти // VI конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2005. 532 с. С. 184.
- Борджанова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков: система жанров, поэтика. Элиста: 2007. 592 с.
- Борисова И. Н., Корх С. С. Прагматический потенциал жанра заговора: цветовой код // Жанры речи. Саратов: Издат. центр «Наука», 2007. С. 332–345.
- Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2004. 316 с.
- Дементьев В. В., Фенина В. В. Когнитивная генерика: внутрикультурные речевые ценности // Жанры речи-4: Сб. науч. ст. Саратов: Изд-во ГОС УНЦ «Колледж», 2005. 437 с. С. 5–34.
- Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 594 с.
- Дьякова Л. Н., Стернин И. А. Жанр разговора по душам и русская авторская песня // Жанры речи-4: Сб. науч. ст. Саратов: Изд-во ГОС УНЦ «Колледж», 2005. 437 с. С. 273–292.
- Есенова Т. С. Русский язык в межкультурном общении. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 366 с.
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // За-рубежная лингвистика в 3 т. М.: Прогресс, 1999, Т. 1. С. 131–256.
- Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 75 с.

- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
- Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 191–206.
- Куприянова С. К. Калмыцкие паремии о речевом поведении в свете современной лингвопрагматики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 128–132.
- Олядыкова Л. Б. Сакральный белый цвет в монгольских и русском языках // Научная мысль Кавказа: спецвыпуск. 2006. № 5. С. 118–124.
- Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Наука: Флинта, 2011. 326 с.
- Речевое общение в условиях языковой неоднородности / под ред. Л. П. Крысина М.: Эдиториал УРСС, 2000. 221 с.
- Хонинов М. В. Помнишь, земля смоленская. М.: Воениздат, 1977. 318 с.

УДК: 811.512.37 366
ББК: Ш164.3-2

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СЛОВА *АНДЪАР* И ЖАНРА *АНДЪАРИЙИН БИЧИГ* «ПРИСЯЖНОЕ ПИСЬМО» В КАЛМЫЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII В.

А. Т. Хараева

В калмыцком литературном языке XVIII–XX вв. часто встречается слово *андхар*. В «Калмыцко-русском словаре» семантика этого слова раскрывается следующим образом: *андхар* ‘клятва; присяга; обет’; *андхаран өгх* ‘давать клятву, присягать’; *кенэс болв чигн андхар авх* ‘взять клятву с кого-либо’; *өгсн андхаран эвдх* ‘нарушать клятву (присягу)’. В конце словарной статьи приводится фраза из эпоса «Джангар»: *зун жилин андхаринь авад, зурхан жилин бурухан эрдэ, оржэ өгв* ‘он сдался в плен, прося прощение за проступки, совершенные за шесть лет, и поклявшись в верности на сто лет вперед’ [КРС 1977: 43].

Действительно, слово *андхар* в таком значении часто встречается в эпосе «Джангар». Клятвы (*андхар*), произносимые героями эпоса «Джангар», разнообразны по структуре, содержанию, форме и функции, что позволяет говорить о них как распространенном явлении.

Существуют разные типы клятв. Рассмотрим некоторые из них.

Первый тип: клятва дается одним человеком. Пример: – *Чамаг сарва баһ цагтчин сай өркэр сэн болх гижэ юнь төлэ авлав? Маңһдур өрүн нарн мандлхин цагт Теңгрин Төгэ Бүсиг алтн тагтин амнас давулл уга күц!* — *гив. Давулад оркдг юмн болхлачн дөш*

болгсн сээрэрчн кеңкргин бурас кенэв, күдр хар хавсарчн докъя цокур кенэв. Дөрвн хар саврарчн цөгц кенэв — гижэ, күдр балтан авад долажэ андхарлэжэ йовнал [Джангар 1960: 176]¹. ‘Для чего я купил, когда ты был еще двухлеткой, заплатив за тебя цену в миллион юрт (семей), как не в надежде, что выйдет из тебя добрый конь? Завтра, к моменту восхода солнца, настигни Небесного Тёгя Бюса прежде, чем он переправится через золотой мост. Если ты [скакун] не настигнешь его, то **клянусь**: на барабан натяну я твою шкуру на крупе-наковальне; из крепких твоих ребер сделаю барабанные палочки; чаши сделаю из твоих четырех копыт. Произнеся клятву, [богатырь тяжелорукий Савр] взял тяжелый бердыш и лизнул [его]’.

Второй тип — это такая клятва, в которой участвуют на равных правах два и более человек. Пример: *Эн йовхдан ах дү эс билүвдн, эск сүмсндэн дэждовин цаасн болиг гижэ андхар авлцгсн эс билүвдн* [Джангар 1960: 100]. ‘Разве не были мы с тобой братьями, не **поклались** ли мы стать в грядущем листами бумаги молитвенной книги в дэждбо’.

Третий тип — клятва, которую берут с побежденных людей. Пример: *өмн бийдэн хэлэн гихнэ, алдр нойн богднэ, шар алтн*

¹ В цитатах используется современная графика калмыцкого языка — *авт.*

туган босхжэ сергэж хадхад, Догшин Хар Кинэсиг тееглэж күлэд, Санл, Савр хойрнь, Хар Кинэсин цергиг хамн көөжэ авч ирэд, хан Жаңһрин өлмэд, харута тоотинь мөргүлэд, зун жилин **андһаринь** авад, зурһан жилин буруһан эрэд оржэ өгв [Джангар 1960: 358]. 'Когда [Хонгор] окинул взглядом далеко перед собой, то увидел, что великий нойон богдо [Джангар] поднял желто-золотое знамя, что перед ним лежит пригвожденный [к земле] и туго связанный Свирепый Хара Киняс, что Санал и Савар вдвоем гнали войско Хара Киняса и из их числа самых недоверчивых заставили преклонить колени к стопам хана Джангара, что [подданные Хара Киняса] дали клятву на сто лет вперед [быть подданными хана Джангара] и попросили отпустить [им] грехи, сделанные ими за шесть лет'.

По содержанию клятвы разнообразны: в них упоминаются силы природы, есть клятвы-угрозы, наказания, клятвы-договоренности о взаимной помощи, о братстве и т.д. Примеры:

1. Клятва как проявление высших сил: *Эрднь ө бурхнь таралцднь эгц миңһн һалвд эрк биш төрх **андһарта** гинэ* [Джангар 1960: 279]. 'Говорят, что перерождаются обязательно **по закону** в драгоценном святом раю в тысяче калып'.

2. Клятва-угроза: *Кемр эс күргхлэ, дөш болгсн сээрэрчн кеңкргин шир кел уга, күдр нээмн хавсарчн кеңкргин докур кел уга, дөрвн хар саврарчн зулин цөгц кел уга бээхн угав* [Джангар 1960: 31]. 'Если не доставишь [его], то не упущу случая превратить [твой, то есть коня] круп-наковальню в кожу для барабана, твои крепкие восемь ребер в палочки для барабана, а твои крепкие четыре копыта в чаши для лампы'.

3. Клятва-наказание: *Тер шортнь хо-ома шархтгсн күмн, эмин сээһинь ууһад, эмчин сээнд үзүлв чигн эгц дөчн йисн хонгт хорнь күцжэ үкдэ **андһарта** гинэ* [Джангар 1960: 290]. 'Говорят, что человек, слегка пораненный этим штыком, получив долю яда, как **обычно** умирал на сорок девятый день, даже в том случае, если он лечился лучшими лекарствами и был лечим лучшими врачами'.

4. Клятва-договоренность: *Арвн хойр күн Хоңһриг бэрэд авад ирхвдн. Муурад ирхлэРН, Хоңһр маниг дуудн уульх, тииклэ тер **андһар** авлцсан санад, өөрэн бээгсн арвн хойр бодңиг, эн шар бээшңгин ора дееһүр шивхв* [Джангар 1960: 99]. 'Что будет,

если мы, двенадцать витязей, поймем Хонгора и приведем сюда? Изнемогая и рыдая, Хонгор будет взывать к нам, прося о помощи. Тогда я вспомню о данной нами **совместной клятве** о взаимопомощи и близких мне двенадцать витязей [нарушивших эту клятву] швырну на крышу этого золотого дворца'.

5. Клятва о братстве: *Алдр нойн богд Жаңһрнь Эср Улан Хоңһр Күнд Һарта Савр хойриг **андһаринь** авад ах-дү койр кев* [Джангар 1960: 299]. 'Великий государь Джангар сделал жизнестойкого Хонгора и тяжелорукого Савара братьями, **приняв** от них **клятву** о братстве'.

По функции клятвы можно разделить на две группы: бытовые и социально-значимые. Функциональные типы тоже представлены в эпосе «Джангар».

1. Бытовая клятва: *Алһн Цееж келн бээһэ: – Арнзлин тоосн мөн кевтэ болна. Арнзларн **андһарта** йовдг болх, шивэд күргл уга бэрх билэ* [Джангар 1960: 254]. 'Между тем Алтан Цееджи продолжает говорить: Пыль такая, как будто скачет Аранзал. Наверное, связан [ты] с Аранзалом **узами клятвы**, должен был бы поймать [скакуна], пока он не достиг крепостных стен.

2. Социально значимая клятва: *Миңһн нег жилд Жаңһрин оруд нутг болһн гижэ **андһаринь** авад цертәһинь хәрүлэд, арднь Шарин зурһан миңһн арвн хойр бийәРН шаргэж мордад, <...> шар-цоохр туган өмнән өргэд, эзн Жаңһрин ор темцэд жиңнэд һарв* [Джангар 1960: 106–107]. 'В течение тысячи и одного года будете подданными Джангара, – объявили они [витязи] побежденному, **взяв** [у него] **клятву**, и отправили [его] вместе с войском. Следом шесть тысяч двенадцать [витязей] шумно поскакали, <...> подняв перед собой желтопестрое знамя, быстро помчались, направляясь в страну государя Джангара'.

Особый интерес вызывают те социально значимые клятвы, которые дают герои эпоса в трудные, критические моменты их жизни. Некоторые из них на русском языке хорошо известны не только калмыкам, но и другим народам. Как отмечает поэт А. И. Сусеев, клятвы героев эпоса «Джангар» прекрасно звучат в художественном переводе Семена Липкина [Сусеев 1989: 4]. Вот один из таких известных переводов:

Жизни свои острою копыя предадим,
Страсти свои державе родной посвятим;
Да отрешимся от зависти, от похвальбы,
От затаенной вражды, от измен, от алчбы;

[Джангар 1958: 254–255].

1. Пример, свидетельствующий об устойчивой форме клятвы: *Эзн богд Жаңһр Хоңһрт цухл аңхрн*: – *Мини зөв гисиг чи юңһад буру гинэч, арвн хойр бодц үүг бэрэд күлжэ өгтн — гив. Арвн негнь **андһаран өгэд**, арвн хойрдгч Санльн*: – *Би кулцхив*. [Джангар 1960: 98–99]. ‘Владыка богдо Джангар обрушил свой гнев на Хонгора: Почему решение, принятое мной, ты считаешь ошибочным? Приказываю вам, двенадцати витязям, поймайте и свяжите его. Одиннадцать [витязей] **дали клятву** [выполнить приказ владыки]. Одиннадцатый, Санал, ответил, что не будет ловить и вязать [Хонгора]’.

В связи с публикацией избранных деловых писем калмыцких владельцев XVIII в. появился новый источник, документально подтверждающий, что среди калмыков клятва на калмыцком языке реально бытовала в письменной форме [Сусеева 2009: 700]. В связи с этим можно утверждать, что клятва (*андһар*) представляет собой один из жанров письменного официально-делового языка XVIII века. Как любой жанр деловой речи, клятва характеризуется признаками как лингвистическими, так и экстралингвистическими. К числу экстралингвистических признаков относятся мотивация, цель, ситуация, социальное положение дающих клятву и др. К лингвистическим признакам относятся языковые средства (графические, орфографические, пунктуационные, грамматические, лексические, синтаксические и стилистические).

2009: 700, 707]. Ниже приводится текст интересующей нас клятвы в транслитерации и переводе на русский язык XVIII века (разделение на строки дано в соответствии с оригиналом).

01. Дон груб бграшес.
02. Даб дбанг дон руб экилэн = торхоуд дөр-
03. бөдийин сайидоуд бо гүдэйн = кэжи
кэлцэгсэн
04. шийидбүри = хаза: ду харида:н = дото:ду
05. халоун да:н = үйилэ нутуһа:н хаһацан
үгэй
06. йабуйа = зарһу засаһа:н таталцал үгэй =
ха:н
07. тани цагтуки йосо:р йабулцайа = нигэн
нигэн
08. дэ:н хара боро санажи = хоб худхоур
09. бо кэлцэйэ. **Андһа:рийин бичиг.**
10. Усун һахай жилиин мэчин сарайин ар-
бан
11. нигэн ду = ба:хан хара тохой ду
12. бичибэ. [По источнику: НА РК. Ф.И-36.
Оп. 1. Д. 161. Л. 1191].

«Копия с присяжного листа учиненного
между

Ца Лабанг дундука торгутовъ и дербето-
ВЫХЪ

01. Дондукъ Даши, Лабанг Дундукъ, торгу-
то
02. вы и дербетевы зайсанги сообщего со-
вета
03. положили и договорились от неприятеля
общем
04. улусы засчисчать и охранять такъ и меж
05. собою с улусы неразлучно быть и всякие
06. дела обще чинить в суде ни которую б
сто
07. рон не фалшит и быть такъ какъ при
08. покойномъ Аюке хане было и одинъ од-
ному
09. никакого зла не мыслилъ понаведова-
нию
10. от кого или по смуте ничто неделать.
1743
11. года летнего среднего месяца 11 числа в
урочи-
12. сче малом хара тохой писано.

Переводчикъ Кирилл Везелевъ». [НА
РК. Ф.И-36. Оп. 1. Д. 161. Л. 1192–1193].

Приведем также русский перевод предложений Д. А. Сусеевой.

«01. Дондук Даши [наместник Калмыцкого ханства].

02. **Начиная с Лабанг Дондука [дербетовского нойона], все торгутовские**

03. **и дербетовские знатные люди договорились и вынесли общее**

04. **решение. Когда нападет внешний враг или когда наступят**

05. **междоусобные распри, быть едиными в делах и кочевать вместе,**

06. **не разъединяя улусы; суд и власть не тянуть на себя;**

07. **жить по прежним ханским [хана Аюки] законам; друг другу**

08. **не делать неприятности; с теми, кто сеет смуту,**

09. **не соглашаться. Клятвенное письмо.**

10. Написано

11. в год водяной свиньи, в месяц обезьяны, один-

12. надцатого числа, в излучине [реки Волги] Баахн Хара Тохой [Сусеева 2009: 700, 707].

Хотя этот документ является копией, как видно из русского перевода XVIII века, он имеет реквизиты, характерные для калмыцких деловых документов. В нем четыре реквизита: имя адресанта, само содержание документа, дата написания документа и адрес (местопребывание адресанта). Из этих реквизитов только второй (строки 02–09) имеет непосредственное отношение к клятве как к особому жанру официально-делового стиля калмыцкого литературного языка XVIII века.

Данное письмо-клятва в соответствии с классификацией, предложенной нами выше, по содержанию относится к 4 типу (тип клятвы-договоренности), по структуре — ко 2 типу (участников клятвы более двух человек), по форме — ко 2 типу (письменная форма), по функции — ко 2 типу (социально-значимый тип).

«*Андһарийин бичиг*», как назван данный документ самими участниками акта клятвы, характеризуется всеми известными признаками официально-деловых документов, а именно:

1) сфера бытования — административно-правовая, поскольку в документе имеется положение, призывающее калмыцких владельцев жить по законам хана Аюки (ха:н тани цагтуки йосо:р йабулцайа);

2) основное назначение документа (функция) — сообщение-призыв к единению всех калмыцких владельцев (торһоуд дөрбөдийин сайидоуд бөгүдэйн), от которых зависела судьба Калмыцкого ханства в определенный период времени;

3) жанр данного документа — клятва (или присяга, обет);

4) стилеобразующие признаки (доминанты делового стиля): предельная точность, не допускающая инотолкований; императивность, точность, логичность, неличный характер речи [Гольдин, Сиротинина, Ягубова 2001: 87–90];

5) лексические особенности: наличие административно-правовой лексики (шийидбүр «решение», зарһу «суд», засаг «власть», йосон «закон»);

6) морфологические особенности: преимущество среди других частей речи составляют имена существительные (из 36 слов клятвы 18 — имена существительные);

7) синтаксические особенности: преобладание сложных предложений типа һаза:ду харида:н = дото:ду халоун да:н = үйилэ нутуһа:н хаһацал үгэй йабуя «Не разлучать наши владения и быть едиными в делах, когда будет угроза от внешнего врага или когда наступят междоусобные распри».

Эпос «Джангар» и обнаруженная в Национальном архиве РК клятва калмыцких владельцев на калмыцком языке эпохи правления хана Дондук Даши свидетельствуют, что в калмыцкой официально-деловой речи жанр клятвы («клятвенное письмо», или «присяжное письмо») существовал с давних времен и что язык этого жанра своеобразен в лексическом, морфологическом и синтаксическом отношении. Дальнейший поиск в этом направлении расширит наше представление об интереснейшем жанре калмыцкой деловой речи и о самом деловом языке.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. И-36. Оп. 1. Д. 161.

Литература

Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б., Ягубова М. А. Русский язык и культура речи. Учебник для студентов-нефилологов. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. 211 с.

Джангар. Калмыцкий народный эпос / пер. С. Липкина. М.: Госиздат, 1958. 362 с.

Джангар. Героический эпос калмыцкого народа. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 362 с.

Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Муниева. М.: Изд-во «Русский язык», 1977. 764 с.
Сусеев А. И. О поэтической образности Джангариады. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 55 с.

Сусеева Д. А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Избранное. Элиста, 2009. 991 с.

УДК 81=512.31

ББК 81.2 БУ

О ПРАКТИЧЕСКОЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА (К ИСТОРИИ ВОПРОСА)

Б. Д. Цыренов

Традиция составления словарей имеет историю длиной не в одно тысячелетие. Первые словари датируются XXV в. до н. э. (гlossарии времен шумерской цивилизации), в Китае словари появились в XX в. до н. э., а в Древнем Египте — в XVIII в. до н. э. Первые русские гlossарии — предшественники словарей — были составлены в XI в. уже нашей эры. Зарождение монгольской лексикографии монгольские исследователи относят к IV в. н. э., эпохе сяньби. В этот период был составлен трехтомный словарь различных наименований государственного языка («Төрийн хэлээрхи олон зүйл нэрийн толь бичиг» 3 дэвтэр) [Цыренов 2011: 114]. Первые записи слов бурятского языка в путевых дневниках русских путешественников, служилых людей, представлявшие собой простейшие вокабуляры, были сделаны в XVIII в. [Будаев 1992: 6–8].

Термин «лексикография» впервые встречается в Etymologies Magnum, в неопубликованной работе (приблизительно XI–XII в. н. э.), в виде lexiko-graphos [Дубичинский 2009: 17]. По определению М. В. Моисеева, «словарь — это определенным образом организованное собрание слов, снабженных комментариями, в которых описываются особенности их структуры и / или функционирования» [Моисеев 2006: 6]. Но, пожалуй, самым точным, емким и, в то же время, предельно лаконичным признано определение Вольтера: «Словарь — это вселенная в алфавитном порядке», развивая далее свою мысль, один из величайших умов Запада говорит: «Собственно говоря, словарь есть книга в самом широком значении слова, все другие книги содержатся в ней: суть лишь в том, чтобы извлекать их

из нее» [цит. по: Дубичинский 2009: 397]. Эта мысль как нельзя более точно характеризует суть одноязычной лексикографии, толковых словарей. Ведь именно толковые словари литературного языка, прежде всего, опираются на изданные классические произведения на данном языке.

Лексикография в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» определяется как «Раздел языкознания, занимающийся практикой и теорией составления словарей» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 258]. Неудивительна постановка авторами энциклопедии на первое место практики, а не теории, поскольку практика, образно говоря, старше теории на 45 веков, которая начала свою историю лишь с середины XX в. н. э. Составление словарей, пожалуй, единственная область человеческой деятельности, получившая свое теоретическое осмысление с таким опозданием.

О зарождении словарного дела, его развитии от первых простейших образцов словарей до современного их вида в печатном исполнении, имея в виду лексикографию западных (европейских) языков, М. В. Моисеев пишет: «Словари в том виде, к которому мы привыкли, имеют сравнительно позднее происхождение. Они появились в период, последовавший за изобретением и распространением в Европе книгопечатания в середине XV века» [Моисеев 2006: 6]. Предшественниками словарей явились гlossарии, представлявшие собой списки непонятных, труднопереводимых слов, встречавшихся в древних канонических, религиозных текстах. Гlossарии обычно присоединялись к тем текстам, из которых были выписаны и переведены и / или растолкованы слова,

составляющие его. Первые глоссарии были в основном рукописными, с них делались многочисленные копии, а с появлением многотиражного книгопечатания и вместе с этим удешевления производства книг, «словари оказались в числе первых печатных изданий» [Моисеев 2006: 6].

На рубеже XX–XXI вв. теоретическая лексикография вступила в период своего бурного развития, в 1990–2010 гг. защищено около ста кандидатских и докторских диссертаций как по общим теоретическим вопросам, так и по частным, по лексикографии глобальной, национальной и региональной. Наиболее авторитетными российскими теоретиками лексикографии в наше время являются Ю. Д. Апресян, В. П. Берков, В. Г. Гак, П. Н. Денисов, Б. Ю. Городецкий, В. В. Морковкин, Ю. Н. Караулов, Л. С. Ковтун, В. В. Дубичинский, Ф. П. Сорокалетов и др. Патриархами теоретической лексикографии считаются Л. В. Щерба [1974] и Х. Касарес [1958].

Тем, кто занимался изучением истории, теории и практики составления словарей, вел или ведет курс лексикологии или лексикографии, знакомы ставшие в настоящее время без преувеличения основополагающими труды В. П. Беркова «Вопросы двуязычной лексикографии. Словник» (Л., 1973), «Слово в двуязычном словаре» (Таллин, 1977), относительно недавно, в 2004 г., в издательстве «Астрель» (Москва) вышло его учебное пособие «Двуязычная лексикография». Размышления Ю. Д. Апресяна нашли отражение в ряде его исследований, вошедших во второй том избранных трудов [Апресян 1995]. Своеобразным обобщением, результатом деятельности его школы стала коллективная монография «Языковая картина мира и системная лексикография», вышедшая под его редакцией [2006].

Известный лингвист П. Н. Денисов посвятил большое количество работ вопросам лексикографии, среди которых «Очерки по русской лексикологии и лексикографии» (М., 1974), «Основные проблемы теории лексикографии» (дис. ... д-ра фил. наук, М., 1976), «Лексика русского языка и принципы её описания» (Изд. 2-е; М., 1993) и др. Кроме таких крупных трудов были и другие, затрагивающие многие общие и частные проблемы лексикографии. Институтом языкознания АН СССР издано пять выпусков «Лексикографического сборника», в которых обсуждались насущ-

ные проблемы русской и национальной лексикографии (1957–1963), принципам составления национальных толковых словарей было посвящено V Всесоюзное лексикографическое совещание в Институте языка и литературы АН Киргизской ССР (Фрунзе, 1964). В работе этого совещания приняли участие ведущие бурятские языковеды Т. А. Бертагаев, У-Ж. Ш. Дондуков. Т. А. Бертагаев в своем выступлении затронул проблему разграничения полисемии и омонимии, классификации сложных слов в монгольских и тюркских языках, генетически восходящих к словосочетаниям. Критерий непроницаемости, по мнению ученого, послужит надежным средством определения сложного слова, наряду с критерием цельнооформленности [Материалы V Всесоюзного лексикографического совещания 1964: 83]. Следует заметить, что этот острейший вопрос, один из самых дискуссионных, не решен до сих пор.

В первом десятилетии XXI в. были опубликованы интересные учебные пособия, монографии, обобщившие в определенной степени результаты исследований по теории и практике лексикографии. Это, в первую очередь, обстоятельное учебное пособие В. В. Дубичинского «Лексикография русского языка» (М., 2009), пособие для педагогических вузов В. А. Козырева и В. Д. Черняк «Русская лексикография» (М., 2004), основывающееся на их монографии «Вселенная в алфавитном порядке» (СПб., 2000), Э. Г. Шимчук «Русская лексикография» (М., 2003), работы по английской лексикографии О. М. Карпова (М., 2010), М. В. Моисеева (Омск, 2006) и т. д.

По различным общим и частным вопросам лексикографии, истории становления и развития национальной лексикографии разных народов защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций, причем большая часть в 1990–2010 гг. Среди них диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук О. Н. Иваннищевой «Лексикографирование культуры в двуязычном словаре» (2005), В. В. Дубичинского «Теоретическое и лексикографическое описание лексических параллелей» (1995), М. С. Колесниковой «Лексикографический аспект лингвострановедения» (2003), М. А. Бобуновой «Фольклорная лексикография: становление, теоретические основания, практические результаты и перспективы» (2004) и множество других.

Таким образом, к рубежу XX–XXI вв. появление большого количества словарей разных типов потребовало теоретического осмысления структуры словарей, методов презентации и дефиниции в них слов, фразеологических единиц, семантико-стилистических средств языка и т. д.

В Монголии достаточно редко выходили в свет статьи, посвященные словарям, и касались они в основном словарей прошлого. В бурятском языкознании вопросы теоретической лексикографии остаются без внимания, не считая рецензий на издававшиеся словари, которые не содержали теоретического анализа, а просто описывали словари, указывая на их позитивные и негативные стороны. Между тем, более пятидесяти лет тому назад Л. Д. Шагдаров писал: «Также назрела потребность теоретически обобщить то, что сделано в области лексикографии, ибо у нас работа по составлению словарей ведется на ощупь без опоры на теоретические обобщения опыта лексикографической работы» [Шагдаров 1958: 156]. Однако этот посыл остался без реального ответа, и решение теоретических вопросов бурятской лексикографии безнадежно отстало от практики.

Одним из первых полноценных словарей бурятского языка является «Русско-монголо-бурятский словарь» И. А. Подгорбунского, увидевший свет в 1909 г. [Подгорбунский 1909]. Автор словаря подчеркивает в предисловии, что словарь отражает живой разговорный бурятский язык: «Этой основною целью определяются некоторые особенности заключающего в «Словаре» материала и расположения последнего. Во-первых, монголо-бурятские слова даются в Словаре не в той форме, в какой их принято изображать в письменном монгольском языке, а в той, в которой они встречаются в живых разговорных диалектах...» [Подгорбунский 1909: I].

В советский период и в наше время создано довольно значительное количество словарей бурятского языка: 1) толковые словари («Краткий толковый словарь бурятского языка», «Тематический толковый словарь бурятского быта»); 2) двуязычные (переводные) (первые – Русско-монголо-бурятский переводчик Н. А. Болошинова и Русско-монгольско-бурятский словарь А. Подгорбунского, а новейшие и самые крупные – «Бурятско-русский словарь» в 2-х томах (Улан-Удэ, 2006, 2008) и «Рус-

ско-бурятский словарь» (Улан-Удэ, 2008); 3) 6 терминологических словарей; 4) несколько орфографических словарей (самый крупный из них – «Орфографический словарь бурятского языка», 1962); 5) словарь синонимов; 6) сравнительный словарь бурятских диалектов (автор — Ц. Б. Будаев); 7) несколько учебных словарей разного типа (переводные, терминологические); 8) фразеологический словарь переводного типа (автор — Ш.-Н. Р. Цыденжапов); 9) паремиологические (2 словаря).

Такой достаточно внушительный корпус словарей, как мы уже говорили выше, не становился объектом серьезного научного анализа. В своей статье «Некоторые вопросы составления бурятско-русского словаря» Ц. Б. Цыдендамбаев выступил с критикой на автора «Бурят-монгольско-русского словаря» К. М. Черемисова по поводу включения им в словник неоправданно большого количества диалектных слов, не вошедших в литературный язык [Цыдендамбаев 1969: 117]. Кроме того, Ц. Б. Цыдендамбаев выражает недовольство тем, что в словаре в качестве самостоятельных заголовочных единиц даны различные падежные формы имен и наречий, например, по его мнению, не должны были бы включаться в словарь такие слова, как: *гүталтай* 'имеющий обувь, обутый', *хүбүүтэй* 'имеющий сына', *гэртэй* 'имеющий дом, с домом' и т. д. [Цыдендамбаев 1969: 123]. Безусловно, слова, сохраняющие в форме совместного падежа свое предметное значение, не следует давать отдельными словарными статьями.

Следующее издание этого словаря было осуществлено в 1973 г. с учетом критических замечаний ученых-бурятоведов, журналистов, учителей-практиков. Автор значительно расширил словник, включив в него 44 тыс. слов, вместо прежних 25 тыс. В статье «К выходу „Бурятско-русского словаря“ К. М. Черемисова» редактор этого издания Н. А. Очиров дал труду высокую оценку [Очиров 1973].

Следует остановиться на оценке «Русско-бурятского словаря» 1954 года издания. Т. А. Бертагаев в статье, которая так и называется – «О русско-бурятском словаре», восторженно отзывается об этом труде. Тем не менее, и он находит некоторые отрицательные моменты в его содержании, в частности указывает на то, что словник «не содержит многих слов, необходимых в переводческой и вообще в лингвистической практике»

[Бертагаев 1955: 169]. Кроме того, большую досаду автора вызывает то, что составители словаря мало привлекали слова из диалектного пласта и устного народного творчества и редкие случаи несоответствия между русскими и бурятскими словами. В заключение Т. А. Бертагаев отмечает в том же восторженном тоне: «Вообще разбираемый нами словарь в дальнейшем будет являться богатейшим источником для лиц, занимающихся исследованием словарного состава бурят-монгольского языка. И если его перевернуть, то можно из него сделать, с учетом всех указанных выше пожеланий, великолепный бурят-монгольско-русский словарь» [Бертагаев 1955: 176–177].

В арсенале бурятской лексикографии имелись три академических двуязычных словаря, ряд других словарей, но ощущалась настоятельная необходимость в подготовке большого толкового словаря. В 1988 г. Ц. Б. Цыдендамбаев в статье «Проблемы составления толкового словаря бурятского языка» обозначил ориентиры, на которые следует держать курс при составлении такого словаря. По сути, статья представляла собой инструкцию, в которой скрупулезно разобраны все теоретические моменты, оговорена практическая реализация данного проекта. Несмотря на большой объем проделанной предварительной работы, общий толковый словарь все еще находится в стадии составления до сего времени.

Академические словари аккумулируют в себе практически весь лексический состав языка, но при этом поднимают множество лингвистических проблем, в том числе о грамматическом статусе различных форм слова, как, например, статус некоторых падежных форм, проблема сложных слов в бурятском языке, соотношение кодифицированной и диалектной форм языка и т. д. В словаре, представляющем собой некую матрицу языка, наглядно видны не только его лексическое богатство, но и многие проблемные моменты, которые ждут своего решения.

Таковы результаты практической словарной работы и первые, пока еще бессистемные, попытки осмыслить в теоретическом плане имеющийся опыт. Развитие гуманитарной науки, ее интеграция с высокими технологиями предполагают в настоящее время выход на составление корпусов языка, лексических, грамматических и фонетических баз данных на электронных носителях, словарей интерактивного плана —

все это дело совсем недалекого будущего, практически задача наших дней, но прежде чем перейти к этому этапу, необходимо теоретически обобщить опыт бурятской лексикографии в традиционном плане.

Литература

- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
- Бертагаев Т. А. О русско-бурят-монгольском словаре // Записки БМНИИК. Вып. XX. Улан-Удэ, 1955. С. 163–177.
- Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). Новосибирск: Наука, 1992. 217 с.
- Дубичинский В. В. Лексикография русского языка. М.: Наука-Флинта, 2009. 432 с.
- Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М., 1958. 256 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / под общ. ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.; ил.
- Материалы V Всесоюзного лексикографического совещания. Фрунзе: Илим, 1964. 89 с.
- Моисеев М. В. Лексикография английского языка: учебно-метод. пособ. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. 92 с.
- Очилов Н. А. К выходу «Бурятско-русского словаря» К. М. Черемисова // Байкал. 1973. № 6. С. 124–126.
- Подгорбунский И. А. Русско-монголо-бурятский словарь. Иркутск: Тип. Маркушина и Посохина, 1909. 340 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Некоторые вопросы составления бурятско-русского словаря // К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969. С. 117–129.
- Цыренов Б. Д. К истории монгольской лексикографии (истоки бурятской лексикографии) // Вестник БГУ. 2011. Вып. 8. С. 114–118.
- Шагдаров Л. Д. История разработки лексикологии и лексикографии бурятского языка // К 35-летию Института культуры. Улан-Удэ, 1958. С. 137–156.
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265–312.
- Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с. (Studia philologica).

УДК 821.584.6

ББК 83.3(0)9(5Мон)+83.3(0)6+86.35

ИЗУЧЕНИЕ РАННИХ ЭТАПОВ СТАНОВЛЕНИЯ БУДДИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ У ОЙРАТОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ МОНГОЛОВЕДЕНИИ

Д. Н. Музраева

Памятники письменной культуры ойратов и калмыков и сегодня вызывают интерес со стороны ученых-исследователей, всех тех, кто занимается проблемами буддологии, тибетологии, монголистики, этнографии, истории, культуры монголоязычных народов и других народов, исповедующих буддизм или испытавших влияние буддийской культуры. В данной статье на основе сведений, почерпнутых из отечественных и зарубежных востоковедческих изданий и сборников статей, мы даем обзор исследований творческого наследия выдающегося ойратского просветителя, ученого, политического деятеля Зая-пандиты Намкай Джемцо (тиб. *Za-ya pandita nam-mkha' rgya-mtsho*, ойр. *oqtoryuyin dalai*), которое продолжает оставаться важным звеном многовековой религиозно-философской и литературно-книжной традиции калмыков.

Одним из важных объектов исследования жизненного и творческого пути Зая-пандиты является его биография, составленная в конце XVII – начале XVIII в. одним из ближайших учеников Раднабхадрой, сохранившаяся как рукописный памятник. Факсимиле и транскрипция рукописи биографии были подготовлены и изданы Ж. Цолоо в Улан-Баторе в 1967 г. [Biography 1967]. В предисловии к этому изданию Ж. Цолоо писал, что рукопись на «ясном письме» долгое время хранилась у Ж. Ванчига и Д. Тувдэна в сомоне Манхан Кобдоского аймака (Западная Монголия), а в 1963 г. была передана в ойратский фонд Института языка и литературы Академии наук Монголии [Biography 1967: 1]. Здесь же он отмечал, что отдельные фрагменты из биографии Зая-пандиты были переведены и опубликованы К. Ф. Голстунским

[Монголо-ойратские законы 1880]. До публикации данного ойратского списка в распоряжении монгольских ученых был лишь один список на старописьменном монгольском языке из библиотеки халхаского Зая-пандиты Лувсанпринлея, изданный Б. Ринченом в 1959 г. [Radnabhadra 1959].

Списки биографии Зая-пандиты имеются в разных мировых собраниях [Бадмаев 1968]. Один из них, включающий наиболее полную редакцию памятника, который хранится в фондах Института восточных рукописей РАН, был исследован и переведен Г. Н. Румянцевым (1938), но так и не был издан. Спустя более полувека этот перевод был доработан, дополнен комментарием, указателями и издан под редакцией А. Г. Сазыкина [Раднабхадра 1999].

Интересное исследование биографии Зая-пандиты предпринял китайский ученый Ш. Норбо — ойрат по происхождению [Саа бандита 1990]. Автор провел скрупулезное исследование всех этапов жизни и деятельности ойратского просветителя и на основе ряда списков издал сводный текст биографии с обширным комментарием. Эта работа, написанная на монгольском языке, стала доступна широкому кругу читателей и получила определенный резонанс в научной среде благодаря переводу на русский язык, выполненному калмыцкими учеными [Норбо 1999]. Выход этой книги, сведения, приводимые в комментариях автора и научного редактора, дали толчок для дискуссии, в которой свое мнение высказали ученые Казахстана [Артыкбаев 2002].

Для нас особую значимость имеет текст биографии в той части, в которой биограф приводит перечень сочинений, переведенных Зая-пандитой и его учениками

[Biography 1967: 8–9]. Этот список, несмотря на свою предельную лаконичность, привлек внимание исследователей творческого наследия просветителя. Согласно биографу, начиная «с года барса (1638) до года барса (1650) для всех дурбэн-ойратов: хошутов, торгутов, дэрбэтов, джунгаров, хойтов и других» (т. е. за 10 лет до создания «ясного письма») Зая-пандита перевел на ойратский язык большое количество тибетских сочинений как из собрания канонических сводов Ганджур и Данджур, так и из разряда неканонических произведений [Biography 1967: 8, 43, л. 9а]. Таких сочинений насчитывается порядка 178 [Biography 1967: 8–9, л. 9а–11б]. В их число входят сутры, сочинения из разряда литературы по Праздникам парамите, философские трактаты, сочинения из раздела тантр, комментарии на известные буддийские сочинения, медицинские и астрологические трактаты, лексикографические труды, повествовательная и агиографическая литература, дидактические и биографические сочинения, руководства и описания различных буддийских обрядов и другие тексты [Biography 1967: 52; Лувсанбалдан 1975: 126; Damdinsürüng 1959: 320–334]. Ученики Зая-пандиты, продолжая его дело, перевели еще 37 сочинений [Biography 1967: 9, л. 11а–11б]. Эти сочинения позволяют современным и будущим исследователям судить о глубине средневековой философской мысли, системе ценностей тибетской культуры, которую принял Зая-пандита, вобрал в себя и стал проповедовать среди монголов, ойратов и калмыков. Как хорошо известно, деятельность ойратского просветителя на этом поприще распространялась в географическом пространстве от Восточной Монголии до берегов Волги.

Авторами перечисленных выше произведений являются знаменитые индийские и тибетские буддийские мыслители (Атиша (982–1054), Бромтонпа (1008–1064), Нагарджуна (II в. н. э.), Наропа (956–1040), Миларайпа (Миларэпа) (1040–1123), Шантидева (к. VII – нач. VIII в.), Цзонхава (1357–1419), Далай-ламы, Панчен-ламы и др.), сыгравшие заметную роль в развитии тибетской культуры, которое осуществлялось под значительным влиянием буддизма как религии и как философской системы.

Многие ученые России и зарубежных стран на протяжении более чем двух столетий — столько, сколько насчитывает

история научного монголоведения — занимались анализом состава и содержания этих переводов, идентификацией тех или иных переводов с известными каноническими и неканоническими сочинениями. Состав и содержание переводов Зая-пандиты, их жанровая принадлежность, ряд других вопросов получили освещение в трудах классиков отечественного монголоведения (К. Ф. Голстунский, А. М. Позднеев, А. В. Попов и др.), продолжают вызывать интерес более поздних авторов (Х. Лувсанбалдан, Ц. Дамдинсүрэн, Г. И. Михайлов, В. Хайссиг, Л. Хүрэлбаатар, С. Халковик (Халькович) и др.). Эта работа сопряжена со многими трудностями, одна из которых состоит в том, что представленный Раднабхадрой перечень трудов, которыми занимался Зая-пандита, отличается предельной лаконичностью, и это осложняет установление точного заглавия того или иного сочинения, под которым оно известно в наши дни [Музраева 1999].

Академик Ц. Дамдинсүрэн привел названия произведений из упомянутого перечня, параллельно указывая их тибетские титулы, что следует расценивать как существенное дополнение в вопросе установления оригиналов переводных сочинений Зая-пандиты [Damdinsürüng 1959].

Вопрос идентификации текстов из перечня переводов Зая-пандиты с известными нам ныне произведениями буддийской литературы стал объектом исследования американского ученого С. Халковика (Хальковича), который в своей диссертации дает характеристику каждому сочинению из перечня Раднабхадры [Halcovic 1972]. Правда, некоторые из текстов ему так и не удалось идентифицировать.

Творческое наследие Зая-пандиты вызвало и продолжает вызывать большой интерес со стороны отечественных и зарубежных исследователей. Особо следует сказать о вкладе в ойратоведение монгольского ученого Х. Лувсанбалдана, чья работа «Ясное письмо и его памятники» до сих пор продолжает оставаться классическим источниковедческим трудом, представившим во всей полноте наследие ойратского просветителя [Лувсанбалдан 1975]. Эта работа оказалась своего рода водоразделом в ойратоведческих исследованиях, поскольку все последующие работы, посвященные письменному наследию Зая-пандиты, лишь дополняют и уточняют перечень сочинений,

приведенный Х. Лувсанбалданом. Работа монгольского ойратоведа позволила существенно дополнить список, составленный биографом Зая-пандиты. Он приводит данные целого ряда сочинений разных жанров, в колофоне которых указывается авторство ойратского просветителя и переводчика. Это, к примеру, такие сочинения, как «Святые дхарани, успокаивающие все болезни лошадей» (ойр. *Xutuqtu mörini xamuq ebeči maši amurluulun üiledküyin toqtöl*), «Дхарани под названием “Разрушающая ваджра”» (ойр. *Teyin ebdegči očiḡ kemēkü toqtöl*) и некоторые другие [Лувсанбалдан 1975: 240].

Следует отметить, что, к нашему большому сожалению, многие из переводов Зая-пандиты оказались с течением времени утрачены, а дошедшие до наших дней оказались рассеянными по различным хранилищам старописьменных памятников. Сочинения на «ясном письме» («тодо бичиг», от ойр. *todo bičiq*) составляют ныне золотой фонд мировых собраний старых монгольских книг. О том, что хранится в фондах библиотек, архивов, академических институтов и университетов, писали и пишут многие монголоеды и тибетологи. Сведения об отдельных сочинениях мы можем почерпнуть из целого ряда описаний, обзоров, каталогов письменных источников, хранящихся в различных коллекциях восточных книг России, Монголии, КНР, Германии, Дании, Франции, США, Японии и т. д.

Ценные сведения о монгольских литературных памятниках приводятся в составленном Дж. Крюгером описании коллекции Б. Лауфера, хранящейся в Университете Чикаго и Музее естествознания в Чикаго (США) [Krueger 1966]. Особо хотелось бы указать на материалы, имеющие отношение к истории, литературе, языку ойратов и калмыков [Krueger 1966: 177–178].

Среди упомянутых ранее собраний и изданий каталогов монгольских рукописных книг и ксилографов следует указать описания двух крупнейших российских собраний монгольских книг — коллекции Института восточных рукописей РАН и коллекции библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Автором первого является А. Г. Сазыкин [Сазыкин I 1988в; II 2001; III 2003а], второе выполнено В. Л. Успенским [Uspensky 1994; 2001].

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН также располагает коллекцией старописьменных источников на монгольском и ойратском языках. Ее описание выполнено К. В. Орловой [Орлова, 2002]. Помимо этой работы, представляют интерес сведения, приводимые в обзорной статье В. О. Чуматова [Чуматов 1983].

Большая работа по каталогизации письменных источников на «тодо бичиг» ведется ойратоведами Монголии. В настоящее время эти тексты хранятся в фондах Национальной библиотеки, Института языка и литературы АН Монголии, в библиотеке храма Гандантегчинлин в Улан-Баторе, в фондах краеведческих музеев Кобдоского, Убсунурского аймаков, а также в частных коллекциях. У истоков описания, систематизации, каталогизации коллекции ойратских рукописей и ксилографов Института языка и литературы стоял Х. Лувсанбалдан. Монгольский ойратовед в свое время выделил 15 разрядов (групп) текстов, согласно которым и была осуществлена каталогизация фонда [Gerelmaa 2005: 7]. Помимо указанных выше его работ, им составлены описания письменных источников, получивших освещение в докладе об ойратских ксилографах [Лувсанбалдан 1968б] и ряде других статей [Лувсанбалдан 1968а; Лувсанбалдан 1968б]. Сотрудниками Института языка и литературы АН Монголии подготовлен ряд описаний коллекции института [Самбуудорж 1997; Gerelmaa 2005].

Следует особо отметить, что именно от времени создания Зая-пандитой «ясного письма» (1648) ведут отсчет своей истории ойратская и калмыцкая литературы. Данные по ним можно почерпнуть в трудах по истории монгольской литературы, в которых ойратская литература выступает ее неразрывной составной частью.

В отечественной монголистике одними из первых опубликованных работ являются «Лекции по истории монгольской литературы» А. М. Позднеева [Лекции 1908]. Далее этот вопрос освещался в работе Б. Я. Владимирцова «Монгольская литература» [Владимирцов 2003].

Непреодолимое значение имеет для изучения ойратской литературы «Очерк монгольской литературы» Б. Лауфера [Лауфер 1927]. Данная публикация ценна не только сведениями самого Б. Лауфера относительно калмыцкого фольклора и письменных памятников, но и данными, которые

приводит в предисловии к этому изданию Б. Я. Владимирцов [Владимирцов 1927]: издание на русском языке и первую публикацию книги Лауфера отделяли два десятилетия, за которые в свет вышло достаточно много изданий по монголистике, в том числе и по ойратоведению [Владимирцов 1927].

Г. И. Михайлов в своем монографическом исследовании «Литературное наследство монголов» упоминает ряд письменных источников из числа переведенных Зая-пандитой [Михайлов 1969: 92–93]. В этой работе мы находим интересную оценку творческой манеры Раднабхадры — автора намтара Зая-пандиты [Михайлов 1969: 130].

Труд под названием «Обзор монгольской литературы», составленный монгольскими литературоведами в 1950–70-е гг., продолжает оставаться востребованным исследованием, основанным на ценных источниках [Монголын уран зохиолын тойм II 1976]. Хотелось бы особо остановиться на 2-м томе (XVII–XVIII вв.), в котором ойратской литературе посвящен специальный раздел. В него вошли труды российского монголоведа Г. И. Михайлова и монгольских ученых Д. Цэрэнсоднома и У. Загдсүрэна. Г. И. Михайлов, в частности, отмечал, что «ойратская литература представляет собой значимое явление в истории монгольской литературы» [Монголын уран зохиолын тойм II 1976: 180]. Здесь же автор дал оценку исторической роли религиозного и политического деятеля Зая-пандиты Намкай Джамцо, с именем которого связано создание новой письменности («тод бичиг» или «тодорхой бичиг»), утверждение основ национального языка и зарождение ойратской литературы. Опираясь на сведения из биографии просветителя, автор отметил, что сочинение, созданное Раднабхадрой, можно с полной уверенностью расценивать как один из первых образцов ойратской литературы [Монголын уран зохиолын тойм II 1976: 182]. Помимо этого памятника, Г. И. Михайлов привел данные о целом ряде сочинений на «ясной письменности», таких как «История дербен-ойратов», «Биография Огооч Чансана», затронул вопросы истории происхождения легенд об Амурсане. Он также писал о таких широко известных буддийских сочинениях, переведенных Зая-пандитой, как «Улгэрийн далай» («Море притч»), «История

Бигармиджид хана», «Субхашида», «Капля нектара», «Намтар Молон-тойна», «История Чойджид-дагини», сургалы «Поучения попугая», «Тодорхой толь» («Ясное зеркало»), помимо этого, подробно остановился на образцах эпических сказаний («Джангар», «Хан Харангуй», «Гэсэр») и фольклора. Вывод, к которому пришел Г. И. Михайлов, сводился к следующему: «Ойратской литературе присущи все разновидности, жанры, свойственные для ранней средневековой общемонгольской литературы. <...> Ойратская литература за короткий исторический период сумела развиваться и обрести свои особенные черты» [Монголын уран зохиолын тойм II 1976: 200–201].

Вопросы возникновения ойратской литературы, зарождения собственно калмыцкой литературы рассмотрены калмыцкими учеными в коллективной монографии по истории калмыцкой литературы [Бадмаев 1981].

Ойратская литература опиралась на многовековые литературные традиции, общие для всех монгольских народов, это неминусом сказало на развитии поэтических форм книжной словесности. Именно в этой связи монгольский ученый Д. Цэрэнсодном рассматривал поэтическое творчество Зая-пандиты. Он писал о древней традиции, уходящей корнями в литературу Индии и Тибета, согласно которой сочинения принято было начинать и завершать стихотворными строфами [Цэрэнсодном 1976: 201]. Третья тема, рассмотренная в разделе ойратской литературы, была посвящена анализу песен «Джангара» [Загдсүрэн 1976]. Не менее значимыми для нас являются материалы других разделов, включенные в указанный том истории монгольской литературы, а также ряд самостоятельных работ Д. Цэрэнсоднома, Л. Хурэлбатора, Ч. Алтангэрэла, Д. Ёндона и других монгольских ученых, в той или иной степени затрагивающих ойратские письменные источники.

Поэтическое творчество Зая-пандиты, его переводческая техника, мастерство переводчика средневековых стихов было и продолжает оставаться предметом исследования ойратоведов. Эти вопросы нашли освещение, прежде всего, в трудах монгольских ученых [Цэрэнсодном 1982, 1987, 1997; Хүрэлбаатар 1995: 52–60].

Некоторые аспекты сопоставительного исследования стихотворных переводов,

выполненных Зая-пандитой и другими переводчиками из числа его современников (Ширээт-гуши-цорджи) и более поздних авторов (Тугмюд-гавджи), были рассмотрены автором данной статьи [Музраева 2010: 157–160].

Дополнением к сказанному о месте, которое занимает ойратская литература в истории литературы монголов, могут послужить материалы по ойратской литературе из «Литературной энциклопедии», составленные Н. Н. Поппе [Поппе 1934], а также материалы по монгольской литературе, составленные А. Г. Сазыкиным для «Истории всемирной литературы» [Сазыкин 1987; Сазыкин 1988б].

В сборнике очерков «Монгольская литература. Очерки истории XIII–первой половины XX в.» (1997), представляющих собой результаты изучения различных периодов и отдельных образцов монгольской литературы, сведения по ойратской литературе не выделены специально [Монгольская литература 1997]. В этом издании мы можем почерпнуть лишь отрывочные сведения по некоторым источникам, к примеру, по тем, которые упоминаются в статье А. Г. Сазыкина. Одной из версий памятника «История Чойджид-дагини», о которых упоминает известный монголовед, является перевод Зая-пандиты [Сазыкин 1997а: 218, 307]. Он также пишет о переводе «Повести о Молон-тойне», выполненном ойратским просветителем [Сазыкин 1997а: 211]. В указанный сборник вошла статья А. Д. Цендиной, посвященная монгольской новеллистике XVII–XIX вв., в которой приводятся сведения о сочинении «Книга сына» в переводе ойратского Зая-пандиты [Цендина 1997: 188].

Одним из заметных событий в восточноведных исследованиях прошлого десятилетия стал выход работы известного монголоведа Л. К. Герасимович «Монгольская литература XIII–начала XX вв.» [Герасимович 2006]. В этой работе рассматривались, в основном, материалы на монгольском языке. Тем не менее, в ней дважды упоминается имя Зая-пандиты Намкай Джамцо: в первый раз в связи с анализом монгольских переводов религиозно-философской поэмы Шантидевы «Бодхичарьяаватара», переведенной Зая-пандитой во 2-й половине XVII в. [Герасимович 2006: 91]. Второе упоминание о творчестве ойратского Зая-пандиты связано с историей изуче-

ния версий Гэсэриады. Л. К. Герасимович приводит сведения о том, что рукописная версия Зая-пандиты, состоящая из 19 глав, записанная кистью, была обнаружена в 1930-х гг. [Герасимович 2006: 144].

О неослабном интересе к письменному наследию ойратов свидетельствуют публикации переводов ойратских текстов. Это научное направление связано с именами таких классиков отечественной монголистики и тибетологии, как И. Я. Шмидт, К. Ф. Голстунский, О. М. Ковалевский, А. В. Попов, А. М. Позднеев и др.

А. М. Позднеев выступал редактором изданий текстов на ойратском «ясном письме» и некоторых их переводов. Хорошо известно о сотрудничестве ученого с калмыцкими ламами, результатом которого явились публикации калмыцких сказок [Калмыцкие народные сказки 1886; Калмыцкие народные сказки 1892], ойратского текста «Прибежища», подготовленного Д. Сетеновым [Руководство 1914], описания путешествия в Тибет калмыцкого ламы База-бакши [Сказание о хождении 1897], хрестоматий, ряда учебных изданий по буддизму [Шастина 2003] и др.

Ряд работ посвящен решению вопроса о периодизации переводческой деятельности Зая-пандиты. Так, А. Г. Сазыкин выделял в составе переводной буддийской литературы на «заяпандитовском письме» три группы письменных памятников, отличающихся от всего массива текстов по своим источникам и характеру заимствования [Сазыкин 1977: 134–140; Сазыкин 1988а: 448–449]. К первой группе он относил ойратские переложения со старомонгольской графики. Во вторую группу исследователь включал переводы Зая-пандиты Намкай Джамцо, его учеников и последователей. В большинстве своем эти переводы были и раньше известны монголам. Однако новые ойратские переводы и в особенности переводы самого Зая-пандиты существенно отличались от прежних переводов своей характерной терминологией и чрезмерным буквальным следованием тибетскому оригиналу (иногда во вред литературным достоинствам перевода) [Сазыкин 1988а: 449]. Третью группу памятников составляли, по мнению А. Г. Сазыкина, переводы тибетских сочинений или некоторых версий сочинений, отличных от тех, которые были когда-либо использованы монгольскими переводчиками (например, «Рамаяна») [Дамдинсүрэн 1979].

Продолжая тему, указанную выше, необходимо дать обзор современных публикаций письменных источников, переведенных Зая-пандитой. А. Г. Сазыкин проделал большую работу по введению в научный оборот новых монгольских источников, их версий (вариантов и списков) на ойратском языке. Среди таких памятников можно назвать «Историю Чойджид-дагини» [Сазыкин 1997а], «Ойратскую версию рассказов о пользе „Ваджрачхедики“» [Сазыкин 1997б], «Ойратскую версию „Манджушри нама сангити“» [Сазыкин 2003б].

Значительный вклад в изучение ойратских текстов, их введение в культуру современности внесен Н. С. Яхонтовой, автором таких работ, как монография «Ойратский литературный язык XVII века» [Яхонтова 1996], перевод «Истории о Молон-тойне» [Ойратская версия 1999], комментированный перевод, публикация «Ойратского словаря поэтических выражения» [Ойратский словарь 2010] и др.

Одним из изданий, в которых можно почерпнуть ценные сведения по рассматриваемым нами вопросам, является «Mongolica». На страницах журнала получают освещение последние разработки российских и зарубежных монголоведов и ойратоведов по интересующей нас тематике, публикуются новые данные о письменных источниках на монгольском и ойратском языках [Цендина 1998, 2001; Успенский 2001; Футаки 2001: 35–36; Успенский 2003; Кульганек 2003; Сазыкин 2003б; Успенский 2007: 85–86; Кульганек, Попова, Путинцева 2008: 32–33].

Большая работа по сохранению письменного наследия ойратов и калмыков на «ясном письме» предпринята монгольскими учеными в серии «Bibliotheca Oiratica» (вышло более 20 выпусков). В них опубликованы образцы текстов по истории, культуре ойратов и калмыков, эпосу «Джангар», творчеству Зая-пандиты и т. п.

Особо следует сказать о научных мероприятиях, посвященных юбилеям «ясного письма» и его создателя. Одно из них — научная сессия, посвященная 320-й годовщине создания старокалмыцкой письменности, проходившая в сентябре 1968 г. в Элисте, материалы которой содержат доклады и выступления отечественных и зарубежных ученых (Б. К. Пашкова, И. К. Илишкина, И. Я. Златкина, Д. А. Павлова, А. В. Бадмаева,

Г. И. Михайлова, Х. Лувсанбалдана, С. Лувсанвандана и др.) [320 лет старокалмыцкой письменности 1970]. Среди других знаковых событий можно назвать научные конференции в Элисте, посвященные юбилейным датам Зая-пандиты (Элиста, 1999 г.; Элиста, 2004 г.) [Международный симпозиум 1999; Буддийское духовенство 2004], Международную конференцию «Ойратология: сегодня и завтра», организованную Ховдским государственным университетом (г. Ховд, Монголия, 2010 г.) [Ойрад судлал 2011] и др.

Таким образом, резюмируя сказанное выше, можно заключить, что вклад отечественных исследователей в мировое ойратоведение значителен, наблюдается заметный всплеск в этой области в Монголии, Китае, Японии и других странах. Эта работа может расцениваться не только как введение в научный оборот и исследование новых неизвестных ойратских текстов, расширение источниковедческой базы ойратоведческих исследований, но и как активные действия в целях сохранения богатого литературного наследия на ойратской письменности.

Литература

- Артыкбаев Ж. О. Некоторые дополнения к комментариям текста «Биографии Зая-пандиты» (письмо к научному редактору) // Монголоведение. № 1. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 89–96.
- Бадмаев А. В. Зая-Пандита (списки калмыцкой рукописи «Биографии Зая-Пандиты»). Элиста, 1968. 77 с.
- Бадмаев А. В. Возникновение ойратской литературы // История калмыцкой литературы: в 2 т. Т. I. Дооктябрьский период. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. С. 200–226.
- Буддийское духовенство и культура калмыцкого народа // Материалы Междунар. научн. конф., посвящен. 405-летию со дня рождения выдающ. просветителя Зая-пандиты Намкай Джамцо (г. Элиста, 20–21 октября 2004 г.). Элиста: АПП «Джангар», 2004. 176 с.
- Владимирцов Б. Я. Монгольская литература // Работы по литературе монгольских народов / Б. Я. Владимирцов; Редкол.: В. М. Алпатов (пред.) и др.; Сост. Г. И. Слесарчук, А. Д. Цендина. М.: Вост. лит., 2003. 608 с. С. 58–76.
- Владимирцов Б. Я. Предисловие к: Лауфер Б. Очерк монгольской литературы. Пер.

- В. А. Казакевича, под ред. и с предисл. Б. Я. Владимирцова. Л.: Изд. Ленинград. Вост. ин-та, 1927. С. I–XXI.
- Герасимович Л. К. Монгольская литература XIII – начала XX в. (материалы к лекциям). Элиста: НПП «Джангар», 2006. 362 с.
- Дамдинсүрэн Ц. «Рамаяна» в Монголии. Изд. текстов, пер., исслед. Ц. Дамдинсүрэна. М.: Наука, ГРВЛ, 1979. 246 с.
- Загдсүрэн У. Жангарын туульс // Монголын уран зохиолын тойм. II дэвтэр. (XVII–XVIII зууны үе). Ред. Ц. Дамдинсүрэн, Д. Цэнд. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1976. X. 205–236.
- Калмыцкие народные сказки / В подлинном калмыцком тексте издал А. Позднеев. СПб., 1886 [литогр.]. 95 с.
- Калмыцкие народные сказки, собранные в калмыцких степях Астраханской губернии и в подлинном калмыцком тексте изданные А. М. Позднеевым. I. СПб., 1892. 150 с.
- Кульганек И. В. Фонд А. М. Позднеева в Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН // *Mongolica*–VI: Сб. ст. СПб.: Петербург. Востоковед., 2003. С. 19–23.
- Кульганек И. В., Попова И. В., Путинцева Н. Д. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН // *Mongolica*–VIII: Сб. ст. СПб.: Петербург. Востоковед., 2008. С. 31–33.
- Лауфер Б. Очерк монгольской литературы. Пер. В. А. Казакевича, под ред. и с предисл. Б. Я. Владимирцова. Л.: Изд. Ленинград. Вост. ин-та, 1927. 95 с.
- Лекции по истории монгольской литературы, читанные ординарным профессором Императорского С.-Петербургского университета А. М. Позднеевым в 1897/98 акад. году. Т. III / Записаны и изданы бывшими студентами Факультета восточных языков Имп. С.-Петербургского университета Г. В. Подставиним и Г. Ц. Цыбиковым. Владивосток: Типо-литогр. при Вост. ин-те, 1908. 200 с.
- Лувсанбалдан Х. Ойрадын Зая Бандидын орчуулгын тухай мэдээ // Хэл зохиол судлал. 1968. Т. VI. Fasc. 6. X. 88–162.
- Лувсанбалдан Х. Тод монгол барын номын тухай. Тод үсэг зохиогдсоны 320 жилийн ойд зориулсан эрдэм шинжилгээний бага хуралд тавьсан илтгэл. 1968.06.27. Улаанбаатар. Нийтийн номын сангийн танхим.
- Лувсанбалдан Х. Тод үсэг, түүний дурсгалууд. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх үйлдвэр, 1975. 356 х.
- Лувсанбалдан Х. Сведения о переводах ойратского Зая-пандиты / пер. с монг. Э. У. Омакаевой // Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста: КНИИ ИФЭ, 1986. С. 44–56.
- Международный симпозиум, посв. 400-летию со дня рожд. основателя ойратской письменности «тодо бичиг» («ясное письмо») Зая-пандиты и 390-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России. Ч. 1. Науч. конф. «Актуальные проблемы алтаистики и монголоведения (язык и литература)» (14–18 сентября 1999 г., г. Элиста). Элиста: КИГИ РАН, 1999. 142 с.
- Михайлов Г. И. Литературное наследство монголов. М.: Наука, ГРВЛ, 1969. 175 с.
- Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-хун-гайджия и законы, составленные для волжских калмыков при Калмыцком хане Дондук Даши. СПб.: Тип. Импер. акад. наук, 1880. 143 с.
- Монголын уран зохиолын тойм. II дэвтэр (XVII–XVIII зууны үе). Ред. Ц. Дамдинсүрэн, Д. Цэнд. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1976. 672 х.
- Монгольская литература. Очерки истории XIII–первой половины XX в. Сб. ст. / сост. и отв. ред. К. Н. Яцковская. М.: ИВ РАН, 1997. 324 с.
- Музраева Д. Н. О составе и содержании переводов Зая-Пандиты Намкайдзамцо (1599–1662) с тибетского языка // Междунар. симпозиум, посв. 400-летию со дня рожд. основателя ойратской письменности «тодо бичиг» («ясное письмо») Зая-пандиты и 390-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России. Ч. 1. Науч. конф. «Актуальные проблемы алтаистики и монголоведения (язык и литература)» (14–18 сентября 1999 г., г. Элиста). Элиста: КИГИ РАН, 1999. С. 75–77.
- Музраева Д. Н. Ойратский перевод «Сутры о мудрости и глупости» (*'Dzangs blun mdo*), выполненный калмыцким буддийским священнослужителем Тугмюд-гавджи (1887–1980) / *Altaica et Tibetica. Anniversary Volume dedicated to Stanisław Godziński on His Seventieth Birthday* // *Rocznik Orientalistyczny*; Faculty of Oriental Studies. University of Warsaw. T. LXIII. Z. 1. Warszawa: Dom Wydawniczy ELIPSA, 2010. P. 150–161.
- Норбо Ш. Зая-Пандита (Материалы к биографии). Пер. со старописьменного монгольского Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой,

- В. П. Санчирова / науч. ред. В. П. Сачиров; КИГИ РАН. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.
- Ойрад* судлал: Өнөө ба ирээдүй (Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын илтгэлүүдийн эмхтгэл). Эрх. Б. Бямбадорж. Ред. Б. Нямдорж, Д. Өрнөхдэлгэр. Улаанбаатар: «Соёмбо принтинг» хэвлэлийн компани. 2011. 410 тал.
- Ойратский* словарь поэтических выражений. Факсимиле рукописи, транслитер., введ., пер. с ойрат., сл. с коммент., прилож. Н. С. Яхонтовой; ИВР РАН. М.: Вост. лит., 2010. 615 с.
- Ойратская* версия «Истории о Молон-тойне». Факсимиле рукописи. Изд. текста, введ., пер. с ойрат., транслитер., коммент. и прилож. Н. С. Яхонтовой. СПб.: Петербург. Востоковед., 1999. 200 с.
- Орлова К. В.* Описание монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся в фондах Калмыкии // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 5. М.: Ин-т востоковед. РАН, КИГИ РАН, 2002. 85 с.
- Поппе Н. Н.* Ойратская литература. [Электронный ресурс] // URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le7/le7-4462.htm> (дата обращения: 30.01.2012).
- Руководство* к познанию ламайского вероучения. С тибетского на калмыцкий язык перевел Дордже Сетенов, старший бакша хурулов Больше-Дербетовского улуса ставропольских калмыков. Петроград: Тип.Импер. Акад. наук, 1914. 111 с.
- Сазыкин А. Г.* О периодизации переводческой деятельности ойратского Зая-Пандиты // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII. Ч. 1. М., 1977. С. 134–140.
- Сазыкин А. Г.* Монгольская литература [XVII в.] // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983–1994. На титл. л. изд.: История всемирной литературы: в 9 т. Т. 4. 1987. С. 546–549. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.feb-web.ru/feb/ivl/vl4/vl4-5462.htm> (дата обращения: 26.07.2011).
- Сазыкин А. Г.* Рукописная книга в истории культуры монгольских народов // Рукописная книга в культуре народов Востока (очерки). Кн. 2. М., 1988. С. 423–464.
- Сазыкин А. Г.* Монгольская литература [XVIII в.] // История всемирной литературы: в 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983–1994. На титл. л. изд.: История всемирной литературы: в 9 т. Т. 5. 1988. С. 635–641. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.feb-web.ru/feb/ivl/vl5/vl5-6352.htm> (дата обращения: 26.07.2011).
- Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. Т. I. М.: Наука. ГРВЛ, 1988. 507 с.
- Сазыкин А. Г.* «История Чойджид-дагини» и ее монгольские переводы // Монгольская литература. Очерки истории XIII–первой половины XX в. Сб. ст. / сост. К. Н. Яцковская. М.: ИВ РАН, 1997. С. 209–228.
- Сазыкин А. Г.* Ойратская версия рассказов о пользе «Ваджрачхевики» // Петербург. Востоковед. Вып. 9. СПб., 1997. С. 139–160.
- Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения РАН. Т. II. М.: Издат. фирма «Восточная литература», 2001. 415 с.
- Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения РАН. Т. III. М.: Вост. лит., 2003. 280 с.
- Сазыкин А. Г.* Ойратская версия «Манджушри нама сангити» // Mongolica–VI. СПб.: Петербург. Востоковед., 2003. С. 73–81.
- Самбуудорж О.* Хэл зохиолын хүрээлэнгийн тод үсгийн номын бүртгэл (Сан тахилгын судар). Улаанбаатар: Ном хэвлэлийн Т&У компани, 1997. 107 с.
- Сказание* о хождении в Тибетскую страну мало-дэрбэтского База Бакши / Калмыцкий текст с переводом и примечаниями, составленными А. Позднеевым, ординарным профессором Императорского С.-Петербургского университета, почетным членом Королевского Нидерландского географического общества в Амстердаме. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1897. 125 с.
- 320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. Элиста: КНИИ ЯЛИ, 1970. 234 с.
- Успенский В. Л.* Ойратские рукописи, поступившие в Санкт-Петербургский университет от К. Ф. Голстунского // Mongolica–V: Сб. ст. СПб.: Петербург. Востоковед., 2001. С. 18–20.
- Успенский В. Л.* Монгольские, ойратские и тибетские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. М. Позднеева // Mongolica–VI. СПб.: Петербург. Востоковед., 2003. С. 19–23.
- Успенский В. Л.* Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. В. Попова // Mongolica–VII: Сб. ст. СПб.: Петербург. Востоковед., 2007. 144 с. С. 83–86.

- Футаки Х. Классификация текстов о Белом старце / пер. с англ. М. П. Петровой // *Mongolica-V*: Сб. ст. СПб.: Петербург. Востоковед., 2001. С. 33–37.
- Хүрэлбаатар Л. Монгол орчуулгын товчоон (Сонгодог орчуулгын зарчим, уран чадварын асуудалд). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1995. 159 х.
- Цендина А. Д. Монгольская новеллистика XVII–XIX вв. и индо-тибетские традиции // Монгольская литература. Очерки истории XIII–первой половины XX в. Сб. ст. / сост. К. Н. Яцковская. М.: ИВ РАН, 1997. С. 117–208.
- Цендина А. Д. Несколько слов о научной деятельности Ц. Дамдинсүрэна // *Mongolica-IV*: Сб. ст. СПб.: Петербург. Востоковед., 1998. С. 7–10.
- Цендина А. Д. Два монгольских перевода тибетского сочинения «Книга сына» // *Mongolica-V*: сб. ст. СПб.: Петербург. Востоковед., 2001. С. 54–74.
- Цэрэнсодном Д. Намхайжамцын шүлгийн тухай // Монголын уран зохиолын тойм. II дэвтэр. (XVII–XVIII зууны үе). Ред. Ц. Дамдинсүрэн, Д. Цэнд. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1976. Х. 201–205.
- Цэрэнсодном Д. Зая Бандидын шүлгийн тухай // *Studia Mongolica*. Т. VIII. Fasc. 3. 1982.
- Цэрэнсодном Д. Монгол уран зохиол (XIII–XX зууны эхэн). Улаанбаатар: БНМАУ-ын ардын Боловсролын Яамны Сурах бичиг, сэтгүүлийн нэгдсэн редакцийн газар, 1987. 439 х.
- Цэрэнсодном Д. Монголын бурханы шашны уран зохиол. Улаанбаатар: T&U printing, 1997. 404 х.
- Чуматов В. О. Старописьменные памятники КНИИ ИФЭ // Монголоведные исследования. Элиста, 1983. С. 116–131.
- Шастина Н. П. А. М. Позднеев (Подготовка к печати, примечания А. Г. Сазыкина) // *Mongolica-VI*. СПб., 2003. С. 7–18.
- Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII века. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1996. 152 с.
- Яхонтова Н. С. Ключ разума (ойратский текст) // *Mongolica-V*: сб. ст. СПб.: Петербург. Востоковед., 2001. С. 38–53.
- Biography of Čaya Pandita in Oirat Characters* (Rabjamba Čay-a bandida-yin tuγuji saran-u gerel kemekü ene metü bolai). Redigit acad. prof. Dr. Rinchen // *Corpus Scriptorum Mongolorum*. Т. V. Fasc. 2–3. Ulanbator: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1967. 101 х.
- Čaya bandida. Radnabhadra jokiyaba. Š. Norbotulyan qaričayulju tayilburilaba. Öber Mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a [Kökeqota] 1990. 335 p.
- Damdinsürüng Če*. Mongγol uran jokiyal-un degeji jaγun bilig orušibai // *Corpus Scriptorum Mongolorum*. Т. XIV. Ulaγanbayatur: Изд-во АН и Комитета по высшему образованию МНР, 599 х.
- Gerelmaa G.* Brief Catalogue of Oirat Manuscripts kept by Institute of Language and Literature. Vol. III. by G. Gerelmaa. Ulaanbaatar: Соёмбо принтинг. 2005. 270 p.
- Halcovic St. A.* A Comparative Analysis of Zaya Pandita's Bibliography of Translations by St. A. Halcovic. Submitted to the faculty of the Graduate School in partial fulfillment of the requirements for the degree Master of Arts in the Department of Uralic and Altaic Studies. Indiana University. Bloomington, 1972. 75 p.
- Krueger J. R.* Catalogue of the Laufer Mongolian Collections in Chicago by J. R. Krueger [Reprinted from Journal of the American Oriental Society. Vol. 86, Number 2, April–June, 1966. P. 156–183].
- Radnabhadra.* Rabjamba Zay-a bandida-yin tuγuji saran-u gerel kemekü ene metü bolai. Redigit Prof. Dr. Rinchen. Ulanbator, 1959.
- Uspensky V. L.* Some Rare Oirat Manuscripts in the Collection of the St. Petersburg University Library // *Aspects of Buddhism*. Liw, Poland, June 25, 1994. P. 195–202 [Отд. отт.].
- Uspensky V. L.* Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Compiled by V. L. Uspensky. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA). (University of Tokyo Press Production Centre). 2001. 529 p.

УДК 82.0
ББК 83:3

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ ЗАБЫТЫХ ИМЕН: БОРИС ЛАЗАРЕВСКИЙ И «ЧЕХОВСКАЯ ШКОЛА»*

А. А. Фокин, Н. М. Малахова

Имя Бориса Александровича Лазаревского (1871–1936) — писателя-лирика, яркого представителя «чеховской школы», эмигранта первой волны — долгие годы находилось в забвении. Да и сегодня интерес к нему историков литературы связан с «открытием» дневников писателя, которые стали новым достоверным источником биографических фактов и свидетельств о жизни и творчестве Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, И. А. Бунина, А. И. Куприна, И. Д. Сургучева и других писателей [Шумихин 2001; Михайлова 2006]. По мнению некоторых ученых, эта, еще не опубликованная, часть наследия Б. Лазаревского является едва ли не самым значительным из всего того, что создано им за большую творческую жизнь.

В настоящее время в разных архивах хранится около 60 тетрадей-дневников писателя [см., напр.: РГАЛИ. Ф. 278. 81 ед. хр. (1901–1919); ПД. Ф. 145. 59 ед. хр. (1905–1917); РНБ. Ф. 418. 9 пер. (1889–1913)], в которых он подчас весьма скрупулезно описывал те или иные события, встречи и беседы с артистами, художниками, друзьями по писательскому цеху, подкрепляя записи вклейками адресованных ему писем и открыток, рисунков, автографов, фотографий современников, пригласительных билетов, программ спектаклей, концертов и выставок, а также вырезками из газет и журналов, — в общем, всем, что касалось его собственной жизни и тех людей, с которыми сводила судьба. Но уже то, что интерес к Б. А. Лазаревскому, пусть пока косвенно, через его свидетельства о более «именитых» коллегах по перу, с каждым годом возрастает, позволяет надеяться на внимательное и благожелательное отношение специалистов и к его литературно-художественному наследию. А ведь оно, без преувеличения, огромно. Начав публиковаться в 1894 г., Б. А. Лазаревский еще до 1917 г. успел выпустить 7-томное собрание своих

сочинений и 9 книг рассказов. Его произведения печатались в «Журнале для всех», «Ниве», «Русском богатстве» и других литературных изданиях дореволюционной России. После 1920 г. он опубликовал еще 5 томов сочинений, сотрудничал во многих эмигрантских газетах и журналах. Высокую оценку отдельных его произведений, написанных в эмиграции, дал И. А. Бунин, причем, по предположению некоторых исследователей, бунинский рассказ «В Париже» навеян биографическими фактами эмигрантской жизни Б. А. Лазаревского, обстоятельствами смерти писателя [Михайлова 2006: 123].

Однако, каковы бы ни были оценки творчества писателя в будущем, когда его произведения вернутся к российскому читателю, одной, и, скорее всего, самой важной, не избежать наверняка: «лирик чеховской школы». Применение этой формулы объясняется и биографическими фактами, и самим характером творчества писателя. В ней (формуле) заложены и вполне конкретное место Лазаревского в писательской «табели о рангах» (иногда такой подход применяется к литературному процессу, стоит вспомнить понятия «золотой век», «серебряный век» или ставшее расхожим деление художников слова на писателей «первого ряда» и писателей «второго ряда»), и литературная традиция, определяемая не просто именем А. П. Чехова, а именно его школой, поскольку творческие отношения, личные и эпистолярные контакты Чехова и Лазаревского (соответственно писателя «золотого века» и писателя «серебряного века») иначе как настоящей литературной школой назвать нельзя.

Поводом к знакомству (сначала заочному, а потом и очному) известного на всю Россию писателя-драматурга и молодого, но весьма успешного юриста (недавно окончившего Киевский университет), склонного к

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Государственный контракт № 16.740.11.0116 от 02.09.2010 г.

сочинительству, стал рассказ Б. А. Лазаревского, напечатанный в одном из номеров газеты «Крымский курьер» за 1899 г. Рассказ о беглом матросе попался на глаза А. П. Чехову, проживавшему тогда в Ялте, понравился ему, и он написал его автору теплое письмо. С детства Борис Лазаревский зачитывался его произведениями и мечтал с ним познакомиться. Поэтому полученное письмо было истолковано не только как доброжелательная оценка рассказа, но и как дружеский жест, приглашение к знакомству.

Вскоре судьбоносная встреча состоялась. Воспоминаниями о ней пронизан очерк Б. А. Лазаревского «А. П. Чехов», написанный для журнала «Русская мысль» в 1906 г. в память о великом писателе. В нем он рассказывает, как в сентябре 1899 г. в севастопольской газете «Крымский вестник» была напечатана ругательная рецензия на только что изданный им сборник «Забывшие люди», автор решил спросить мнения Чехова, послав ему с письмом эту книгу, а через несколько дней отправился к нему сам. Он ждал сухого приема и наставительного тона «большого» писателя, очень волновался. Но Антон Павлович успокоил гостя: «Мало ли какой чепухи о нас не пишут!» [Лазаревский 1986: 567]. Эта фраза вдохновила начинающего писателя.

А. П. Чехов регулярно читал литературную продукцию Бориса Лазаревского, давал ему советы, наставления. В нем он, возможно, видел интересный тип человека: писатель и прокурор в одном лице. Лазаревский же очень дорожил всегда объективным мнением своего учителя и считал, что искренность писателя-художника и его талант — это почти одно и то же: «У Чехова не было „богов“ в литературном мире. Анализируя всякую человеческую личность, он всегда делал спокойный, замечательно правдивый вывод... Я уверен, — размышлял далее Лазаревский, — что если бы, например, и Л. Н. Толстой сделал худой поступок, то Чехов бы сказал: „Да, это дурно“. И если бы последний негодяй сделал хорошее, то Чехов сказал бы: „Да, он поступил хорошо...» [Лазаревский 1986: 574].

В силу своих профессиональных навыков прокурора и следователя, Б. А. Лазаревский обладал острой наблюдательностью, которая и в творчестве порой одерживала верх над фантазией. И как раз благодаря манере детально записывать все встречи с А. П. Чеховым, в его дневниках и очерках

запечатлен поистине живой образ писателя: мелкие морщины вокруг «серьезных и добрых глаз», «щурился и казалось иногда, что он относится безучастно к его словам», «на высоком лбу его кожа чуть двигалась, а над носом ложились две глубокие вертикальных морщины», говорил «глухим баском», когда волновался, то «ноздри его чуть расширялись» [Лазаревский 1986: 572–580]. За пять лет знакомства Б. Лазаревский выделил основные качества Чехова: исключительную наблюдательность и терпение, жалость ко всему страдающему, подчеркивал, что спорил очень мягко, к сознательному злу относился с брезгливостью, на умственное убожество никогда не сердился, ценил людей по силе их любви к ближнему: «Сам необыкновенно одаренный, Антон Павлович чутко реагировал не только на настоящее, но и на будущее русского общества. Он понимал, что подходит время, когда у людей не хватит больше сил жить так, как они жили до сих пор...» [Лазаревский 1986: 583].

После долгих бесед с Чеховым Лазаревский запечатлевал в своих записях не только все его слова, но и жесты, тон, выражение лица, т. е. все психологические нюансы личности любимого писателя, которого в полном смысле боготворил, которому даже подражал, находя самые неожиданные точки соприкосновения. В итоге у него выработалось глубоко личное, интимное восприятие личности Чехова. Казалось, что и на мир он смотрел чеховскими глазами. Может, поэтому литературное дарование Б. А. Лазаревского обычно оценивалось критиками, видевшими в нем лишь чеховского подражателя, не очень высоко. Многие видели в нем молодого современного беллетриста, хоть и недостаточно сильного и оригинального для того, чтобы быть самим собой, но уже достаточно талантливом для того, чтобы подражать хорошему оригиналу — Чехову. В автобиографии Б. А. Лазаревский говорит, что дело не в подражательстве, не в типах, мотивах, сюжетах, а в том, как это преподносится, подтверждая это воспоминаниями о первом своем рассказе: «Темой для „Последней услуги“ послужил рассказ доктора, у которого я жил на квартире. Ему пришлось свидетельствовать безнадежно больного, семейного офицера. Нужно было убедить этого офицера подать в отставку по болезни, потому что тогда пенсия была бы гораздо больше, чем после смерти на служ-

бе. Словом, нужно было дать понять человеку, что дни его сочтены. Доктору пришлось выполнить очень нелегкую задачу, после чего он сам разволновался и запил. Я ухватился за эту тему. Сделал ее скверно, не художественно, но редакции рассказ пришелся по вкусу. И, таким образом, состоялся мой дебют... Значительно позже я прочел рассказ Чехова „Учитель“, написанный на почти аналогичную тему, и тогда понял, что дело не в сюжете, а в том, как этот сюжет разработать...» [Фидлер 1906: 8].

А. П. Чехов для Бориса Лазаревского был «художником без ретуши», который воспроизводит жизнь столь же реально, как сама природа. Именно этому он учился у него, и успехи молодого писателя неизменно отмечались учителем.

Так, в письме от 28 июля 1903 г. А. П. Чехов писал Б. А. Лазаревскому:

«Дорогой Борис Александрович, „Повести и рассказы“ получил, большое Вам спасибо за книгу. Я прочел ее всю и могу теперь сказать, что Вы сделали громадный шаг вперед и что Вы молодец. Рассказы однотонные, трудно сказать, какой из них лучше, но если долго выбирать, как выбирают, например, папу (римского), то я остановился бы на „Докторе“. Книга издана хорошо. Язык местами изыскан... <...> Книгу прочел я с удовольствием. Желаю Вам всего хорошего, крепко жму руку и еще раз благодарю» [Чехов 1982: 237].

Отзывы о других произведениях также вдохновляли Лазаревского: «Машинист» — «Это лучшее, что вы до сих пор написали». О рассказе «Силенка»: «Если бы я был редактором „Жизни“ я бы всегда принял этот рассказ» [Литературное наследство 1977: 326]. Чехов хвалил Лазаревского за то, что люди в его рассказах разговаривают так, как это бывает на самом деле, и советовал ему писать пьесы.

Более 15 рассказов Бориса Лазаревского посвящены Антону Павловичу Чехову. И они безоговорочно могут быть квалифицированы как «уроки» „чеховской школы“. В фондах РГАЛИ и РГБ хранится около 100 писем Лазаревского к Чехову, его пространственные дневниковые записи бесед с ним, в достоверности передачи которых нет никаких сомнений. «Жемчужина» коллекции — 14 сохранившихся ответных писем А. П. Чехова [Чехов 1982]. Уже только это позволяет говорить о Лазаревском как об ученике Чехова.

В существовании реальной «чеховской школы», как и всякой другой, легко усомниться, ведь все-таки речь идет о писательстве, которое по определению подразумевает творческую самобытность. Так, эти сомнения жирным клеймом «чеховского эпигона» «отпечатывались» критиками на многих произведениях Б. А. Лазаревского, особенно дореволюционного периода его творчества. Но кого только не объявляла критика первых двух десятилетий XX в. эпигonom Чехова, захлебываясь в противоборстве реализма, импрессионизма, символизма и других стилевых тенденций русской литературы этого периода: и Максима Горького, и Ивана Бунина, и Леонида Андреева, и Бориса Зайцева, и Илью Сургучева, и многих других, чьи имена и по сей день сопрягаются в исследовательских опусах с «чеховской школой». Сегодня, когда в литературоведении наконец-то возобладало понятие «диффузность течений» [Егорова 2004: 103—106], аутентично определяющее литературный процесс рубежа XIX—XX вв., пристрастные ярлыки критиков стираются всепобеждающим словом «традиция». Торжество этой победы должно быть спроецировано и на творчество Б. А. Лазаревского. Традиция? — Безусловно. Традиция, прошедшая через «школу» влияний и подражаний, но ни в коей мере не эпигонства. В противном случае, трудно объяснить доброе, учительское участие А. П. Чехова в писательской судьбе Бориса Лазаревского.

Источники

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (ПД)
Российская национальная библиотека (РНБ)
Российская государственная библиотека (РГБ)

Литература

Егорова Л. П. и др. История русской литературы XX века: Первая половина: в 2 кн. Кн. 1: Общие вопросы / под ред. проф. Егоровой Л. П. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. 318 с.
Лазаревский Б. А. А. П. Чехов // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Худ. лит., 1986. С. 567—583.
Литературное наследство. Т. 87: Из истории русской литературы и общественной мысли. 1860—1890 гг. / Институт мировой литерату-

- ры им. А. М. Горького АН СССР; Ред.: В. Г. Базанов, Д. Д. Благой, В. Р. Щербина (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1977. 728 с.
- Михайлова М. В. «Милый барбарис»: Письма И. А. Бунина и А. И. Куприна в дневниках Б. А. Лазаревского / публ., подгот. текста, предисл. // Новый мир. 2006. № 5. С. 123–140.
- Фидлер Ф. Ф. Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. М., 1911. 268 с.
- Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 11. Письма, июль – декабрь 1903. М.: Наука, 1982.
- Шумихин С. Русская Прага, русская Ницца, русский Париж: Из дневника Бориса Лазаревского: (Тридцать три письма Михаила Арцыбашева, Ивана Бунина, Александра Куприна, Ильи Сургучева) / предисл., публ. и коммент. // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2001. Вып. 1. С. 645–714.

УДК 82.0
ББК 83:3

ПОЭТИКА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ РАННЕЙ ПРОЗЫ И. Д. СУРГУЧЕВА*

Ю. П. Маслова, А. А. Фокин

Творческое наследие Ильи Дмитриевича Сургучева (1881–1956) — одного из ярчайших представителей неореализма в русской литературе начала XX в. особенно активно осмысливается и анализируется с конца 1980-х гг. Вначале это были очерки о жизни и творчестве писателя, где вскользь затрагивались наиболее известные его пьесы, повесть, рассказы. В 2000-х гг. появились серьезные биографические исследования [Ильинская 2005; Фокин 2006], давшие толчок целой серии масштабных статей и публикаций [Сургучевские чтения 2006–2011], авторами которых стали ученые ведущих научных центров России и ближнего зарубежья. Отдельные исследования посвящены драматургии И. Д. Сургучева [Фокин 2008; Сергеева 2010 и др.], изобразительным средствам языка его произведений [Липатов 2011].

Обобщая изученное, заметим, что постепенно интерес ученых смещается в область поэтики самобытного автора и прежде всего его ранней прозы, а это совокупность рассказов и повестей, написанных в период с 1898 по 1920-й гг., что обусловлено целым рядом факторов.

Во-первых, художественные открытия И. Д. Сургучева имели большое значение

в становлении и развитии русского неореализма, проблематика и поэтика которого нуждается сегодня в системном, многоаспектном изучении, учитывающем как устоявшиеся, так и дискуссионные точки зрения на взаимодействие в русской литературе реалистических традиций и модернистских тенденций.

Во-вторых, характерной особенностью русской литературы конца XIX – начала XX в. — эпохи художественного эксперимента, поиска «корней», истоков мировоззрения, эстетики творчества — является интертекстуальность. В этот же период создается ряд литературоведческих концепций, во многом предвосхитивших теорию «чужого слова» М. М. Бахтина, транспонированную затем в теорию интертекстуальности. Возникает необходимость более глубокого обоснования роли интертекстуальности в литературно-эстетической системе конкретных писателей данного периода, среди которых многообразием стилевых поисков, своими подходами к интертекстуальности выделяется И. Д. Сургучев.

В-третьих, интертекстуальность представляется важнейшей доминантой, объединяющей составные части поэтики И. Д. Сургучева, необходимость изучения которой

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Государственный контракт № 16.740.11.0116 от 02.09.2010 г.

продиктована как пробелами в интертекстуальных исследованиях произведений русского неореализма, так и задачами адекватного прочтения ранней прозы писателя, в том числе жанровой структуры его произведений, что позволит в итоге выйти на новые рубежи постижения его творчества и обобщений о литературе начала XX в.

В-четвертых, перспективным видится исследование интертекстуальных слоев всех произведений И. Д. Сургучева и доэмигрантского и эмигрантского периодов, в том числе с точки зрения следования традициям русской и мировой литературы, т. к. это позволит в полной мере осознать масштаб его творчества, по достоинству оценить вклад развитие литературы.

Наконец, в-пятых, учение об интертекстуальности рассматривается сегодня как возможный и наиболее продуктивный раздел поэтики [Пьеге-Гро 2008]. Совокупность интертекстуальных элементов (точечных цитат, крылатых выражений, аллюзий, реминисценций) отдельного произведения, творчества писателя в целом отражают единый интертекст литературной эпохи, который обеспечивает динамику литературного процесса, стратегию изучения социокультурных и литературно-эстетических аспектов художественного творчества.

На сегодняшний день эмпирическую базу поэтики интертекстуальности И. Д. Сургучева составляют более 700 фрагментов текстов его произведений, смысловыми центрами которых являются около 650 интертекстов, в качестве наиболее частотных источников рассматриваются, прежде всего, священные книги православия, буддизма и ислама, произведения русской классической и мировой литературы: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. М. Горького, М. Метерлинка, Г. Ибсена и др. В рассказах и повестях писателя широко представлены точечные цитаты, крылатые выражения и фразы, восходящие к библейским текстам, русскому фольклору, высказываниям знаменитых философов, ученых, писателей; исторические и автобиографические реминисценции. Отбор интертекстов производился методом сплошной выборки и выверялся в соответствии со следующими источниками: 1) словарями крылатых единиц русского языка, крылатых выражений классиков русской литературы; 2) библейской симфонией; 3) литературоведческими

и лингвистическими наблюдениями над произведениями И. Д. Сургучева отечественных ученых; 4) автобиографическими и биографическими источниками; 5) собственными читательскими ассоциациями.

Анализ материала позволяет отметить, что интертекстуальный слой прозы И. Д. Сургучева 1898–1920 гг. неоднороден по составу и структуре. Выделим наиболее крупные типологические группы интертекстов: библейский текст (более 40%), городской («ставропольский») текст (более 70%), драматургический текст (около 60%), музыкальный текст (30%) автоинтертекстуальные (14%), интермедийные (более 20%).

Интертекстемы в ранней прозе И. Д. Сургучева выполняют текстообразующую, жанрообразующую и стилиобразующую функции. Они употребляются в сильных позициях текста: заглавиях, эпиграфах и других паратекстуальных образованиях; участвуют в формировании дополнительных смыслов произведения. Интертекстуальность проявляется на разных языковых уровнях и представлена всем спектром межтекстовых связей (ирония, языковая игра и др.).

Обширен интертекст рассказов писателя. Помимо интертекстуальных связей с произведениями классиков литературы, структурно-смысловое значение в ряде рассказов имеют музыкальные цитаты. Особо стоит отметить его любовь к романсам на стихи М. М. Хераскова, А. Н. Апухтина, Н. А. Некрасова, Н. М. Минского и других, на музыку русских композиторов. В рассказах упоминаются и цитируются произведения оперного, балетного, драматического искусства. В его текстах «звучат» оперы Н. А. Римского-Корсакова, П. И. Чайковского, М. И. Глинки, Д. Верди, Р. Леонкавалло, Р. Вагнера, Ш. Гуно, Л. Делиба, Д. Мейербера, А. Дворжака. Использует писатель не только «элитный» музыкальный репертуар, но также массовый — русские народные песни, частушки, припевки, элементы городского музыкального фольклора. Совокупность интертекстуальных элементов рассказов 1900-х и 1910-х гг. создает единую художественно-эстетическую систему образных средств его прозы.

Художественный мир И. Д. Сургучева, глубинные пласты его творчества, скрытые авторские интенции открываются за счет функционирования в них библейского тек-

ста, что является манифестацией творческой индивидуальности писателя, его мировоззренческих и творческих идеалов и ценностей, воплощением их в художественной практике. Подчеркнем трепетное отношение писателя к любому рода претекстам, что отражает особенности его взаимодействия с традицией, и позволяет вполне однозначно охарактеризовать его творческую индивидуальность.

Особое место в прозе И. Д. Сургучева занимает город-текст и городской интертекст. Они реализуются и как текстовые (и шире — знаковые) взаимодействия, когда в основе создания художественного произведения лежит исходный текст не только вербального, но и визуального характера, и как интермедийность (литература — музыка, литература — театр, литература — опера, литература — живопись, литература — архитектура). Ставрополь как город-текст, являясь доминантным интертекстом, обретает неповторимый облик и мифологический статус в пространстве произведений И. Д. Сургучева. В основу мифа кладется идея города как сакрального центра мира. Каждый рассказ, каждая повесть, каждая пьеса предстает герметичной моделью текстовой полифонии, интеллектуально насыщенной игрой разных текстов, нанизываемых на многократно варьируемые комбинации одних и тех же элементов городского интерьера, архитектурного текста, автобиографического интертекста и автоинтертекстуальности.

В качестве интертекста И. Д. Сургучев использует в своих произведениях различные жанровые модели, устоявшиеся в творчестве конкретных писателей, отдельные их структурно-композиционные находки, теоретические идеи современного ему литературоведения. Рассматривая интертекстуальное взаимодействие текстов как процесс, направленный на формирование жанра, подчеркнем, что жанровая принадлежность художественного произведения также определяет виды и формы интертекстуальных связей. Так, игровой «бытовизм», лицемерное, притворное поведение человека, характерные для новелл А. П. Чехова, на уровне интертекста, в том числе и жанрового, присутствуют сургучевским новеллам. Развивает в своем творчестве И. Д. Сургучев и «чеховский жанр» пасхального рассказа.

Анализ жанровой природы произведений И. Д. Сургучева, их сопоставление с

произведениями писателей-современников позволяют особо выделить его повести «Губернатор» и «Мельница» и представить их как уникальное с точки зрения типологии жанров явление для русской литературы начала XX века — *«пасхальную повесть»*.

В дневниках и публицистике И. Д. Сургучев неоднократно обращал внимание на то, что «народы Запада отлично празднуют Рождество и почти не замечают Пасхи». И задаваясь вопросом «Почему?», тут же на него отвечал: «Они материалистичны: в рождение верят, а в воскресение не особенно» [Сургучев 1958]. Высокий религиозно-нравственный смысл его *«пасхальных повестей»* полностью согласуется с идеями «пасхальности» и «соборности» как важными жанро- и сюжетообразующими факторами (тип основной сюжетной ситуации, обращенность к житийной традиции, притчевая основа), а также благодаря включению в их текст библейского интертекста. Повести «Губернатор» и «Мельница» — свидетельство актуализации в русской неореалистической прозе пасхального архетипа, *«православного кода»* [Есаулов 2004], который эксплицируется при конкретном интертекстуальном анализе и позволяет по-новому осмыслить многие вершинные произведения русских писателей XX в.

Ранняя проза И. Д. Сургучева позволяет разработать и опробовать инструментарий, который, при условии его дальнейшего совершенствования, может служить моделью интертекстуального анализа повествовательных структур неореалистов начала XX в. и быть использован при применении теории интертекстуальности к проблеме жанрообразования. Выявленные цитаты, реминисценции, другие наблюдения за самобытной художественной речью прозаика могут быть использованы при составлении научных комментариев к изданию полного собрания сочинений И. Д. Сургучева, позволят полнее представить его художественный мир.

Литература

- Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
Ильинская Т. Н. «Скрипок осенних протяжное пенье...». М.: Полиграф-сервис, 2005. 68 с.
Липатов А. Т. Вздуродная магия слова и чувств: Textoобразующие и изобразитель-

- но-выразительные средства художественной прозы Ильи Сургучева: Монография. Йошкар-Ола; Ставрополь: Графа, 2011. 180 с.
- Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр. Г. К. Косикова, В. Ю. Лукасик, Б. П. Нарумова. М.: ЛКИ, 2008. 238 с.
- Сергеева И. С.* Драматургия И. Д. Сургучева: проблематика и поэтика: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Харьков, 2010. 19 с.
- Сургучев И. Д.* в своих записных книжках // Возрождение, Париж. 1958. № 84. С. 87–95.
- III Сургучевские чтения:* Творчество И. Д. Сургучева в контексте русской литературы XX века: Сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. и сост. А. А. Фокин. Ставрополь: Ставропол. кн. изд-во, 2006. 395 с.
- IV Сургучевские чтения:* Локальная литература и мировой литературный процесс: Сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. и сост. А. А. Фокин. Ставрополь: Ставропол. кн. изд-во, 2007. 400 с.
- VIII Сургучевские чтения:* Векторы духовности в русской литературе и журналистике XIX–XXI веков: Сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. д-ра фил. наук, проф. А. А. Фокина. Ставрополь: Графа, 2011. 252 с.
- Фокин А. А. И. Д. Сургучев — драматург:* Монография. Ставрополь: Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 2008. 216 с.
- Фокин А. А. Илья Дмитриевич Сургучев:* проблемы творчества: Монография. Ставрополь: Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 2006. 368 с.

УДК 82.09:821.161.1-32
ББК Ш5(2=Р)7-4

МИР ЗАПАХА В РАССКАЗАХ ИСААКА БАБЕЛЯ*

Р. М. Ханинова

Для русской литературы характерен визуальный аспект отображения мира. Один из мастеров художественного слова XX в. И. Э. Бабель по праву занимает особое место в ряду тех писателей (И. А. Бунин, М. А. Булгаков, М. А. Шолохов, С. А. Есенин и др.), для которых внимание к запахам и ароматам действительности стало неотъемлемой частью поэтики их произведений в синестезии текстов. Тема запаха в творчестве Бабеля не была предметом специального изучения в литературоведении (отдельные замечания и наблюдения есть в работах А. К. Воронского, В. П. Полонского, Ф. М. Левина, Г. А. Белой, А. К. Жолковского, М. Б. Ямпольского, Н. М. Лейдермана, Ж. Хетени и др.), за исключением нашей статьи [Ханинова 2007].

Поясним некоторые рабочие термины. Одоронимы — это предметные и признаковые имена, в содержание которых входит категориально-лексическая сема «запах»

[Павлова 2006: 7], одоративный (синоним слова запаховый, то есть обозначающий запах; все единицы одоративной лексики принадлежат лексико-семантическому полю «запах-свойство»), одорический (является самым широким наименованием всего, что относится к лексико-семантическому полю «запах», и связан с обозначением как признака, так и восприятия запаха), ольфакторный (используется при описании единиц, с которыми связана характеристика способности человека воспринимать и распознавать запах) синоним слову «обонятельный») [Одинцова 2008: 8].

Антропологическая поэтика в прозе Бабеля — это мир, показанный через восприятие человека. У писателя нет произведений, в которых мир природы был бы автономен в своей репрезентации, а его представители манифестированы как главные персонажи посредством наделения их автором антропоморфными признаками, в том числе го-

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг. Государственный контракт № 16.740.11.0116 от 02.09.2010 г.

ворением. Человек доминирует в творчестве Бабеля, будучи в самых разнообразных взаимоотношениях с окружающей действительностью, его жизнью и смертью определяются смысловые координаты и ценностные ориентиры для автора. Земной путь от зачатия до ухода художнику видится своего рода Голгофой — со страданием, жертвенностью, распятием, духовным воскрешением среди крови, пота и слез.

В «Истории моей голубятни» (1925) Исаак Бабель заметил: «Никто в мире не чувствует новых вещей сильнее, чем дети. Дети содрогаются от этого запаха, как собака от заячьего следа, и испытывают безумие, которое потом, когда мы становимся взрослыми, называется вдохновением» (курсив везде наш — Р. Х.) [Бабель II, 2006: 158]. Вдова писателя А. Пирожкова вспоминала: «Он родился с чувствами чрезвычайно обостренными: зрение, слух, обоняние, осязание — все чувства были у него не как у нормальных людей, а удивительно острыми» [Пирожкова IV, 2006: 543]. Детская восприимчивость к запахам и ароматам, вдохновленная воображением, сохранилась у писателя, маркированная живописными одорическими образами и метафорами в поэтике его произведений. Процесс обретения воспоминаний через запахи получил название «феномен Пруста» и стал литературным топосом, источником бесконечных индивидуальных вариаций у самых разных авторов. Сам Бабель, задумывая книгу под общим названием «История моей голубятни», в письме к матери от 14 октября 1931 г. предупреждал, что «сюжеты все из детской поры, но приврано, конечно, многое и переименовано, — когда книжка будет окончена, тогда станет ясно, для чего мне все то было нужно» [Бабель IV, 2006: 297].

Многими исследователями не раз отмечалось своеобразие автобиографического компонента в творчестве писателя. «Бабель задумал серию новелл полуавтобиографического характера, где повествование о детстве мальчика, проведенного в любимой Одессе, ведется от первого лица», — писал С. Поварцов, предупреждая, что «было бы ошибкой считать „Историю моей голубятни“ автобиографической книгой в точном смысле этого слова. Скорее она является свободной вариацией на определенную тему, когда те или иные жизненные реалии щедро обрамляются прихотливой фантазией писателя» [Поварцов 1974: 236]. Г. Белая

подчеркнула, что в рассказах «Детство. У бабушки» (1915), «История моей голубятни» (1925), «Первая любовь» (1925), «В подвале» (1930), «Пробуждение» (1930), «Ди Грассо» (1937) и др. «опорой стал внутренний опыт, осмысленный психологически и исторически. Материал был организован под особым — личным — углом зрения» [Белая I, 1992: 28]. Рождение личной легенды — о семье, детских страданиях, скитаниях видел в этих рассказах И. Сухих [Сухих I, 2006: 20].

Одорическая парадигма в незаконченной книге Бабеля разнообразна: это запахи времени года, суток, атмосферных явлений, населенных пунктов, домов, людей, вещей, еды, земли, фауны, флоры и т. п., которые даны эксплицитно и имплицитно. При этом ольфакторный ракурс в этих рассказах многонационален: это преимущественно еврейский, русский, украинский миры. В книгу «Конармия», писавшуюся почти одновременно (1923–1925), входит польский компонент в связи с походом Первой Конной на Варшаву во время Гражданской войны (июнь – сентябрь 1920 г.). Как правило, автор в своей экспрессивно стилизованной манере называет запах, дает описание, метафорически расширяет его семантический и символический диапазон — по принципу параллели /контраста, точности/ассоциации, статики/динамики, своего/чужого, натурального/ искусственного, используя различные тропы: сравнение, метонимию, синекдоху, гиперболу и т. п.

«Из всех рассказов этого цикла, — верно заметил Ф. Левин, — только „Детство. У бабушки“ освещено безмятежным светом счастья, того, что называют „золотым детством“, без горя, тревог и обид. Все остальное, как мы видим, это — беды, несчастья, посрамление, бесправие, унижение — большие и маленькие катастрофы» [Левин 1972: 169]. М. Б. Ямпольский же различает два типа повествования о детстве, один из которых заявлен как откровенно лживый: «Справка», «Мой первый гонорар» (1922–1928) [Ямпольский 1994: 256].

В рассказе «Детство. У бабушки» представлен одорический топос Одессы. «А из лавок, людей, воздуха, театральных афиш я составлял мой родной город. Я до сих пор помню, чувствую и люблю его; чувствую так, как мы чувствуем запах матери, запах ласки, слов и улыбки <...>» [Бабель I, 2006: 37]. Ольфакторное сравнение города и ма-

тери показательно: запах ласки и улыбки может корреспондировать с запахом частей тела, запах слов — ассоциативная рецепция. Любопытно, что в мире Бабеля нет самого описания материнского запаха ни в конкретном, ни в символическом виде. Более того, как указывает М. Ямпольский, «негативная мать» появляется в «фиктивном» детстве и не играет существенной роли в «подлинном», герой как будто не решается сказать о своей матери то, что возможно в рамках вымысла [Ямпольский 1994: 256]. Ср. в рассказе Андрея Платонова «Еще мама» (1947) первоклассник увидел добрые и веселые глаза учительницы, «от нее пахнет, как от матери, теплым хлебом и сухою травой», «почувствовал тот же тихий и добрый запах, который он чувствовал возле матери» [Платонов III, 1985: 237, 238]. Запах отца, пришедшего с войны, в восприятии другого мальчика тождествен: «От солдата пахло теплым, чем-то добрым и смирным, хлебом и землей» [Платонов III, 1985: 205] («Никита», 1945).

По мнению Л. В. Карасева, «тотальная слепота, дефицит видения и света неожиданно объясняют особую роль *запахов* (курсив автора — *Р. Х.*), причем одних и тех же, постоянно встречающихся в платоновских описаниях. Как и в случае с „дремлющим зрением“, Платонов интуитивно выстраивает очередную символическую систему и возмещает преизбытком одних чувств нехватку других, им же созданных. Так появляется цикл запахов, описывающих жизнь в ее самых напряженных точках от зачатия и рождения до смерти» [Карасев 2002: 17].

Как у Платонова, можно говорить о цикле запахов в художественном мире Бабеля, показывающего жизнь в ее самых напряженных точках — от начала до конца, и о символической системе одоронимов. В рассказе «Детство. У бабушки» смысловое описание воздуха родины своеобразно. Это и наделение его антропоморфными признаками извне («...вспоминал воздух, который живет возле этой лавки и не живет ни у какой другой») и внутри пространственных координат (в бабушкиной комнате «даже жаркий одуряющий воздух стоял не шевелясь, точно чувствовал, что я занимаюсь, нельзя мне мешать»). Это в ольфакторном ландшафте эмоциональное сравнение средней полосы и юга. «В эту пору у нас в воздухе нет тихой нежности,

так сладостной в средней России, над мирной речкой, над скромной долиной. У нас блестящая, легкая прохлада, неглубокая, веющая холодком страстность. Я был совсем пузырем в то время и ничего не понимал, но весну чувствовал и от холода цвел и румянился» [Бабель I, 2006: 175]. Это амбивалентное восприятие тепла / жары, с одной стороны, как сублимация сурового бабушкиного завета («Мне душно, мне нечем дышать, надо бежать на воздух, на волю, но нет сил поднять никнувшую голову»), с другой, — защиты родного человека («сплю очень крепко, сплю молодо за семью печатями в бабушкиной жаркой комнате»). Ср. в «Конармии» в кубанской станице: «Было утро, был рассвет, мужичий сон вздыхал в прокисшей духоте» [Бабель II, 2006: 110] («Прищепа», 1923).

Запах счастливых дней детства в «Истории моей голубятни» связан с домом, с родными, с «елочным хозяйством» (пенал, копилка, ранец, новые книги в картонных переплетах, тетради в глянцевых обертках), когда рассказчик-гимназист вместе с матерью месяц привыкали к пеналу и к утреннему сумраку чаепития, к сборам книг в ранец. Еврейский погром 1905 г. показан через восприятие мальчика, для которого счастливый день покупки голубей обернулся горем: смертью птицы и родственника. При этом отказ от видения малого и ужасного мира подчеркнут усилением обонятельного инстинкта: подробное описание стекавших по лицу ребенка внутренностей раздавленной голубки лишено одорического компонента, но закрытие глаз маленьким рассказчиком интуитивно его обостряет. «...прижался к земле, лежавшей подо мной в успокоительной немоте. <...> тишина, горькая тишина, поражающая иногда детей в несчастье, истребила вдруг границу между моим телом и никуда не двигавшейся землей. Земля пахла сырыми недрами, могилой, цветами. Я услышал ее запах и заплакал без всякого страха» [Бабель I, 2006: 163]. Тот же прием контраста вначале в счастливом воспоминании о двоюродном деде Шойле, торговце рыбой на рынке: «Толстые его руки были влажны, покрыты рыбой чешуей и воняли холодными прекрасными мирами» [Бабель I, 2006: 156]. Два судака, всунутые в деда (один в прореху штанов, другой в рот) воспринимаются потом десятилетним наблюдателем в горестном недоумении: «...и

хоть дед был мертв, но один судак жил еще и содрогался» [Бабель I, 2006: 164]. Как в случае с птицей, запах рыбы не обозначен, он присутствует имплицитно.

В цикле «Одесские рассказы» в лавке Каплуна на Привозной площади, по мнению рассказчика, «пахло многими морями и прекрасными жизнями, неизвестными нам» [Бабель I, 2006: 85] («Отец», 1924). У взрослой дочери, выросшей у бабушки, родительский дом Фроима Грача при встрече не вызвал умиления. «У вас невыносимый грязь, папаша, — сказала она и выбросила за окно прокисшие овчины, валявшиеся на полу, — но я выведу этот грязь! — прокричала Баська и подала отцу ужинать» [Бабель I, 2006: 81–82]. Отчужденность отца и дочери дистанцирована в следующем предложении антитезой: «Старик выпил водки из эмалированного чайника и съел зразу, пахнущую как счастливое детство» [Бабель I, 2006: 82]. Ассоциативное сравнение здесь имплицитно коррелирует с давними воспоминаниями о семейной еде, о женской заботе. Та же отчужденность поколений в семье Шлойме, где старика забыли, как забывают ненужную, не попадающуюся на глаза вещь, и где такой вещью стал человек, запах старости которого аккумулируют заброшенность и затхлость («Старый Шлойме», 1913). «Шлойме почти никогда не умывался, редко менял платье, и от него дурно пахло; сын и невестка, у которых он жил, махнули на него рукой, запрятали в теплый угол и забыли о нем» [Бабель III, 2006: 41]. В то же время самоубийство отчаявшегося старика, узнавшего о выселении евреев и по-своему понявшего, что сын хочет уйти от своего народа, к новому богу, акцентирует заключительный одорический образ: «...вскоре шуплое тело старого Шлойме закачалось перед дверью дома, в котором он оставил теплую печку и засаленную отцовскую Тору» [Бабель III, 2006: 45]. Книга, хранившая запах поколений, стала знаковой памятью гонимого народа, неприязнь к которому в инонациональном плане проецируется и на его запах. В «Истории моей голубятни» упавший мальчик услышал от Катерины, подсчитывающей награбленные вещи: «Семя их разорить надо <...> семя ихнее я не могу навидеть и мужчин их воюющих...» [Бабель I, 2006: 162].

В рассказе одесского маклера, обремененного семью детьми и женой и обеспокоенного конкуренцией, воздух несчастья

(=жизнь) лишен запаха, следовательно, и жизни: «Передо мной стоит воздух. Он блещит, как море под солнцем, красивый и пустой воздух» [Бабель I, 2006: 101] («Справедливость в скобках», 1921).

Бабель-художник часто сводит частное и общее, конкретное и философское в одорическом параллелизме. Например, через воспоминание повествователя о себе, тринадцатилетнем подростке, мечтавшем стать писателем, а не скрипачом по желанию отца, и сбегавшем с уроков музыки к морю. «Тяжелые волны у дамбы отдаляли меня все больше от нашего дома, пропахшего луком и еврейской судьбой» [Бабель I, 2006: 198] («Пробуждение», 1930). Для мальчика из нищей и безалаберной семьи на роскошной даче директора банка женщины — «картежницы и лакомки, неряшливые щеголихи и тайные распутницы с надушенным бельем и большими боками» [Бабель I, 2006: 185] («В подвале», 1930).

Богомазу Аполлинарию в противовес иконописной традиции люди видятся библейскими персонажами: «В заказах он не знал недостатка. И когда через год, вызванная исступленными посланиями новгородского ксендза, прибыла комиссия от епископа в Житомире, она нашла в самых захудалых и зловонных хатах эти чудовищные семейные портреты, святотатственные, наивные и живописные» [Бабель II, 2006: 62] («Пан Аполек», 1923). Станный бродячий художник — один из немногих в мире «Конармии», кто не разрушает, а созидает: «Он, как живописцы Возрождения, соединяет земное и небесное, переносит на иконы здешнюю земную жизнь, превращая грешников в святых» [Сухих II, 2006: 28].

Визуальность контрастно соседствует с ольфакторной агрессией, переданной посредством метафоры и синекдохи в рассказе «Линия и цвет» (1923). Керенский в Народном доме в июне 1917 г. «произнес речь о России — матери и жене»: «Толпа удушала его овчинами своих страстей. Что увидел в ошетилившихся овчинах он — единственный зритель без бинокля?» [Бабель I, 2006: 266]. В начале этого рассказа, в канун революционных событий — двадцатого декабря 1916 г., одорическая составляющая интерьера разнопланова и символична: «Северные цветы тлеют в вазах. <...> В обеденной зале пахнет сосной, прохладной грудью графини Тышкевич и шелковым бельем английских офицеров» [Бабель I, 2006: 263–264].

Изображение женской плоти обычно у писателя по-раблезиански избыточно, пышно, здорово, пахуче, особенно в «Одесских рассказах» и «Конармии». Соматический код проецирован как на целое (тело), так и на его части (грудь, зад, ноги). Восприятие запаха плоти субъективно и ситуативно.

Три кухарки, не считая судомоек, готовили свадебный ужин в рассказе «Король» (1921), где в дымных лучах пламени «пеклись старушечьи лица, бабьи тряские подбородки, замусоленные груди. Пот, розовый, как кровь, розовый, как пена бешеной собаки, обтекал эти груди разросшегося, сладко воняющего человеческого мяса» [Бабель II, 2006: 60]. Описание похорон сопровождалось в рассказе «Как это делалось в Одессе» (1923) традиционным соединением высокого и низкого в облике почетных молочниц с Бугаевки, которые «топали ногами, как жандармы на параде в табельный день»: «От их широких бедер шел запах моря и молока» [Бабель I, 2006: 77]. В рассказе «У святого Валента» (1924) после казачьей забавы тело «эскадронной дамы», «цветущее и вонючее, как мясо только что зарезанной коровы, заголилось» [Бабель II, 2006: 140]. Взгляд рассказчика на прислугу, многократно изнасилованную махновцами, брезгливо пристрастен: «Ноги девушки, жирные, кирпичные, раздутые, как шары, воняли приторно, как только что вырезанное мясо» [Бабель II, 2006: 114] («У батьки нашего Махно», 1923).

«Кровь, моча, слезы не отменяют, а, напротив, заставляют с большей остротой ощущать поэзию и красоту», — резюмирует И. Сухих, характеризуя идиостиль писателя [Сухих 2004: 119]. Карнавализация бытия Исааком Бабелем влечет за собой карнавализацию ароматов и запахов — присущий писателю обонятельный гедонизм, актуализируя психологический аспект его прозы и смысловые рефлексии автора об исторической ауре эпох.

Литература

- Бабель И. Э. Собр. соч.: в 4 т. М.: Время, 2006.
- Белая Г. Трагедия Исаака Бабеля // Бабель И. Э. Соч.: в 2 т. М.: Худ. лит., 1992. Т. 1. С. 5–30.
- Жолковский А. К., Ямпольский М. Б. Бабель / Babel. М.: Carte Blanche, 1994. 446 с.
- Карасев Л. В. Знаки покинутого детства. «Постоянное» у А. Платонова // Карасев Л. В. Движение по склону. О сочинениях А. Платонова. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. 140 с. С. 9–37.
- Левин Ф. М. И. Бабель: очерк творчества. М.: Худ. лит., 1972. 207 с.
- Одинцова М. В. Художественно-стилевая роль слов лексико-семантического поля «запах» в произведениях И. А. Бунина (аспекты номинации и предикации): автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2008. 27 с.
- Павлова Н. С. Лексика семой «запах» в языке, речи и тексте: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Екатеринбург, 2006. 18 с.
- Пирожкова А. Н. Семь лет с Исааком Бабелем // Бабель И. Э. Собр. соч.: в 4 т. М.: Время, 2006. С. 357–560.
- Платонов А. П. Собр. соч.: в 3 т. М.: Сов. Россия, 1984–1985.
- Поварцов С. Мир, видимый через человека (материалы к творческой биографии И. Бабеля) // Вопросы литературы. 1974. № 4. С. 231–249.
- Сухих И. Киндербальзам среди кентавров // Бабель И. Э. Собр. соч.: в 4 т. М.: Время, 2006. Т. 2. С. 5–39.
- Сухих И. Обожженные солнцем // Бабель И. Э. Собр. соч.: в 4 т. М.: Время, 2006. Т. 1. С. 8–31.
- Сухих И. Н. О звездах, крови, людях и лошадях // Сухих И. Н. Двадцать книг XX века: эссе. СПб.: Паритет, 2004. С. 99–122.
- Ханинова Р. М. К вопросу об одорической парадигме рассказов И. Бабеля // VIII Ручьевские чтения. Изменяющаяся Россия в литературном дискурсе: исторический, теоретический и методологический аспекты: сб. мат-лов Междунар. науч. конф. / сост., ред. М. М. Полехина. Магнитогорск, 2007. С. 160–164.

УДК 392.91
ББК 63.5 (2Рос=Калм)

КАЛМЫЦКИЙ ФОЛЬКЛОР И ЭПОС «ДЖАНГАР» В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАЛМЫКИИ

Б. Б. Дякиева, Э. У. Омакаева

Преобразования, происходящие в современном российском обществе, затронули сферу культуры и образования, обнажив проблемы воспитания. Изменившиеся социально-экономические условия в нашей стране выдвинули новые требования к системе образования. В современной отечественной и зарубежной педагогической науке и практике происходит переосмысление концептуальных подходов к обучению и воспитанию дошкольников и младших школьников, роли различных предметов в их социальной адаптации.

Одним из важнейших принципов развития современного образования является регионализация, которая в соответствии с этнопсихологическими особенностями и этнообразовательными запросами обеспечивает полноту и непрерывность образования детей.

В этой связи в учебно-воспитательный процесс учебных заведений Калмыкии введены факультативно учебные предметы: «Фольклор», «Национально-прикладное искусство», «Тодо бичг», «Основы буддизма», «Традиционное воспитание калмыков», «История и культура родного края» и в том числе спецкурс «Джангар».

Данные предметы способствуют формированию национального самосознания, познанию собственной истории, самобытной культуры, системы духовных ценностей этноса в контексте современности.

Одним из основных школьных предметов, реализующих главную цель обучения и воспитания — формирование личности во всем ее многообразии (интеллектуальное и эмоциональное развитие, становление мировоззрения, нравственных и этических норм, освоение речевой культуры), была и остается литература. Отраженный в литературе богатый опыт человечества может

стать для учащегося лично значимым. В решении этой задачи большая роль определена и фольклору как самому естественному и органичному средству воспитания, важному фактору социализации ребенка.

Как и любой этнос, калмыки обладают своим корпусом фольклорных текстов. В горе и в радости обращались они к фольклору за утешением и вдохновением. Мирощущение калмыка, его симпатии, мечты о счастье и добре ярко проявились во всех жанрах устного народного творчества: в песнях и легендах, эпосе и сказках, пословицах и загадках, благопожеланиях-йорялах и т. д.

Богат и разнообразен калмыцкий фольклор, но особое место в нем занимает героический эпос «Джангар», являющийся базовым фольклорным текстом калмыков, символом культуры этноса, этносимволом, хранящим в закодированной форме информацию, знания и представления народа о мире. Фольклор, как известно, существует в своих региональных и локальных традициях: «фольклорная традиционная культура в своем конкретном наполнении всегда региональна и локальна» [Путилов 2003]. В условиях глобализации важно суметь сохранить фольклорные региональные традиции [Оконов 2001; Хабунова 2011].

Рассмотрим особенности использования коммуникативного, когнитивного и педагогического потенциала калмыцкого фольклора дошкольной и школьной образовательной практикой в Калмыкии.

Фольклор, сопровождая жизнь ребенка, способствует более мягкому, гармоничному вхождению в последующий возрастной этап, так как он сообразен самой природе образного мышления детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Сегодня становится все более очевидным, что первичным является когнитивное развитие, а социальная функция проявляется ближе к концу старшего дошкольного возраста.

Исключительно важное значение в становлении личности имеет дошкольное образование. Устойчивая связь когнитивных структур с личностными параметрами является основным показателем социальной зрелости ребенка.

При переходе от дошкольного к младшему школьному возрасту системообразующим свойством является мотивация, связанная с интеллектом [Вилюнас 1986]. Ребенок постепенно «окунается» в учебную деятельность, и мотивы учебного характера начинают доминировать над игровыми.

С эпосом «Джангар» учащиеся национального класса начинают знакомиться с 1 класса, где в доступной форме, с применением наглядных средств обучения, проводятся занятия-беседы «Страна-Бумба», «Богатыри Джангара», «Известные джангарчи», «Аранзал-конь Джангара» и др.

Какие идеи, заложенные в эпосе «Джангар», могут быть использованы современными педагогами в качестве национально-регионального компонента? Конечно же, в первую очередь патриотизм богатырей страны Бумба [Липкин 1940].

Идея беззаветного служения Отечеству, идея мужской чести, дружбы, верности и единства прекрасно выражена в строках, известных каждому калмыку:

«Жизни свои острию копья предадим,
Страсти свои державе родной посвятим,
Грудь свою обнажим и вынем сердца,
И за народ отдадим свою кровь
до конца».

Идею общенародной консолидации можно считать главной идеей эпоса. Наверное, поэтому «Джангар» был опорой и нравственным ориентиром для многих поколений народа. С клятвой богатырей шли в бой солдаты-калмыки в годы Великой Отечественной войны.

Идея совершенного человека.

По страницам эпоса можно проследить представление предков калмыков об идеальном образе мужчин и женщин. Сюжеты эпических песен построены таким образом, чтобы они могли максимально четко воспеть эпический кодекс чести.

В центре всех событий в эпосе — герой Джангар. Он — идеал храброго, мужествен-

ного, благородного, справедливого и непобедимого воина-освободителя. Под стать ему богатыри и сыновья, которые занимают место в одном ряду с отцами.

Какими чертами характера наделил своих героев народ? Хонгор — самый смелый, Алтан Чэджи — самый мудрый, Ке-Джилган — красноречивый, Мингиян — самый красивый.

Смуглолицый Строгий Санал в эпосе «Джангар» изображен как идеальный воин. Устами ясновидца Алтана Чэджи ему дана такая характеристика:

С трудной задачей справится он,
В стане чужом прославится он,
Победителем явится он!
Мне — мудрейшему, равен умом,
Савру подобно владеет мечом.
Он обращеньем с Мингияном сравним,
Храбростью — с Хонгором

Багряным одним,
Прочих достоинств — не сосчитал:
Все девяносто девять он
Доблестей ратных в себе сочетал.

Настоящий мужчина должен быть мужественным, иметь силу воли, презрение к смерти, воинскую доблесть, непримиримость к врагу, почитать заветы дружбы, обладать чувством достоинства, иметь самолюбие и гордость, не позволять оскорблять честь рода и племени.

Высокая нравственность героев эпоса включает в себя благородство. Победители спрашивают у побежденного три его желания и даруют жизнь для претворения этих желаний. Именно такое благородство позволило остаться в живых Джангару, собрать соратников, создать государство — страну Бумбу.

Значительное место в эпосе уделено образам матери, верной жены, невесты, любимой героя. В этих образах отражены идеалы этических и эстетических представлений народа. Побуждение сына-героя к совершению подвига — главная функция матери. Здесь невозможно найти ни одного примера неуважительного отношения к матери.

Женщина должна быть высоконравственной, мудрой и скромной, терпеливой, преданной, чувствительной, мастерицей, должна уметь играть на музыкальных инструментах, быть хранительницей очага.

Героини эпоса исцеляют богатырей. Попавший в беду, получивший ранение сын обращается за помощью в первую оче-

редь к матери. Прикосновение рук матери к ранам сына оказывается чудодейственным. Таковы Зандан-Герел — мать богатыря Хонгора и супруга богатыря Савра Тяжелорукого. Как самые целомудренные женщины, они согласно древнему обряду, совершают ритуальные действия — помолвившись, перешагивают через раненого богатыря, вынимают стрелу и этим спасают умирающего.

В женских образах воплощен идеал высочайшей нравственности.

Эпос «Джангар» — пример справедливого, достойного, уважительного отношения к врагам, и, наоборот, уважения врагами богатырей Джангара. Зарин-Зан-тайджи успокаивает своего силача: «Он (плененный) — державного мужа посол...».

В «Джангаре» воспеваются труд. Воздается хвала кудесникам — мастерицам и умельцам. Например:

Шесть тысяч двенадцать мастеров,
Возделыватели чудес,
В искусстве соревнуясь своим,
Выбиваясь из сил, наконец,
Выстроили Джангару дворец.

Герои эпоса совершают подвиги с трехлетнего возраста. Дети должны превзойти своих родителей. Раннее взросление, приобщение к делам взрослых протекает в естественных условиях, в гармонии природы и труда, традиции и примеров. Это поучительно для нашей молодежи.

По страницам эпоса можно проследить ярко выраженное экологическое сознание народа, что человек — часть природы. «Джангар» учит понимать красоту природы через описание природы, ландшафтов. Учащиеся узнают о местах проживания наших предков, особенностях хозяйственного уклада древних скотоводов.

Калмыка нельзя представить без коня. В «Джангаре» подвиги богатырей всегда связаны с их боевыми спутниками [Липец 1984]. Кони знаменитых богатырей имеют клички, которые обычно указывают на его масть или же подчеркивают какие-либо боевые качества: конь Джангара зовется Аранзалом, кличка коня Санала — Чалый, Мингияна — Соловый, Савра — Лыско.

Описание седлания коня — излюбленное место сказителей. У кочевых народов было принято обучать мальчиков верховой езде с малолетнего возраста. Считалось, что мужчина-воин, прежде всего, должен быть

хорошим наездником. Седло, сползшее со спины на живот, — знак поражения седока.

В «Джангаре» имеется эпизод, изображающий ситуацию, когда богатыри, одержав победу над врагами, сбивают со спин их коней седла под живот и прогоняют врагов. Хорошо показано в эпосе заботливое отношение богатыря к своему коню. Нет ни одного случая, чтобы он истязал его за непослушание.

Также в эпосе описываются национальные игры: борьба, игра в альчики. То, что в эпосе запечатлены все виды национальных спортивных состязаний, указывает на их значимость в жизни народа, в воспитании подрастающего поколения.

«Джангар» и сегодня присутствует в быту каждой калмыцкой семьи, родители часто обращаются к образам народных героев (своим детям дают имена богатырей: Хонгор, Джангар, Савр, Санал). Имя Джангара носят улицы, кинотеатры.

Педагогами республики широко используется в повседневной работе воспитательный потенциал эпоса. В 1996 году был принят Указ Главы Республики Калмыкия «О государственной поддержке изучения и освоения калмыцкого народного эпоса «Джангар» и утверждена республиканская целевая программа по его пропаганде. Министерством образования, культуры и науки Республики Калмыкия во исполнение этих документов ведется целенаправленная работа.

Ежегодно во всех учреждениях образования республики в рамках Международного дня родного языка, недель, месячников и декад калмыцкого языка проводятся циклы мероприятий, посвященные эпосу «Джангар». Проводятся уроки знаний, встречи с учеными, конференции, тематические классные часы и круглые столы, устные журналы и беседы. Во многих учреждениях республики созданы и успешно функционируют этнографические уголки и музеи, в которых размещены материалы по мотивам героического эпоса калмыцкого народа.

В целях стимулирования интереса к научно-исследовательской работе по изучению истории создания героического эпоса, ознакомления школьников с научными исследованиями в области изучения эпоса, воспитания подрастающего поколения на примерах богатырей Джангара, проводятся республиканские массовые мероприятия.

Так, например, среди старшеклассников ОУ РК проводится республиканская учебно-научно-практическая конференция по предметам региональной компетенции, одна из шести секций которой посвящена «Джангару». В данной секции принимают участие учащиеся 8-11-х классов инновационных и общеобразовательных ОУ. Победители и призеры награждаются дипломами и денежными призами. Участники секции готовят научно-исследовательские проекты и представляют их к публичной защите, используя при этом компьютерные технологии.

Одними из лучших знатоков «Джангара» являются учащиеся Малодербетовской гимназии Малодербетовского района, Калмыцкой национальной гимназии, Чилгирской СШ Яшкульского района, Органовской СШ Ики-Бурульского района и др.

Для повышения интереса учащихся школ республики к изучению жемчужины калмыцкого устного народного творчества — эпоса «Джангар», привлечения творческой, научной, преподавательской и родительской общественности к пропаганде эпоса среди молодежи, выявления уровня знаний учащимися эпоса как сокровищницы народной мудрости, отражающей лучшие качества национального характера, многовековой опыт калмыцкого народа, традиционным стало проведение республиканского фольклорно-этнографического фестиваля «Джангрина ачнр» среди учащихся школ республики. Следует заметить, что количество участников фестиваля ежегодно возрастает.

Фестиваль проводится по следующим секциям и направлениям: «Эрудит» (знание содержания эпоса «Джангар»), «Юные исследователи «Джангара», «Юные джангарчи» (исполнительское мастерство), театрализованное представление по мотивам эпоса «Джангар» (актерское мастерство).

В рамках фестиваля проводятся конкурс «Путешествие в страну Бумба», викторина (джангарчи, исследователи, скульптурные памятники). Участники пишут эссе на темы «Мой «Джангар», «Мой любимый образ в песнях «Джангара», представляют к защите научно-исследовательские работы по содержанию эпоса на калмыцком языке, а юные джангарчи состязаются в мастерстве исполнения отрывков героического эпоса в музыкальном сопровождении (с использованием калмыцких народных инструментов).

Театрализованное представление проходит по следующим примерным темам: «Героический эпос «Джангар» и страницы истории калмыцкого народа», «Встреча былинных героев и богатырей эпоса «Джангар», «Путешествие во времени. Наш современник в стране Бумба», «Эпосы мира в гостях у «Джангара».

Вопросы эффективности и качества преподавания эпоса «Джангар», проблем и перспектив его изучения обсуждаются на республиканских и районных (городских) семинарах, заседаниях методобъединений. Педагогами национальной системы образования накоплен положительный опыт по преподаванию эпоса «Джангар»: разработаны и систематизированы дидактические и раздаточные материалы, циклы уроков и внеклассных мероприятий.

В каких же именно направлениях необходимо вести работу так, чтобы максимально эффективно использовать многоаспектный потенциал фольклора? Прежде всего на уроках, факультативных занятиях и классных часах; в кружковой работе, фольклорных группах и экскурсиях в музеи, выставки; при организации работы по детскому самоуправлению; в научно-исследовательской деятельности учащихся; на внеклассных мероприятиях (спортивных состязаниях по национальным видам спорта, народных играх), в походах по историческим местам; в работе с родительской общественностью; в налаживании культурных и экономических связей с представителями национальной диаспоры и с соседними регионами; при проведении школьных научно-практических конференций.

Таким образом, принцип построения учебно-воспитательного процесса в учреждениях образования Калмыкии отражает диалектическое единство трех компонентов — этнического, межнационального и общемирового, что позволяет ребенку почувствовать свою принадлежность к родному народу, осознать себя гражданином страны, субъектом мировой цивилизации.

Изучение фольклора в школе выдвигает ряд сложных задач, требующих интегрирования усилий целого ряда наук. Основным этапом изучения фольклорного произведения в школе — работа над его текстом. Учащиеся должны ознакомиться с его содержанием, эмоционально прочувствовать, осмыслить его идейно-тематическое и ху-

дожественное своеобразие, выработать на основе анализа произведения собственное понимание поставленных проблем. Анализ фольклорного текста должен осуществляться не только на уровне языка, но и в контексте всей духовной культуры народа, с широким привлечением мифологии, истории и этнографии, поскольку «за текстом» стоит целый комплекс представлений, именуемый картиной мира в ее фольклорных версиях — эпической, сказочной и т. д. [Омакаева 1997].

Фольклор — такая же жизненная реальность, как и сама жизнь. Он оказывает на человека такое же влияние, как и окружающая его действительность. Поэтому необходима открытость школьника разному опыту [Выготский 1967: 13].

В современных социокультурных условиях проблемы, затронутые в эпосе, могут явиться серьезным мотивом для размышлений старшеклассников над смыслом жизни вообще. Эпос двупланов: с одной стороны, это простой событийный план, а с другой — сложная «внутренняя» тема, раскрывающая последовательно развивающийся процесс духовного развития героя. В процессе чтения, знакомства и анализа произведения школьники глубже постигают словесное искусство, открывают новые для себя знания, находят ключ к решению собственных мировоззренческих вопросов, психологических проблем и т. д.

Литература

- Выготский Л. С.* Воображение и творчество в детском возрасте: Психологический очерк. 2-е изд. М., 1967. 93 с.
- Вилюнас В. К.* Психологические механизмы мотивации человека. М.: Изд-во МГУ, 1986. 211 с.
- Липец Р. С.* Образы батыра и его коня в тюркомонгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 264 с.
- Липкин С.* Патриотические эпопеи / Джангарияда. Элиста, 1940. С. 42–45.
- Оконов Б. Б.* Фольклор в общей системе литературного образования в калмыцкой национальной школе. Элиста: АПП «Джангар», 2001. 319 с.
- Омакаева Э. У.* Текст как отражение картины мира: лингвокультурологические аспекты описания эпоса «Джангар» // Проблемы современного джангароведения: мат-лы респ. конф., посв. 75-летию А. Ш. Кичикова. Элиста, 1997. С. 26–31.
- Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура; In memoriam. СПб., 2003. 464 с.
- Хабунова Е. Э.* Героический эпос «Джангар»: проблема сохранения региональных традиций в современных условиях // Материалы Международной научной конференции «„Джангар“ и эпические традиции народов Евразии: проблемы исследования и сохранения», посвященной 70-летию Учреждения Российской академии наук Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 143–145.

ИСТОРИЯ

УДК 94(470.47)

ББК 63.3 (2)46

**О ПРЕБЫВАНИИ КАЛМЫЦКИХ ПОСЛОВ В МОСКВЕ
В КОНЦЕ 1650-х – НАЧАЛЕ 1660-х ГОДОВ***В. Т. Тепкеев*

В результате перекочевки из Центральной Азии на запад калмыки в первой половине XVII в. начинают активно осваивать степные пространства Северного Прикаспия, входя в непосредственное соприкосновение с народами Северного Кавказа и Причерноморья, населением юга России. Калмыцкое войско обладало значительным военным потенциалом, и с началом Русско-польской войны 1654–1667 гг. в правительственных кругах Московского государства возник вопрос о привлечении калмыков для борьбы с Крымским ханством, которое выступило в союзе с Речью Посполитой. В результате переговоров были достигнуты военно-политические соглашения между Москвой и калмыцкими тайшами, оформленные в так называемые «шерти» (договоры) в 1655, 1657, 1661 гг. Именно с этого времени в столице частыми гостями становятся калмыцкие послы, что не могло не найти отражение в архивных документах. При рассмотрении дел фонда «Калмыцкие дела» за указанные годы удалось обнаружить, в том числе и ранее неизвестные, сведения о пребывании в Москве калмыцких послов.

Официальная сторона миссии калмыцких посольств в Москве в XVII в. вкратце рассмотрена в ряде работ [Кичиков 1994; Очерки 1967; Преображенская 1960]; что же касается вопроса о повседневной жизни членов калмыцких посольств во второй половине XVII в., то он был предметом специального исследования Ж. Б. Кундакбаевой [Кундакбаева 2006]. В данной статье в определенной мере снова будет затронута данная тема для ее дополнения с учетом выявленного нового фактического материала.

Активизация калмыцко-крымских переговоров во второй половине 50-х гг. XVII в. в целом не изменила политический курс большинства представителей калмыцкой

верхушки, которая в основном продолжала ориентироваться на Москву, несмотря на продолжающиеся столкновения на границе между царскими подданными и калмыками. Маршрут калмыцких посольств в российскую столицу, как правило, начинался от Царицына или Саратова, реже от Самары и продолжался далее через Пензу, Темников, Касимов и Владимир. С момента вступления в пределы Московского государства и на протяжении всего пути послы переходили на систему полного государственного обеспечения продовольствием. По прибытии в столицу послы становились участниками грандиозного действия, которое «разыгрывалось» для них дьяками Посольского приказа. При въезде в Москву дьяки извещали послов о времени вступления в столицу [Кундакбаева 2006: 523, 525].

Из русских документов видно, что состав калмыцкого посольства формировался из представителей главных тайшей и ногайских мирз, во главе которых выделялся старший посол, представляющий в свою очередь интересы первенствующего тайши. Поскольку участие в посольской миссии приносило неплохие материальные выгоды в виде царских подарков и жалованья, в состав посольства вводились наиболее приближенные к старшим тайшам лица из числа представителей среднего калмыцкого сословия: дарханов, зайсангов и т. д. Число их, включая «кашевара», доходило от нескольких человек до нескольких десятков. Например, в состав посольства, которое прибыло в Москву в мае 1658 г., входили представители старших калмыцких тайшей Дайчина, Мончака и едисанского мирзы Сеунча Абдулова, а возглавлял калмыцкую делегацию из 6 человек Кушучи-дархан [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 23–24].

По приезду в Москву послы обязательно сообщали о цели своего визита, а также информировали о последних событиях, которые происходили в их регионе. Например, в 1658 г. калмыцкие послы извещали царскую администрацию о неоднократных попытках крымского хана, персидского шаха и хивинского хана склонить калмыков к союзу. Но послы подтвердили готовность своих тайшей и мирз к дальнейшему укреплению русско-калмыцких отношений и постоянному обмену посольствами. Единственное, что омрачало эти самые отношения, по словам послов, так это постоянные набеги на калмыцкие улусы башкир и яицких казаков [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 27–28].

Существует довольно любопытное описание церемонии представления государю калмыков. 25 июня 1658 г. прошла аудиенция калмыцких послов у царя Алексея Михайловича. Большое значение придавалось маршруту послов во дворец. На постоянный двор к послам присылали из царской конюшни лошадей. Оттуда посольство направлялось в Кремль, непосредственно в Посольскую палату. Здесь послы ждали указа, а затем их проводили через Архангельскую площадь. Отсюда они поднимались по Средней лестнице и входили в палату к государю, где «бьют ему челом» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 52–53]. Как отмечает Н. М. Рогожин, в царский дворец Московского Кремля иностранные послы входили двумя путями: представители христианских государей – по лестнице «у Благовещения» на соборную паперть и далее по переходам у Красного крыльца; мусульмане – по Средней лестнице сразу на Красное крыльцо, так как «бусурманским» дипломатам негоже было проходить соборную паперть [Рогожин 2002: 55].

Тронное возвышение русского царя находилось в Золотой палате в юго-восточном углу [Рогожин 2002: 55]. Именно здесь думный дьяк Ларион Лопухин официально и представил калмыцких послов царю. Через несколько дней после торжественной аудиенции назначалась вторая встреча, во время которой царь сообщал ответ или назначал несколько соответствующих бояр для переговоров. Например, затронув вопрос о набегах башкир и яицких казаков на калмыцкие улусы, царь приказал вернуть калмыкам все захваченное у них имущество, пленных и

обменять аманатов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 88, 91].

Представление даров было также важной частью дипломатического ритуала. Обычно калмыки дарили лошадей, сабли, саадаки и стрелы, седла, бухарские и китайские изделия кустарного промысла. Особое значение имел подарок в виде верховой лошади [Khodarkovsky 1992: 61].

Решив основные политические вопросы русско-калмыцких отношений, послы могли обратиться к царю и с личной просьбой. Так, например, не преминул воспользоваться благоприятной возможностью старший посол Кушучи-дархан. Еще летом 1644 г. во время погрома отрядом воеводы Льва Плещеева калмыцкого улуса Даян-Эрке в русском плену среди других оказалась и мать посла, которую звали Коранай (или Харнаца). По сведениям Кушучи, его мать жила в Москве тем, что «скитается меж двор и кормитца христовым именем». Посол просил вернуть ему мать с младшим братом, родившимся уже в плену. В результате расследования в Посольском приказе выяснилось, что мать Кушучи действительно с сыном Меркушей жила в Москве, но зарабатывала на жизнь портным делом. В Вознесенском монастыре ее окрестили под именем Екатерина [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 78–82]. Дальнейшая судьба этой семьи в документах не прослеживается. Известно только, что возвращать крещеных калмыков к их сородичам по российским законам было запрещено.

Калмыцким послам, как и другим посольствам, прибывавшим в Москву, предоставлялось отдельное подворье, а Посольский приказ обеспечивал послов стрелецкой охраной. В XVII в. калмыков обычно селили на Ордынской улице или в Ордынской слободе. Причем никто из посторонних лиц, кроме приставов и охраны, не имел права входить к послам. Поначалу царская администрация в целях не допустить возможности калмыкам собирать всяческую информацию старалась предотвратить их контакты с местными жителями. В июне 1658 г. на постоялом дворе, где жили калмыцкие послы, произошел инцидент между калмыцким послом и стрелецким пятидесятником Семеновского приказа, стоявшим в охране. В Посольский приказ через толмача поступила жалоба посла о том, что пьяный стрелец его избил, порвал шубу, а у одного разнимавшего их калмыка вырвал на

голове клок волос. Началось расследование. Со слов же стрельца, началось все с прихода к оградительному забору двора местной татарки, которая по просьбе калмыков купила и передала им коробку с железными стременами, при этом она о чем-то говорила с ними по-татарски, что в принципе было запрещено делать. В ответ на замечание охранника калмыки заперли стрельца в избе и начали избивать, но на его крик прибежали другие охранники и разняли дерущихся [Кундабаева 2006: 527]. В результате расследования власти решили было подвергнуть стрельца телесному наказанию, но послы обратились с просьбой к властям его не наказывать, мол, «учинил то хмельным обычаем» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 17–21].

Большой интерес также представляют сведения о калмыцком посольстве в Москве 1661 г., ранее практически неизвестном в историографии. Калмыцкую делегацию возглавляли послы Дайчина и Мончака – Зайсан-дархан и Нанзай с 30 сопровождающими, а также представители Солом-Цере-на – Зоргучи и Эрден с 5 сопровождающими лицами. Калмыки прибыли в Москву в начале августа и пригнали на продажу 410 лошадей. Поскольку посольство было многочисленным, а калмыки беспокоились за сохранность своего имущества, то по царскому указу их расположили под Дорогомиловской слободой на Хорошевских лугах [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 2. Л. 1–2, 12; Д. 3. Л. 4].

5 августа калмыцких послов в Посольской палате принял царь Алексей Михайлович. Посланцы привезли от тайшей три письма, два из которых были написаны на старописьменном калмыцком языке. Первое письмо, адресованное от Дайчина, Мончака и Манжи-Ялбо, было изложено на старописьменном татарском языке. Поскольку в Посольском приказе в то время отсутствовали знатоки калмыцкого языка, которые могли бы перевести письма, то послы зачастую совместно с царскими толмачами сами выступали в роли переводчиков письменных посланий тайшей. По сведениям Г. Котошихина, калмыцкие тайши в своих письмах титул русского царя обозначали очень коротко: «„Белому царю Алексею Михайловичу всеа Руси здравствовать“, а иные толк напишут „Белому ж царю“, а имени его и титул не пишут. А пишет Крымской хан и Калмыки в грамотах своих о всяких делах коротко, и не с

прошением, или упоминанием, для того что у них бывает приказ словом с послами» [О России в царствование Алексея Михайловича 1884: 43].

В русских документах сохранились довольно интересные сведения не только об официальной части пребывания калмыцких послов в Москве летом 1661 г., но также и вполне житейские их истории, связанные с некорректным поведением членов посольской свиты. Например, прикрепленный приставом к посольству Арсений Ищеин жаловался в администрацию, что калмыки, жившие на Желтовском лугу, «почали дуровать озорничеством большим». Некоторые из калмыков переплавлялись на лошадях через реку Москва и под вотчиной боярина Ильи Даниловича Милославского гонялись за местными девушками [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 2. Л. 45].

Другая история была снова связана с судьбой калмыцких пленников. Один из калмыцких посланников во время прогулки по Красной площади в сопровождении русского толмача случайно встретил калмыцкую женщину, в прошлом полонянку. Звали ее Аргасына, по стечению обстоятельств она оказалась племянницей главного калмыцкого посла Зайсан-дархана. В русский плен Аргасына попала еще девочкой 17 лет назад, т. е. в 1644 г., во время военной экспедиции против калмыков воеводы Л. Плещеева. Калмычка в качестве трофея оказалась у шотландского полковника на русской службе Александра Крафорта¹, который и привез ее в Москву, окрестив в «немецкую веру» (протестантство) под именем Сусанна. Позже полковник погиб на русско-польской войне, а женщина получила свободный статус и пожелала вернуться в калмыцкие улусы, где были еще живы ее родители [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 2. Л. 62]. К сожалению, в документах не прослеживается, какова была официальная реакция царской администрации на дальнейшую судьбу этих крещеных калмыков.

Несмотря на то, что по дороге послам давались для охраны приставы и стрельцы, были случаи, когда посольства подвергались нападению. Например, в 1664 г. калмыцкие послы Кулачи Тархан и Путарык

¹ Александр Крафорт (Крофорд) – шотландский офицер на русской службе. В России возглавлял общину пресвитериан и являлся церковным старостой [Опарина 2006: 165].

«били челом» в Приказ Казанского дворца²: «украли де у них лошадей на Кожуховском лугу, под деревней боярина Салтыкова 35 лошадей, да у него в тех грабежах взяли деньгу 300 рублей, да бешмет цена 3 рубли с полтиною, да 4 иноходца» [цит.: Кундакбаева 2006: 528–529]. Прибывшее в феврале 1665 г. в Москву от Мончака калмыцкое посольство во главе с Каичю и 10 сопровождающими его лицами в районе села Подвислое Рязжского уезда (под Рязанью) подверглось нападению служилых казаков. В ходе драки калмыцкие послы, кабардинские уздени и русские сопровождающие были избиты, а некоторым участникам посольства проломили головы. Только вмешательство старейшин села остановило дальнейшее побоище. Позже из Москвы пришел строгий указ о наказании в селе Подвислое всех виновных лиц и возвращении ими награбленного имущества, взятого у калмыков и кабардинцев [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1665 г. Д. 2. Л. 1, 41, 44, 186–187].

Одним из неурегулированных вопросов в русско-калмыцких отношениях оставался процесс обмена пленными. Царь приказывал брать у послов поименный список калмыцких пленников, находившихся в русских городах, и, срочно разыскав, возвращать, но сделать это было весьма сложно. Например, большинство пленных калмыков, проживавших в Москве, были уже обращены в православную веру. На тот момент существовал особый царский указ о запрете передавать крещеных калмыков к их же собратьям. Послы знали о существовании подобного указа и поэтому просили от царских властей личной встречи с каждым из новокрещеных калмыков, чтобы убедиться в добровольности принятия ими новой веры.

Вполне наглядна, например, история крещеного молодого калмыка по имени Кукнак (в крещении Михаил). Послы имели возможность лично его расспросить о мотивах подобного шага. Оказалось, что во время одного из крымских походов в бою Кукнак был сбит с лошади и, упав в яму, потерял сознание. Когда очнулся, то его товарищи погнали крымцев дальше, а он остался в степи один, где его и подобрали запорожцы, а затем привезли в Москву. Отсюда он попытался в 1664 г. уехать домой

вместе с калмыцким послом Кантак-Кошучи, но тот, пообещав замолвить за него слово в Посольском приказе, так и уехал без него. От обиды Кукнак после этого принял крещение и показал послам свой нательный крест, отказавшись, таким образом, возвращаться домой. Это вызвало бурю негодования со стороны калмыков, и они прогнали от себя Кукнака. В сердцах главный посол заявил царским представителям, что Мончак со своей стороны также будет обращаться в «калмыцкую веру» русских людей, освобожденных из крымского плена, и оставлять, таким образом, в своих улусах. Посол задавался вопросом о дальнейшей судьбе калмыков, воюющих за русского царя. По его мнению, если бы царские власти крестили 10 тыс. калмыков, то Мончак государю «и бить челом не стал» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1665 г. Д. 2. Л. 119, 135, 171–175]. Но процесс христианизации калмыков уже был запущен, и он продолжался с переменным успехом в течение XVII и XVIII столетий, не приведя к значительным результатам.

Довольно интересные сведения о калмыцком посольстве в Москве сохранились и в европейских источниках. Например, 4 марта 1665 г. в столице калмыцких послов с любопытством наблюдали представители голландского посольства. Вот как описал внешний вид калмыцких послов в своем путевом дневнике Николас Витсен: «...на прием к великому царю пришли калмыки..., у них самостоятельный князь. Говорят, они приезжают сюда, чтобы предложить свои услуги царю от имени их князя Тайчжи Мончака... Эти люди одеты в грубые шкуры овец и других животных, иногда, но редко – в шитые кафтаны из шкур разных диких зверей. Они носят в ушах большие кольца, иногда продетые и через нос. Теперь же, когда они ездят к царскому двору, им пожаловали красные кафтаны; у самого главного из них висит на груди медная коробочка с их идолом. Это люди небольшого роста, плотные и желто-коричневого цвета; лица у них плоские, с широкими скулами; глаза маленькие, черные и сощуренные; голова бритая, только сзади с макушки свисает коса... Когда они закончили свои дела у царя, им подарили вышитые кафтаны, которые им тут же при царе надели» [Витсен 1996: 197–198].

Обычай одаривать калмыцких послов платьем, которое требовалось надевать во время аудиенции у царя, в Москве имел глу-

² Видимо, с этого времени «Калмыцкие дела» были переведены из Посольского приказа в ведомство Приказа Казанского дворца.

боко символичное значение. Например, следуя жесткому правилу, сами русские дипломаты за границей могли появляться только в национальной одежде, так как считалось, что в случае одевания жалованного ими в той или иной стране пребывания местного платья, они тем самым роняли «государеву честь» [Юзефович 1988: 37]. В калмыцкой же традиции одаривание одеждой являлось значимым ритуалом, и получение наплечной одежды расценивалось как ценный подарок. Поэтому среди калмыков не существовало запрета, подобного русской традиции. Обычно в комплект платья, которым одаривали калмыков, входили однорядки, кафтан, шапка, сапоги. Причем платьем одаривались как сами посланники, рядовые члены посольства, так и их кашевары, но при этом различалась их цена [Кундакбаева 2006: 524].

На другой день, 2 апреля, Витсен оставил о калмыцких послах следующую запись: «Вблизи мы видели калмыков..., они были в своей собственной одежде из волчьих шкур, шерстью наружу; это кафтаны до земли, но сзади высоко подрезаны, чтобы удобнее было сидеть верхом на лошади, шапки тоже из меха, украшенные конскими хвостами; в ушах – очень большие кольца, с которых свисают кораллы. Вокруг шеи – цепь из мелких круглых бусинок, грудь открыта, ноги и ступни, как сказано выше, очень кривые; они постоянно ездят верхом и поэтому ходят с трудом» [Витсен 1996: 222].

После завершения своей миссии калмыцкие послы старались без задержки возвратиться обратно. Концовка писем калмыцких тайшей к московским властям часто содержала определенную формулировку: «А послов наших, не задержав, изволите к нам отпустить» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 2. Л. 40–41] или «И совершив посольские дела, послов наших отпусти вскоре» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 2. Л. 38–39]. На языке калмыцкой дипломатии это означало, что быстрое возвращение посольства из какого-либо государства было признаком дружеских намерений. Отсрочка отъезда посольства интерпретировалась калмыками как действие непочтительности или прямой враждебности [Khodarkovsky 1992: 63].

Подводя итог, можно согласиться с весьма верным замечанием Ж. Б. Кундакбаевой. С одной стороны, калмыки, прибывшие в Москву, были оглушены торжественностью приема в Кремле; с другой стороны, они

сталкивались с совершенно чуждой социокультурной средой, и вне парадной стороны, на бытовом уровне официальные власти не всегда могли их оградить от проявления неприятия русских людей на этнокультурном уровне [Кундакбаева 2006: 531–532]. Помимо официальной части пребывания калмыцких посольств в Москве архивные документы за указанные годы вскрывают и другие стороны в русско-калмыцких отношениях: бытовые, экономические и межрелигиозные. Дальнейшее более детальное исследование их позволит широко осветить не только политические, но и социально-экономические аспекты.

Источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература

- Витсен Н. Путешествие в Московию: 1664–1665. Дневник / пер. со староголланд. В. Г. Трисман. СПб.: Симпозиум, 1996. 272 с.
- Кичиков М. Л. Образование Калмыцкого ханства. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 123 с.
- Кундакбаева Ж. Б. «Прислал де их Аюкай тайша бить челом великому государю царю...» (приезд в Москву калмыцких посланников во второй половине XVII в.) // Иноземцы в России в XV–XVII веках. М.: Древлехранилище, 2006. С. 520–532.
- Опарина Т. А. Полковник Александр Лесли и православие // Иноземцы в России в XV–XVIII веках. М.: Древлехранилище, 2006. С. 141–166.
- Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период / под ред. Н. В. Устюгова. М.: Наука, 1967. 479 с.
- О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. Изд. 3. СПб., 1884. 196 с.
- Преображенская П. С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVIII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1960. Вып. 1. С. 49–83.
- Рогожин Н. М. У государевых дел быть указано... М.: РАГС, 2002. 285 с.
- Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...». Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М.: Междунар. отношения, 1988. 216 с.
- Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600–1771. Ithaca, N.Y., 1992. 280 p.

УДК 94
ББК 63.3 (2Рос=Калм)

РЕФОРМЫ ПО УПРАВЛЕНИЮ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПЬЮ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

М. С. Горяев

Для более полного и ясного понимания процессов, происходящих в современном российском обществе, оценки современного состояния субъектов Российской Федерации, в особенности положения национальных республик, необходимо изучение предшествующих периодов истории Российского государства. При поиске наилучшей модели государственного устройства вполне закономерно обращение к историческому прошлому, изучению взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти. В связи с этим на сегодняшний день актуальными представляются вопросы развития государственных институтов России.

Историографию национально-государственного строительства Калмыкии как одного из субъектов Российского государства можно разделить на следующие три этапа: дооктябрьский, советский и современный. Дооктябрьский период историографии характерен сбором сведений и наблюдений, публикацией источников, преимущественно законодательных. Изучение Калмыкии в естественно-географическом, историческом и этнолингвистическом плане стало привлекать внимание исследователей со второй половины XVIII в. Это объясняется как развитием науки, так и потребностью российского правительства располагать сведениями о калмыках, их истории, культуре, хозяйстве и быте. Подъем в социально-экономическом и культурном развитии России неотделим от деятельности Академии наук и организованных ею экспедиций, участники которых проявили значительный интерес к изучению народов России, в том числе и калмыцкого. В России начинают закладываться основы новой научной отрасли познания — калмыковедения, в которой постепенно формируется историческое направление. Наиболее значительными в этой области являются труды В. М. Бакунина [1995], П. С. Палласа [1773], И. И. Лепехина [1795], И. Г. Георги [1799], Н. И. Страхо-

ва [1810], Н. Я. Бичурина [1991], Н. А. Нефедьева [1834], П. И. Небольсина [1852], К. И. Костенкова [1870], Ф. И. Леонтовича [1879], К. Ф. Голстунского [Монголо-ойратские законы 1640 г.], М. Г. Новолетова [1884], А. М. Позднеева [1886], П. И. Рычкова [1887] и Н.Н. Пальмова [1922].

Советский этап характеризуется попыткой анализа процесса становления и развития государственности у калмыков, когда определяются причины ликвидации Калмыцкого ханства и утверждения системы попечительства над калмыками. Однако ряд вопросов истории калмыцкой государственности и права рассматривался с позиций марксистской догматики. Советский период историографии проблемы можно разделить на два этапа. Для 20–30-х гг. XX в. характерным явилось сочетание работ исследователей традиционного либерально-демократического направления с исследованиями, утверждавшими новые марксистские принципы [Владимирцов 1934]. С конца 1930-х гг. наступило затишье, связанное со сталинскими репрессиями, прерванное лишь с середины 1960-х гг., когда наступил второй этап советской историографии изучаемой проблемы, длившийся до середины 1980-х гг. Особенностью истории Калмыкии на этом этапе являлось то обстоятельство, что вначале создавались обобщающие работы «Очерки истории Калмыцкой АССР» [Очерки истории 1967], монография У. Э. Эрдниева «Калмыки» [1970].

Содержанием современного этапа историографии является возросший интерес к изучению обычаев и традиций калмыков, пересмотр характера истории государственных учреждений в дооктябрьской Калмыкии. В этом контексте надо отметить работы М. М. Батмаева [1993], В. И. Колесника [2003], А. Г. Митирова [1998], К. Н. Максимова [2000, 2002], посвященные широкому кругу проблем, а также коллективный труд «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» [История Калмыкии 2009].

При этом государственные и правовые институты Калмыкии, одного из субъектов Российского государства, остаются на сегодняшний день недостаточно изученными, т. к. рассматривались лишь фрагментарно при анализе политики российского правительства, административно-территориального деления и социальной структуры Калмыцкой степи, ее политических отношений с соседними народами. Предметом исследования данной статьи является система органов государственной власти и управления Калмыкии в составе России в последней трети XVIII – начале XIX в.

После откочевки в 1771 г. значительной части калмыков в Джунгарию Калмыцкая степь стала составной частью Астраханской губернии, в административном отношении подчиняясь астраханскому губернатору. Общее же управление калмыцкими делами возлагалось на специальную структурную часть канцелярии астраханского губернатора — экспедицию калмыцких дел. В ноябре 1775 г. российское правительство провело большую реформу в области местного управления. В результате реформы губернии были разукрупнены, на основе нескольких губерний предусмотрено наместничество или генерал-губернаторство. В соответствии с принципами проводимой реформы в мае 1785 г. было образовано Кавказское наместничество, в состав которого вошли Кавказская и Астраханская губернии вместе с кочующими калмыками. Для управления делами калмыков в 1786 г. распоряжением астраханского губернатора П. С. Потемкина, одновременно исполнявшего обязанности наместника, была учреждена Калмыцкая войсковая канцелярия, преобразованная в 1788 г. в Калмыцкую канцелярию [Пальмов 1992: 116]. В 1796 г. Астраханская губерния выделилась в самостоятельную административно-территориальную единицу со своим административным управлением. Соответственно в 1797 г. было создано Калмыцкое правление, в ведении которого находились улусы торгутов, дербетов, хошутов в составе 13059 кибиток, не считая донских калмыков, что приблизительно равно 60 тыс. человек [Максимов 2002: 154].

В начале XIX в. начинается новый этап развития самоуправления Калмыцкой степи. Император Павел I, рассмотрев поло-

жение калмыков и учитывая возросшую численность населения, пришел к выводу, что калмыцкую проблему следует решать в целом, как единого народа, а не по улусам. Всемиловейшей грамотой от 14 октября 1800 г. Павел I, «утверждая прежние калмыцкие права», назначил наместником «в калмыцком народе нам подданном» Чучея Тундутова, владельца Малодербетовского улуса, а также определил территорию Калмыкии в прежних границах: «...от Царицына по рекам Волге, Сарпе, Сялу, Манычу, Куме и взгорью простирающиеся, и другие места, по коим предместники ваши кочевье имели, опричь тех, кои именными улусами уже пожалованы» [ПСЗ РИ, 26. № 19599: 340]. Вместо Калмыцкого правления для управления и местного судопроизводства при наместнике учреждался суд Зарго в составе восьми человек [Пальмов 1992: 122]. В тот же день была подписана и Жалованная грамота «О свободном отправлении всех духовных обрядов калмыков». Главой калмыцкого духовенства был утвержден Сойбин-бакши [ПСЗ РИ, 26. № 19600: 341].

В штат управления Калмыцкой степи вводилась отдельная должность Главного пристава «при всем калмыцком народе» с помощниками — частными приставами по улусам [Очерки истории 1967: 242; Пальмов 1992: 120]. Это высшее должностное лицо в Калмыкии выступало представителем центральной власти, Коллегии иностранных дел, с правом участия в управлении калмыцкими делами и защиты ее интересов. Главный пристав, имея высокий ранг российского государственного чиновника, был промежуточным, связующим звеном центра с местной властью в целях укрепления исполнительной власти Калмыкии, а также вертикальной власти царской администрации на территории. Основная задача Главного пристава и частных приставов по улусам состояла в консолидации феодальной правящей верхушки, осуществлении надзора в охране порядка, участия в судебных разбирательствах. Кроме того, Главный пристав со своими помощниками обязан был бдительно следить за происходящими процессами в калмыцком обществе и постоянно информировать соответствующие инстанции.

Однако постоянный контроль, мелочная опека и надзор со стороны Главного

пристава Калмыцкой степи Н. И. Страхова за работой наместника, Зарго и его членов вызывали, по всей вероятности, у них недовольство и раздражение. В результате взаимного недоверия и неприязни в центральные органы власти стали поступать жалобы, заявления, как с одной стороны, так и с другой, с обвинениями друг против друга. Н. И. Страхов в письмах и донесениях в Коллегию иностранных дел, вице-канцлеру князю А. Б. Куракину, Главноуправляющему в Грузии и на Кавказской линии князю П. Д. Цицианову вносил предложения о ликвидации должности наместника и реорганизации Зарго, о выработке нового законодательства по управлению Калмыкией.

В сложившейся ситуации во взаимоотношениях между представителем центральной и местной властей и в связи с курсом на укрепление самодержавия Александр I по предложению Коллегии иностранных дел подписал 26 октября 1803 г. Именной указ «О подчинении Главного пристава при калмыцком народе и Суда их Зарго астраханскому военному губернатору», по которому все должностные лица по калмыцким делам должны были обращаться в центральные органы власти только через астраханского губернатора, который наиболее важные вопросы в свою очередь должен был разрешать только с ведома Коллегии иностранных дел. В данном указе не упоминалось о должности наместника Калмыкии, она была просто обойдена молчанием. Таким образом, должность наместника практически упразднилась. В связи с этим улусные владельцы по согласованию с Зарго стали утверждаться императором. Постепенно Зарго был лишен административно-управленческих функций и полностью превращен в судебный орган с ограниченными полномочиями лишь по гражданским делам (с ценой иска от 25 до 5 руб.). Более крупные гражданские дела, а также все уголовные решались в уездных, верхних земских судах, в астраханской губернской судебной палате в соответствии с российским законодательством.

В те же годы были предприняты попытки решить территориальную проблему калмыков с учетом численности населения и его скота, а также с учетом земель, отведенных и розданных помещикам, казенным поселенцам. Именными указами от 31 мая и 12 июня 1803 г. саратовскому гражданско-

му губернатору и Главноуправляющему в Грузии и на Кавказской линии поручалось организовать и провести работу по отводу и закреплению за калмыками земель в Астраханской и Саратовской губерниях. При этом особо подчеркивалось, чтобы калмыки имели доступ к Волге, оставили в прежних размерах территорию для кочевий владельца Тюменя между Ахтубой и Волгой [Пальмов 1992: 120].

Таким образом, можно утверждать с долей уверенности, что император Павел I Всемиловитнейшей грамотой от 14 октября 1800 г. открыл новый период в истории Калмыкии, восстановив ее в качестве субъекта России на правах особой губернии с местным самоуправлением, подконтрольным органам центральной власти. При этом учитывались национальная специфика и традиции, опыт действовавшей системы местного самоуправления и взаимоотношения с центральными органами власти. В организации же административно-территориального управления Калмыкии проявились как наиболее общие признаки, схожие с управлением губернией (конкретная территория; наместник, ответственный перед императором; общесословный суд — Зарго при наместнике), так и наместнического правления; императором назначалось высшее духовное лицо — лама, выступающий и как государственный чиновник. В связи с этим вопрос о восстановлении в этот период Калмыцкого ханства является спорным, поскольку Калмыкия не обладала признаками национального суверенитета и не имела своей определенной системы государственного управления, допускавшей достаточную самостоятельность во внутренних делах [Очерки истории 1967: 242; Бурчинова 1985: 51; Национальные окраины: 53]. В данном случае мы можем говорить скорее о предоставлении Калмыкии статуса административной автономии, нежели политической.

В целом проводимые реформы управления в последней трети XVIII — начале XIX в. свидетельствовали о продолжавшихся поисках путей совершенствования управления, определения правового положения и места Калмыкии в Российском государстве, форм и механизмов взаимоотношений Калмыкии с центральными и соседними губернскими властями.

Источники и литература

- Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особенно из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 г.; предисл. В. Разумовской. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII вв.: события, люди, быт. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 382 с.
- Бичурин Н. Я.* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Изд. 2-е изд. / предисл. В. П. Санчирова. Серия: Наше наследие. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.
- Бурчинова Л. С.* Калмыкия в системе государственного управления России // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. С. 48–56.
- Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 223 с.
- Георги И. Г.* Описание обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд, вероисповеданий и прочих достопамятностей. В IV ч. Ч. IV: О народах монгольских. СПб.: Импер. акад. наук, 1799. 315 с.
- История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1.* Элиста: ГУ «Издательский дом „Герел“», 2009. 848 с.
- Колесник В. И.* Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2003. 285 с.
- Костенков К. И.* Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: Тип. С. Нусвальта, 1870. 170 с.
- Леонтович Ф. И.* К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий (ойратский) устав взысканий (Цааджин-Бичик). Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1879. 286 с.
- Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. 1768–1769 гг. СПб., 1795. Т. 1. С. 448–452.
- Максимов К. Н.* История национальной государственности калмыков (начало XVII–XX вв.). М.: Профиздат, 2000. 312 с.
- Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 524 с.
- Митиров А. Г.* Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.
- Монголо-ойратские законы 1640 г.*, дополнительные указы Галдан-хун-тайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши / калм. текст с рус. пер. и примеч. К.Ф. Голстунского. СПб.: Тип. АН, 1880. 143 с.
- Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов.* М.: Славянский диалог, 1998. 416 с.
- Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 190 с.
- Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 277 с.
- Новолюбов М. Г.* Калмыки: исторический очерк. СПб., 1884. 79 с.
- Очерки истории Калмыцкой АССР: дооктябрьский период.* М.: Наука, 1967. 479 с.
- Паллас П. С.* Путешествия по разным провинциям Российской империи. СПб.: Тип. при Импер. АН, 1773. 657 с.
- Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922. 2-е изд. Элиста: Калм. гос. изд-во, 1992. 137 с.
- Позднеев А. М.* Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 244. Отд. 2. С. 140–171.
- Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (1649–1825).* В 45 тт. Т. 26. СПб.: Тип. 2 Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 875 с.
- Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург: изд. на ср-ва Ф.И. Базилевского, 1887. 406 с.
- Страхов Н. И.* Нынешнее состояние калмыцкого народа с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства. СПб.: Тип. Шнора, 1810. 23 с.
- Эрднеев У. Э.* Калмыки: историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.

УДК 940.2 (470.47)
ББК 63.5 (2 Рос-Калм)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КАЛМЫКОВ-ЦОХУРОВ*

В. В. Батыров

В XVII в. пришедшие из Центральной Азии ойраты образовали в степях Нижнего Поволжья новое кочевое государство — Калмыцкое ханство. Административная система ханства была основана на улусном делении, где улусы выступали как административные единицы и в то же время как исторически сложившиеся этнические группы. Это часто отражалось в наименовании улуса, как, например, Дербетский или Хошутский. Улусы как административно-политические и этнические подразделения, отмечал исследователь Г. О. Авляев, сохранялись у калмыков до начала XX в. [Авляев 1973а: 137].

С конца XVII в. в истории Калмыцкого ханства появляется такое административное подразделение, как Цохуровский улус. Цохуры (калм. *цоохр*), признавая свою принадлежность к субэтносу торгутов, называли себя «*цоохр-торхуд*» (букв. «пестрые торгуты») [Авляев 1994: 110]. Примерно в конце XVII — начале XVIII в. цохуровские калмыки разделились на 2 улуса (Икицохуровский и Багацохуровский). Территории кочевий цохуровских улусов окончательно установились в конце XIX в.

Вопрос об административной структуре Калмыцкого ханства получил широкое освещение в монографических исследованиях П. С. Преображенской, И. Я. Златкина, М. Л. Кичикова, У. Э. Эрдниева и других историков [Преображенская 1963; Златкин 1964; Кичиков 1962; Эрдниев 1985]. Переселение на Волгу различных ойратских объ-

единений (торгутов, дербетов, хошутов и др.) в течение XVII и 1-й половины XVIII вв. и их расселение в конце XIX — начале XX в. рассмотрены в работах Г. О. Авляева [Авляев 1994; 1973б].

В настоящее время узость источниковой базы не позволяет дать полноценное описание истории Цохуровского улуса. Так, М. М. Батмаев отмечал: «согласно росписи генерал-лейтенанта И. Ф. Барятинского (1733 г.) <...> из крупных улусов — этнических групп торгутов — остаются без своего определенного, если так можно выразиться, местонахождения цохуры: никаких сведений на этот счет нам в архивных и прочих материалах обнаружить не удалось» [Батмаев 2002: 124].

Одним из первых историю цохуровских улусов затронул историк Г. О. Авляев, который в своей статье «Этнический состав и расселение калмыков Икицохуровского улуса Астраханской губернии в конце XIX и начале XX в. (на базе полевых исследований)» указывал, что проблема этнического состава и расселения калмыков не получила достаточного освещения в исторической науке [Авляев 1973б: 108]. Сложность проблемы усугублялась тем, что уход большинства торгутов и хошутов в Джунгарию и последующая за ним ликвидация Калмыцкого ханства в 1771 г. послужили причиной существенных трансформаций в структуре этнополитических объединений.

Рассматривая вопрос о названиях калмыцких улусов, Г. О. Авляев утверждал,

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез», подпрограмма «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе» (проект «Ойратский мир: география расселения народов и топонимика». (2009–2011 гг.)).

что «каждый калмыцкий улус имел свое этническое наименование («особливое свое звание»)» [Авляев 1973: 137]. Однако, затрагивая происхождение этнонима «цохур-торгут», ученый отмечал, что указанный этноним распространен среди ойратов Синьцзяна, Алашани, Ганьсу, Цинхая, Западной Монголии. Позже Э. П. Бакаева, рассматривая одну из этнических групп цохуров, пришла к выводу, что наиболее «прозрачная» этимология слова *цоохр* (пестрый) вполне может быть связана с его многокомпонентным этническим составом [Бакаева 2008]. Но в целом значение термина «цохур» остается до настоящего времени не вполне ясным и изученным. Интересным представляется тот факт, что этноним цохур не встречался нам в исторической литературе, посвященной событиям XVII в.; первые упоминания о цохурах датируются только началом XVIII в. [Сусеева 2003: 32].

Известная история Ики- и Багацохуровского улусов начинается с сына калмыцкого хана Аюки (ум. в 1724 г.) — Гунджаба¹, который в архивных документах часто упоминается как первый владелец цохуровских улусов [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 188. Л. 55]. Калмыки-цохуры составляли улус Гунджаба, которому хан Аюка передал их во владение. Это отчасти подтверждает А. В. Цюрюмов: «... в 1699 г. после смерти ханских братьев Замсы и Араптана Аюка разделил их улусы между своими сыновьями от разных матерей» [Цюрюмов 2005: 24].

Историк Габан Шараб в «Сказании об ойратах» указывал, что у хана Аюки было два младших брата, которые умерли бездетными [Лунный свет 2003: 85]. Б. У. Тюмень в своем «Сказании о дербен-ойратах» также указывал на наличие у Аюки двух младших братьев Йеке Чжамсо и Норбо Чжамсо² [Лунный свет 2003: 136]. К тому же этнический состав улусов умерших братьев хана остается неизвестным. В результате наиболее крупный улус был передан во владение Гунджабу, который для того, чтобы получить его, даже вступил в законный брак с вдовой бывшего владельца улуса Араптана.

¹ В исторической литературе встречается разные варианты написания его имени: Гунджаб, Гунжеп, Гунжап, Гунжип, Гунджип.

² Чжамсо — один из возможных вариантов написания имени Замса, встречающийся в источниках.

Передача большей части кибиток в руки Гунджаба при старшинстве другого ханского сына Санджаба³ (от другой жены) привела к неизбежному конфликту. В 1701 г. конфликт между ханом Аюкой и поддерживающим его Гунджабом, с одной стороны, и наследником хана Чакдорджабом и поддерживающим его Санджабом, с другой стороны, перешел к открытой усобице, в результате которой Чакдорджаб захватил улус Гунджаба [Цюрюмов 2005: 24]. После этого бывший улус Замсы был отдан Санджабу и позже уведен им в Джунгарию, а улус Араптана остался во владении Гунджаба.

В дальнейшем Гунджаб разделил оставшийся улус между своими двумя сыновьями. Это подтверждается архивными документами. Так, в одном из них дается краткая справка о владельцах цохуровских улусов в XVIII в.: «Гунжеп — у него два сына:

1. Дондук Омбо (дети князь Алексей и Иона Дондуковы).

2. Бокширго (дети Никба и Асархо) — Никба (его сын Маши, у Маши сын Мукукен); Асархо (Дети Цаган Кичик и Цебек Убаша)» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 188. Л. 55].

Старший сын Дондук-Омбо⁴ получил в надел Багацохуровский улус (т. е. малый Цохуровский), а младший — Бокшурга (Бокширго) — Икицохуровский (т. е. большой Цохуровский).

Указанные сведения подтверждаются в письме, поданном астраханскому губернатору М. М. Жукову от икицохуровских владельцев Маши и Цаган Кичика 19 января 1782 г., в котором дается список владельцев Икицохуровского улуса: «... Аюки хана сын владелец Гунджип имел у себя двух сынов Дондук Омбу и Бокширгу. Бокширго имел два ж сына Нингбу и Асарху, Нингбин сын, я владелец Маши, а Асархин сын Цаган Кичик» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 160. Л. 7]. Знаменательно, что и в этом письме первым владельцем Цохуровского улуса называется сын хана Аюки — Гунджаб.

В августе 1743 г. произошел раздел Багацохуровского улуса между детьми и внуками умершего в 1741 г. хана Дондук-Ом-

³ В исторической литературе встречается разные варианты написания его имени имени этого сына Аюки: Санджаб, Санжип, Санджип.

⁴ В исторической литературе встречаются разные варианты написания: Дондук-Омбо, Дондук Омбо, Дундук Омбо.

бо, в связи с чем по решению наместника ханства Дондук-Даши был составлен реестр всем подразделениям улуса. В состав улуса входили Ики и Багазюны, Ики и Багазапсоры, Ики и Багабаруны, Зубак хонхоты, керети, берюсы (бересы), гурбаты, харнуты, батуты, шабаты, шобучинеры, Ранжибай цоржиновы шабинеры, бурхановы шабинеры, цорджин шабинеры [Батмаев 2002: 120]. Часть указанных подразделений имеет наименования, которые больше говорят о социальном статусе (шабинеры, шобучинеры) подвластных, чем об их принадлежности к этническим группам. Названия таких групп, как зюны, запсоры и баруны, свидетельствуют о том, что они также не являются этническими группами. Соответственно реестр подразделений Багацохуровского улуса не дает возможности выявить настоящие этнические группы, входящие в состав улуса. Все вышесказанное позволяет предположить, что цохуровские улусы изначально не являлись единым этнополитическим объединением, в отличие от большинства калмыцких улусов.

О том, что в XVIII в. все торгутские улусы подразделялись на три части: барун (правый), зюн (левый) и забсор (промежуток), можно сделать вывод из сообщения икицохуровских владельцев Асархо и Маши, которые в своем письме на имя астраханского губернатора Н. А. Бекетова от 29 января 1771 г. писали: «... торгоутовы улусы разделялись на три части и именовались Бароны, Зены, Забсор, от оных здесь остатков» [НА РК. Оп. 1. Ф. 35. Д. 36. Л. 20]. Возможно, такое деление торгутских улусов связано с военной организацией триадного типа эпохи Чингис-хана [Стратанович 1974].

Косвенные сведения о том, что в XVIII в. цохуры среди калмыков не воспринимались как этническая группа, приводятся в письме хана Церен-Дондука от 15 августа 1731 г.: «Вернулся мой посланник, который был послан к зюнам и цохорам» [НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 41. Л. 113], т. е. название административной единицы зюн (от *зун* — «левый»), которое обозначало часть Калмыцкого ханства, ставилось в один ряд с цохурами.

В том, что цохуры представляли собой ранее не этническую, а административную единицу, можно также понять по архивному делу, в котором рассматривается распря

между зайсангами Икицохуровского улуса. В 1780 г. произошел конфликт харахусовских зайсангов Цебека Баджингина и Цебека Габунг Дарджина, которые принадлежали икицохуровскому нойону Асархо, с подвластными владельца Маши зайсангами Церин Дарджей и Даргуном зюнгарова рода. Не вдаваясь в подробности этого конфликта (в жалобе указывалось на то, что «еке цохуровы калмыки согласились их убить и аймаки их разделить по себе»), мы должны отметить тот факт, что харахусовские зайсанги называли зайсангов и их аймачных людей из этнической группы зюнгар «природные еке цохуровы калмыки» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 160. Л. 1, 57]. Из этого краткого замечания мы можем сделать вывод о давно сложившемся преобладании зюнгарского этнического компонента в Икицохуровском улусе, потому что харахусовские зайсанги называли зюнгаров «природными цохурами».

Этот вывод подтверждается в другом письме, в котором те же харахусовские зайсанги упоминают, что их «яко вновь доставшихся подвластных ни во что вменять, а старых своих подвластных (т. е. зюнгаров-цохуров), хотя б они и противное что учинили в милости содержать» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 160. Л. 1об.]. Следовательно, зюнгары находились в составе цохуров достаточно длительный период, поэтому и назывались «природными цохурами». Учитывая же массовые приходы групп населения из Джунгарского ханства в XVIII в. (под руководством Шеаренга и других владельцев в 1758 г.) и тот факт, что упоминание названия «цохур» в исторической литературе по XVII в. нами не встречалось, предположительно появление данного термина можно датировать это концом XVII в.

В традиционном правовом поле кочевого общества устное подтверждение своих слов зачастую не требовало каких-либо официальных бумаг. Говоря о степени достоверности устного источника, необходимо отметить, что, упоминая калмыцкую действительность XVIII в., невозможно однозначно утверждать, что такой источник менее надежен, чем письменные источники. В калмыцком традиционном обществе устная традиция считается актуальной; она существует только «здесь и сейчас»; на пути ее трансляции могут встретиться преграды,

которые незнакомы письменному тексту (субъективные искажения, смерть носителя информации), но, с другой стороны, устная традиция распространяется сразу среди всего населения и позволяет сохранить в коллективной памяти наиболее значимые моменты. Следовательно, зафиксированные в материалах архива устные сведения современников о цохуровских улусовладельцах обладают определенной степенью достоверности.

В пользу того, что цохуровские улусы не являлись этническим подразделением, говорит тот факт, что уже в середине XIX в. К. И. Костенков в своем «Списке калмыцким родам и аймакам» не указывает ни одного рода, который бы включал в название слово «цохур» [НА КИГИ РАН. Ф. 6. Оп. 2. Д. 366. Л. 101—108]. Более того, в том же списке отчетливо просматривается преобладание зюнгарских родов в Икицохуровском улусе.

Это можно подтвердить сведениями из другого архивного документа, в котором рассматривались вопросы раздела оставшихся калмыцких семей после ухода большей части калмыков в 1771 г. в Джунгарию. Так, в нем отмечалось, что у князя А. Дондукова, владельца Багацохуровского улуса, в подчинении были древние ики- и бага-зюнгары забсоровых улусов, что явно говорит о том, что эти зюнгары пришли на Волгу намного раньше гибели Джунгарского ханства [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 36. Л. 304—305].

Суммируя полученные сведения, мы можем предположить, что свое название Цохуровский улус получил после смешения групп населения из улусов, оставшихся без нойона в конце XVII в. К примеру, такие группы оставались после захвата в 1671 г. улусов тайши Аблая ханом Аюкой и включения этих улусов в состав подвластных Аюки [Бакунин 1995: 23; Шовунов 1991: 120]. Об этом же сообщал и Г. О. Авляев: «... все аймаки Икицохуровского улуса характеризуются значительной смешанностью населения. ... Смешанный состав аймаков отражает сложную этническую историю этносоциальных групп калмыков» [Авляев 1973б: 126]. Затем улус был передан ханом Аюкой во владение своему сыну Гунджабу.

Дальнейшая судьба цохуровских улусов резко изменилась после того, как в 1771 г. большая часть калмыцкого народа во главе с наместником ханства Убаши покинула пределы Российской империи и ушла в Джунгарию. А. Г. Митиров писал: «Впереди со своими воинами шел багацохуровский Цебек-Дорджи с братьями» [Митиров 1991: 7]. Однако не все цохуры покинули Россию. Так, на берегу р. Яик (р. Урал) были остановлены икицохуровский нойон Асархо и его племянник Маши с улусами и возвращены к Волге. Бага-цохуры, принадлежавшие князьям Дондуковым, тоже остались почти в полном составе.

В конце XVIII в. разрешился вопрос об управлении цохурами. Как указывалось в документах, «...в прошлом 1762 году присланным из государственной коллегии иностранных дел к бывшему в Астрахани губернатором г-ну ... Неронову Ея Имп. Вел. Указом велено отдать собственной хана Дондук-Омбы улус наследственной детям Ея (т. е. Веры Дондуковой) князю Ионе и Алексею Дондуковым состоящим в тысячи осми стах шестнадцати кибиток и ныне по последней переписи в том улусе состоит 3086 кибиток и которой им и отдан, и один из них Дондуковых князь Алексей отпущен был для житья и управления оным улусом в крепость Енотаевскую, а князь Иона Дондуков в Санкт Петербурге умре, после его осталась малолетняя дочь при матери своей княгине Дондуковой, жительствующей в Санкт Петербурге, и она малолетняя дочь к наследству после отца и дяди ближайшей наследницей состоит» [НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 188. Л. 5]. Рубежным событием в истории Багацохуровского улуса стала смерть последнего улусовладельца А. Дондукова.

Таким образом, можно предположить, что именно с историей цохуров связана двойственная самоидентификация зюнгаров Калмыкии, когда одни зюнгары позиционируют себя как зюнгар-торгуты, а другие только как зюнгары, активно противопоставляя себя торгутам [Шантаев 2009]. Ведь зюнгары Калмыкии разделяются на «древних» зюнгаров, которые пришли в степи Нижнего Поволжья в конце XVII в., и на зюнгаров, которые пришли в калмыцкие улусы позже, после разгрома Джунгарского ханства в XVIII в.

Анализ сложной и запутанной истории позволяет сделать вывод, что цохуры не были изначально этническим образованием, а являлись смешанной по составу группой (включавшей самые разные этнические подгруппы), которая в конце XVII в. и составила новый Цохуровский улус. Соответственно, можно предположить, что сборная группа цохуров образовалась в конце XVII в., и первым ее владельцем их стал сын хана Аюки Гунджаб. Объединение различных этнических групп в составе двух родственных улусов в конечном итоге привело к возникновению новых этнических групп — ики- и бага-цохуров.

Источники

- Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. 35. Оп. 1. Д. 36, 160, 188; Ф. 36. Оп. 1. Д. 41.
Научный архив КИГИ РАН (НА КИГИ РАН). Ф. 6. Оп. 2. Д. 366.

Литература

- Авляев Г. О.* К вопросу о системе этнических делений в быту калмыков // *Этнографические вести*. Элиста, 1973. № 3. С. 135–143.
Авляев Г. О. Опыт классификации калмыцких этнонимов // *Этнографические вести*. Элиста, 1973а. № 3. С. 127–134.
Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX – 1 четверть XVIII вв.). М.; Элиста, 1994. 248 с.
Авляев Г. О. Этнический состав и расселение калмыков Икицохуровского улуса Астраханской губернии в конце XIX и начале XX в. (на базе полевых исследований) // *Этнографические вести*. Элиста, 1973б. № 3. С. 108–126.
Бакаева Э. П. К проблеме происхождения этнических групп калмыков-цохуров (на примере «уужахн») // *Проблемы этногенеза и этнической истории тюрко-монгольских народов*. Вып. 2. Элиста: КалмГУ, 2008. С. 196–202.
Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского и поступков их ханов и владельцев: Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. 153 с.
Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.
Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1964. 335 с.
Кичиков М. Л. К истории образования Калмыцкого ханства в составе России // *Записки Калмыцкого НИИЯЛИ*. Вып. 2. Элиста, 1962. С. 31–60.
Лунный свет: калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.
Митиров А. Г. О разделе калмыков по улусам // *Хальмг үнн*. 1991. 24–25 декабря (жилин барсарин 24–25). №241–242. С. 7.
Преображенская П. С. Калмыки в первой половине XVII в. Принятие калмыками (торгоутами и дербетами) русского подданства: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1963. 26 с.
Стратанович Г. Г. Военная организация триадного типа и ее судьбы // *Проблемы алтаистики и монголоведения: мат-лы Всесоюз. конфер.* (Элиста, 17–19 мая 1972 г.). Вып. I. Элиста, 1974. С. 220–230.
Сусеева Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 423 с.
Цюрюмов А. В. Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста: НПП «Джангар», 2005. 160 с.
Шантаев Б. А. Родовая структура зюнгар // *Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов*. Вып. 1. Элиста: КИГИ РАН, 2009. С.140–145.
Шовунов К. П. Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.
Эрдниев У. Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1985. 282 с.

УДК 39 (4/9)

ББК 63.5(2)

**КАЛМЫКИ, НОГАЙЦЫ И ДРУГИЕ НАРОДЫ
ВОЛГО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА В СОЧИНЕНИИ
ЯНА ПОТОЦКОГО «ПУТЕШЕСТВИЕ В АСТРАХАНЬ»**

А. А. Бурькин

Среди описаний путешествий к калмыкам, народам Волго-Каспийского региона и Кавказа особое место занимает сочинение Яна Потоцкого (Ивана Осиповича Потоцкого) (1761–1815) «Путешествие в степи Астрахани и на Кавказ» (*Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase*). Этот труд, написанный выдающимся ученым, путешественником, дипломатом, имеет необычную судьбу в истории науки и по существу только недавно он оказался оцененным по достоинству учеными-историками и этнографами. Между тем заметки Яна Потоцкого о путешествии в Астрахань являются и надолго останутся ценным источником по этнографии калмыков и ногайцев не только потому, что они опережают по времени специальные сочинения, посвященные калмыкам, которые начинают появляться с 1800-х гг. — одним из первых примеров их является книга Н. И. Стрхова. Эти этнографические описания принадлежат одному из образованнейших людей своего времени, выдающемуся путешественнику, труды которого формируют основы русской науки о народах мира и польской этнографической школы.

Ян Потоцкий родился 8 марта 1761 г. в Пикове под Винницей. Отцом его был коронный кравчий граф Юзеф Потоцкий, мать — Тереза Оссолинская. Вместе со своим младшим братом Северином он провел годы юности в Женеве и Лозанне, где получил блестящее и разностороннее образование. Затем последовали годы обучения в Венской военно-инженерной академии.

В 1783 г. Ян Потоцкий женился на княжне Юлии Любомирской, дочери великого коронного маршала Станислава и племянницы князя Адама Казимежа Чарторьского (1734–1823), генерала земель подольских, писателя, крупного политического деятеля.

С юных лет Ян Потоцкий приобрел страсть к путешествиям. Еще юношей, состоя в рядах армии Священной Римской империи, он побывал в Италии, Сицилии,

на Мальте и в Тунисе. Вскоре после этого путешествия Потоцкий отправляется в Турцию и Египет, а затем некоторое время живет в Голландии и Франции. Об этом путешествии он написал книгу «Путешествие в Турцию и Египет». В 1797–1798 гг. Потоцкий совершает путешествие в Астрахань и на Кавказ. В 1805 г. в чине тайного советника Российской империи Потоцкий направляется на Дальний Восток в составе дипломатической миссии графа Ю. А. Головкина, возглавляя научную экспедицию посольства. Официальной целью миссии являлось извещение маньчжурского императорского дома о вступлении на трон Александра I. Однако эта миссия закончилась неудачей. Еще в Урге (по некоторым сведениям даже в Кяхте), цинские чиновники потребовали от посла исполнить церемонию коленопреклонения перед табличкой с именем императора. Посол отказался исполнить это требование. В результате дипломаты вынуждены были возвратиться в Россию. Официальный рапорт он предоставил тогдашнему министру иностранных дел Российской империи князю Адаму Чарторьскому (1770–1861). В 1806 г. Я. Потоцкий был избран почетным членом Императорской Академии Наук.

Ян Потоцкий известен прежде всего как автор лабиринтоподобного романа в новеллах «Рукопись, найденная в Сарагосе» (1804), который приобрел огромную популярность уже в XX в. и принес автору всемирную славу. История публикации этого романа очень сложна и до сих пор до конца не прояснена. Первые главы «Рукописи» анонимно появляются в Петербурге на русском языке в 1804 г., но печатание второго тома было прервано автором в 1805 г. В 1810 г. в Лейпциге был издан первый том этого романа в переводе на немецкий язык, затем отдельные части появлялись при жизни писателя. На польском языке этот роман был опубликован в Лейпциге в 1847 г. переводчиком Эдмундом Хоецким, у которого

имелся полный французский оригинал текста, однако данный текст, лежащий в основе польской версии романа, так и не был обнаружен. Другие литературные произведения Я. Потоцкого (в частности, ему принадлежит сборник пьес) менее известны. Наряду с литературным творчеством Я. Потоцкий занимался историческими и археологическими исследованиями. Современники считали его талантливым историком, лингвистом, географом, этнографом, археологом и естествоиспытателем. Ему принадлежит около 24 больших трудов, а его менее объемные сочинения, как кажется, до настоящего времени не собраны и не изучены в историографии литературы и науки.

2 декабря 1815 г. Я. Потоцкий вызвал своего капеллана и велел ему благословить серебряный шарик. Затем он удалился в библиотеку, вложил этот шарик в ствол пистолета и выстрелил себе в висок. О причинах этого во многом загадочного самоубийства спорят до сих пор. В качестве одной из причин называются мучившие его головные боли, в качестве другой — утрату надежд на суверенитет Польши после Венского конгресса 1814 г. [Биография; Петров {Половцов}; Потоцкий, Ян; Ян Потоцкий].

История изданий интересующего нас сочинения Я. Потоцкого о путешествии в Астрахань и на Кавказ запутана едва ли не менее чем история публикации и текстовых источников его знаменитого романа «Рукопись, найденная в Сарагосе». Считается, что первое издание его вышло в 1829 г. в Париже под редакцией и с комментариями Ю. Клапрота [Voyage de Jean Potocki 1829]. Однако в библиографии к статье «Калмыки» Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона [Позднеев 1895: 64] имеется указание на гораздо более раннюю, и, что очень важно, прижизненную публикацию об этом путешествии Потоцкого — «Voyage dans la Russie meridionale et dans les pays du Caucase», J. Potocki [Voyage dans la Russie 1798], самая информация о которой остается без должного внимания.

После публикации французского текста «Путешествия» Я. Потоцкого 1829 г. на страницах журнала «Северный архив» появляется русский перевод этого сочинения [Потоцкий 1828]. Позднее оно перепечатывается в Астрахани [Потоцкий 1896], чему предшествует небольшая публикация [Путешествие 1895]. В XX в. «Путешествие в Астрахань» Я. Потоцкого было напечатано

в 1936 г. в антологии известий путешественников о Поволжье [Исторические путешествия 1936], а в 1974 г. — в составе источников о народах Кавказа [Потоцкий 1974]. В 2003 г. новое издание русского текста сочинения Я. Потоцкого было подготовлено Е. Л. Сосниной [Соснина 2003], опубликовавшей и продолжающей публиковать статьи о Я. Потоцком как исследователе этнографии народов юга России и Кавказа и одним из первых русских востоковедов [Соснина 1997; 2010].

По странным причинам имя Яна Потоцкого оказалось малопопулярным среди этнографов и историков-калмыковедов. Возможно, причиной этого явилась не вполне одобрительная оценка его сочинения в книге У. Э. Эрдниева [Эрдниев 1985], которая остается основополагающим трудом в области этнографии калмыков. Тем не менее «Путешествие в Астраханские степи и на Кавказ» Я. Потоцкого в наши дни используется в качестве источника в ряде диссертаций по калмыковедению, появившихся в последние годы [Дорджиева 2010; Васильева 2010], хотя несравненно более активно оно используется в исследованиях по этнографии народов Кавказа [Шалалыгин 2005; Конаков 2005] и Поволжья [Шкердина 2004].

Наблюдения Я. Потоцкого в области этнографии калмыков могут показаться несистематичными, однако они имеют первостепенный интерес тем, что принадлежат одному из образованнейших людей своего времени, тонкому знатоку Востока как по собственным путешествиям, так и по ученым трудам его времени.

Так, интересно описание внешности, головных уборов и причесок калмыков, вписывающееся в контекст знаний о Востоке на рубеже XVIII—XIX вв.: «27 <мая 1797 г.>. — Я переехал реку Царицу и очутился в Азии; по крайней мере, большая часть географов полагает эту речку границей между сею частью света и Европою. Калмыки как будто хотели подкрепить это мнение; они раскинули по ту сторону реки свои палатки, из коих выглядывали их азиатские лица. Они совершенно походят на китайцев, нарисованных на китайских бумажках; шапки их точно грибы; с верхушки головы висят у них длинные косички: у мужчин одна сзади; у женщин две и падают на грудь» [Исторические путешествия 1936: 202].

Достаточно значимо для истории калмыковедения описание Сарепты глазами Яна Потоцкого: «Отсюда я поспел в три часа в Сарепту, колонию, где мирные моравские братья вводят свою промышленность между дикарями; этот город — самое лучшее место для узнавания нравов и истории калмыков. Большая часть братьев знает язык их: некоторые даже пишут на нем, потому что по целым годам следуют за ордами; есть даже такие, которые забавляются списыванием калмыцких книг. В этих книгах нет ни языка, ни букв тибетских; они писаны монгольским наречием, которым говорят калмыки. Буквы их также имеют оттенок монгольских» [Исторические путешествия 1936: 202]. Сказанное здесь трудно объяснить: либо эти моравские братья не особенно интересовались рукописями и книгами на тибетском языке у калмыков, отдавая предпочтение книгам на «тодо бичиг», либо в какие-то периоды истории книги на тибетском языке были у калмыков весьма малочисленными.

Не может не привлечь внимания описание колонии переселенцев с верховьев Волги, которую довелось увидеть путешественнику: «Скоро прибыли мы к деревне, где весь берег покрыт был людьми, которых одежда была мне совершенно незнакома. Я узнал, что то была колония татар, чуваш, мордвы, недавно туда переселившихся. Работники вышли на берег нанять лодку, чтобы съездить за тою, которую они оставили на дороге. Я воспользовался этим случаем, чтобы посмотреть народы, которые знал только по имени. Большая часть жителей деревни были татары, весьма плохо одетые. Женщины напротив того, были чрезвычайно разряжены, набелены и нарумянены. Холстинная одежда чуваш украшена богатыми цветными бордюрами, изображающими наиболее кресты всех видов. Мордовки, особенно девки, одеваются чрезвычайно странно и фантастически. В ушах носят они большие куски шерсти; в волосы вплетают колокольчики, на шею повязывают большие медные бубенчики. Они чрезвычайно дики; как скоро мы к ним подходили немножко поближе, они тотчас убегали и прятались в домах. К этой странной смеси народов присоединялись еще русские рыбаки и калмыки, которые нанимаются в пастухи» [Исторические путешествия 1936: 203–204].

Наблюдения Я. Потоцкого над бытом калмыков содержат интересные факты со-

циальной дифференциации калмыцкого общества конца XVIII в., находящей свое проявление в предпочтительных формах культуры и быта: «8 <июня 1797 г.>. — Мы прошли мимо острова, на котором поразило нас нечто весьма примечательное; то был прекрасный дом, недавно построенный калмыцким князем; имя его Тюмень; ему первому опротивела жизнь кочевая. Однако ж он все еще и ныне проводит часть лета под палаткою и остался верным ламайской религии» [Исторические путешествия 1936: 207].

Далее путешественник продолжает: «13-го августа приехал я казачьей почтой в Замянск, где встретил людей калмыцкого князя Тюменя; они поехали вперед, чтобы уведомить его о моем прибытии. Я поплыл вверх по Волге в лодке, в которой гребли двое казаков, и через несколько часов был уже в орде. Князь встретил меня при входе в палатку, для меня приготовленную. Она была украшена китайской материей и в ней стояла хорошая постель. Мне подали ужин, приготовленный по-европейски; Тюмень и его сын разговаривали со мною весьма свободно по-русски; последний учился в Астрахани и довольно образован.

Слово палатка, которое я употребляю для означения подвижного жилища калмыков, так же не точно как и русское название кибитка, потому что эти хижины сделаны из решеток, покрытых войлоком. Их разбирают и складывают на верблюдов. Можно разобрать решетки, так же как и ивовые жердинки, называемые фулен¹. Калмыки называют эти жилища гир². Татарские хижины делаются почти также, но только бывают меньше; татары называют их кара-чу» [Исторические путешествия 1936: 211–212]. Здесь наше внимание привлёк последний термин, возможно, как-то связанный с названием архаического жилища жолом³ «жоломейка» у монголоязычных народов.

Безусловно, ценны описания религиозных обрядов калмыков XVIII в., которые мог наблюдать Я. Потоцкий: «14-го августа меня разбудила китайская музыка; я тотчас

¹ Возможно, имеется в виду кит. *liū fū*, где *liū* — ‘ива’; *fū* имеет ряд значений, среди которых ‘палаты; дворец; резиденция’ — *прим. ред.*

² Калм. *гер* — кибитка, юрта — *прим. ред.*

³ Калм. *жолм* — джолум, название жилища у монгольских народов — *прим. ред.*

встал и пошел смотреть, как гелонги⁴ <sic!> молятся. Их было человек тридцать в гире. Они пели гимны с аккомпаниментом музыкальных инструментов, которые были мне совершенно незнакомы, потому что я видал их часто на китайских обоях. От времени до времени гелонги делали горлом движение, как будто хотят плюнуть. Кроме этого ничто не нарушало однообразности их пения, которое продолжалось с час. Всего более поразило меня то, что у всех гелонгов были толстые здоровые лица, составлявшие совершенно противоположность с лицами калмыков, которые все, не исключая даже и князей, худы и желты.

Потом пошли мы в гости к ламе, который по старости своей уже не присутствует при молитве; может быть, этого не дозволяет ему и достоинство. Все в его гире было на образец китайский и действительно получено оттуда. Лицо его совершенно соответствовало всему окружающему; оно совершенно напоминало мне пагоды, которые прежде украшали наши камины. Его почитают образцом святости и источником мудрости. Я показывал его святейшеству сочинение отца Георги. Жрец читал весьма свободно тибетские слова, в нем находящиеся и удивлялся, что в Европе есть книги, писанные на этом священном языке, и еще более дивился привилегиям, которые великий лама даровал миссионерам. Я представил ему молодого моего воспитанника, как потомка Амурфаны⁵. Жрец, кажется, сначала сомневался в справедливости сего происхождения; но когда я ему сказал, что Амурфана прижил в Сибири сына, который был отвезен в Польшу, женился там и у него родился этот сын; что, наконец, у меня хранятся все бурханы или идолы, принадлежавшие сему джунгарскому князю, то он начал глубоко размышлять и, наконец, признался, что рассказ мой весьма правдоподобен. Воспоминание о блестящем дворе князя Контайше⁶, при котором он провел свою молодость, так растрогало этого старика, что я принужден был сократить мое посещение; мне после сказывали, что по уходе моем он горько плакал» [Исторические путешествия 1936: 212]. Наблюдения в

⁴ От тиб. *dge-slong* — буддийский монах, принявший все обеты — *прим. ред.*

⁵ Речь, скорее всего, идет о хойтском князе Амурсане — *прим. ред.*

⁶ Скорее всего, здесь речь идет о хунтайджи — *прим. ред.*

этой сфере продолжают далее: «Утром 15 числа я срисовал бурханы или истуканы в часовнях, кибитки и все, что принадлежит к ламайскому богослужению. Все было весьма богато; бурханы украшены жемчугом; музыкальные инструменты обделаны серебром и драгоценными камнями.

Духовенство чрезвычайно многочисленно. В этой орде, состоящей только из тысячи гиров или 3000 душ, духовных всех классов считается 220 человек; но они люди не бесполезные; одни обучают юношество; другие искусны в медицине и особенно в познании простых лечебных средств. Гелонги сии не имеют нужды просить милостыни, народ, без их просьбы, приносит им все нужное.

После обеда присутствовал я при духовной церемонии, совершенно отличной от первой. Гелонги одеты были в небольшие, но весьма богатые мантии; на них были передники из китайской материи и драгоценные митры, украшенные фигурами. Костюм их походил на одеяние китайских бонз. При этом не играли ни на каком инструменте; всякий монах держал в левой руке медную гремушку, а в правой орудие, которого я не знаю ни имени, ни употребления; у каждого была сверх того медная чаша и семена, завернутые в холстину. Перед молитвой они держали пред глазами кусок тафты, потом бормотали потихоньку какие-то слова, производя по временам звук, который я заметил накануне. Иногда они складывали руки, точно так, как мы, когда молимся, потом бросали семена на воздух. Один из них встал, зажег на алтаре фимиам, взял сосуд, в котором был пух, налил из него какую-то желтую жидкость в раковину, а оттуда разлил ее в чашки всех монахов; они ее пили, намочили ею лоб, а остальное поднесли богам. Все сия обряды производились, кажется, по установленному порядку; так как они кончились нескоро, то я имел время срисовать монахов и место, где они находились» [Исторические путешествия 1936: 214]. И далее: «23-го числа я возвратился в орду довольно поздно; я видел многочисленные обряды, с которыми гелонги объявили пост, называемый Матрег [мацг, явная опечатка или неверно прочитанное в латинице слово. — А.Б.].» [Исторические путешествия 1936: 217–218]. К сожалению, путешественник не дал описания этих обрядов.

Эта тема имеет еще одно продолжение: «Сегодня, 24-го числа, во всей орде и

между прочим у княгини Нурджаны производились разные обряды ламайской веры. У нее на коленях была книга, состоящая из отдельных листов, которые она раздавала всем присутствующим, и они пели написанное в оных как священную песнь. В других гирах также пели и вертели курдесы⁷, род клепала; у ламаитов это занятие стоит молитвы.

Я ходил прощаться с ламою; и говорил с ним о дворе Галдан-Церенга, при котором этот первосвященник в молодости жил. Он мне сказывал, что народонаселение четырех калмыцких поколений полагали в это время в 300.000 гиров или по русскому счислению в 18 600.000 душ. Сверх того, татар, повинующихся Кентайше⁸, в Малой Бухарин могло быть душ 400.000. Татары сии совершенно походят на астраханских, живут в городах и возделывают сады. Галдан-Церенг вызвал многих из них, чтобы развести сады по берегам реки Или. В этой стране есть также гора Богдо-Ула, которой гелонги поклоняются» [Исторические путешествия 1936: 217–218]. Здесь оказались зафиксированными и обрядовая практика, и знания, которым обладали ламы в конце XVIII в.

Не может быть оставлен без внимания факт просвещенности и образованности женщин из представителей высших сословий калмыков: «Когда я возвратился от духовного начальника, князь Тюмень представил меня княгине Нурджане, супруге своей, женщине молодой и весьма хорошенькой в своем роде; тело ее было ослепительной белизны, которую еще более возвышали два совершенно черные локоны. Она читала монгольскую книгу, в коей описывались знаменитые подвиги Чингис-Хана. Воспользовавшись этим случаем, я спросил, не сохранилось ли у них какого воспоминания об уйгурах, народе, которому приписывают изобретение монгольской азбуки. Тюмень отвечал мне, что калмыки ничего не знают об этом народе, но что у них есть пословица: “Я не понимаю этого человека, он, может быть, уйгур”» [Исторические путешествия 1936: 212–213]. Выше нами была отмечена роль калмыцкой княгини в совершении некоторых религиозных церемоний.

В тексте описания путешествия Я. Потоцкого обнаруживаются интересные и зна-

чимые частные детали: «Я старался узнать также, не осталось ли каких следов того почтения, которое монголы оказывали прежде к порогу жилищ их и которое было столь велико, что христианские монахи, которые имели несчастье прикоснуться к нему кончиком ноги, были наказаны палочными ударами и им даже угрожали смертью. Тюмень уверял меня, что сие уважение сохранилось и поныне; дотронуться до порога можно, но сесть на нем великий грех. Может быть, от этого происходит название Высокой Порты»; «Многоженство у калмыков дозволено, но примеров оно встречается немного»; «Нам подали водку, приготовленную из кобыльего молока (кумыс) и чай, вареный в масле. Водка некрепка и в ней есть что-то жирное, что мне не понравилось. Чай, который калмыки выписывают из Китая, собственно для себя, совсем не похож на наш. Он состоит в толстых дощечках, твердых почти как кирпич и покрытых тонкой бумагой, исписанной множеством литер. Калмыки варят этот чай с молоком и маслом и делают таким образом из него питье здоровое и крепительное. Все татары приняли это обыкновение» [Исторические путешествия 1936: 213]; «После обеда судили двух человек, которые нарушили законы целомудрия. Преступники были: кундурский татарин, довольно уже пожилой, и калмычка очень молоденькая, но чрезвычайно непригожая. Обольстителю определено было дать несколько ударов канчуком, которые и были даны с величайшей благопристойностью и, смею сказать, к удовольствию и бившего, и битого. Надобно заметить, что преступный татарин принял на себя труд обучить в хуторе дикую лошадь, что расположило калмыков в его пользу. Он, казалось чрезвычайно радовался, что отделался так дешево, ибо боялся, что принужден будет оставить у себя свою красавицу. Завтра мы будем обедать в орде этого любовника, битого и довольного» [Исторические путешествия 1936: 214–215].

Имеется в описании путешествия Я. Потоцкого и картина соколиной охоты: «После обеда пришли два князя из фамилии Дондук-Омбо; один назывался Нукуилином, имя другого я забыл. Они по-русски не понимали и имели понятие не выше своего народа. Тогда началась блестящая охота; калмыцкие князья отправились с соколами, кундурские татары также приняли участие в оной, и вся равнина покрылась всадниками.

⁷ Калм. *курд* — молитвенный барабан. — прим. ред.

⁸ Данное написание приводится согласно источнику.

Цаплей наловили столько, сколько хотели, и всякий возвратился весьма доволен» [Исторические путешествия 1936: 213–214]. И далее: «Возвращаясь к Тюменю, мы поймали еще несколько цаплей. Калмык не делает ни шагу без своего сокола. У каждого есть свой, которого сам кормит и почти целый день им занимается» [Исторические путешествия 1936: 213]. ... даже при наличии фундаментальной монографии о соколиной охоте [Симаков 1998] последнее замечание немаловажно, поскольку оказывается, что соколиная охота отнюдь не была уделом знати.

Чрезвычайно важными и интересными представляются заметки Я. Потоцкого, которые касаются взаимоотношения калмыков и ногайцев в конце XVIII в.: «Мало-помалу собирались фигуры, истинно чрезвычайные, и уселись около нас. То были татары кундурские, кочевавшие в окрестностях; они пришли засвидетельствовать нам свое почтение. Тюмень велел подать им кумысу; впрочем, он, казалось, не очень уважал их; напротив того, эти кундуры оказывали ему величайшее уважение. Мне казалось удивительно, что гордые мусульмане унижаются таким образом пред идолопоклонником. Но они уважали в нем кровь Чингис-Хана, его богатства и твердый характер его, действительно почтенный, которому отдают полную справедливость и русские, и кочевые народы от берегов Яика до Кубани. За обедом, я, из учтивости, оказывал предпочтение лошадиному мясу; даже просил его. Певец, который играл в то же время на ялге, струнном инструменте, забавлял нас за столом музыкой; больше я об нем ничего не могу сказать, потому что инструмент его нисколько не походил на наши» [Исторические путешествия 1936: 213]. Не случайно труд Я. Потоцкого оказался ценным источником по этнографии описываемой им группы ногайцев [Скрыльникова 2008].

У Я. Потоцкого имеется колоритное и содержательное описание ногайской свадьбы: «...завтра могу я следовать за ордою, которая должна перекочевать. Мы будем на свадьбе. Дин-Эслам, богатейший из татар кундурских, выдает дочь замуж; меня уверяют, что великолепие пира, который он дает, превзойдет все, что только можно вообразить».

20-го < августа 1797 г.> я рано поутру отправился в орду, которая была уже на походе. Чрезвычайное множество верблюдов

везло палатки и багаж. Их вели женщины верхами; у некоторых были наперед седла дети. Бедным надобно было немного времени, чтобы скласть на верблюда все им принадлежащее. Никто не шел пешком: все были верхами, даже и старый лама, который ехал впереди своего синода.

Следовав несколько времени за колонною, мы поворотили вправо и въехали на земли кундурских татар, где шествие наше часто прерывалось, потому что надобно было переезжать, образом выше описанным, несколько сотен речек, впадающих в Волгу и мы часто принуждены были их переплывать. Мы ехали мимо множества кундурских аулов и, наконец, прибыли к аулу Дин-Эслама, который узнали издали по толпе, его окружавшей. Первые знаки почтения оказали мне девушки, которые качались на одном пригорке. Когда мы приближались, они перестали играть и сжались так плотно, что мы видели одни их шелковые платочки. Князь Тюмень приветствовал их на калмыцком языке и просил их не уходить от нас, потому что мы приехали только для того, чтобы посмотреть на их пляску. Сии вежливые слова и звук инструментов, сделали молодых нимф благосклоннее; они подняли несколько, свои покрывала и показали нам концы своих приплюснутых носов; две даже встали и подошли к нам. Музыкант снял с них покрывала; при сем знаке они начали плясать, но так потупили глаза, что они казались совсем закрытыми. Хотя они ничего почти не видали, но не теряли такта и в движениях их было довольно приятности. По окончании пляски, они закрыли лицо руками, чтобы скрыть детское смущение, музыкант возвратил им покрывала и они ушли с чрезвычайной скромностью. Одежда сих молодых девушек была весьма странна по множеству серебряных цепочек, дощечек, наручников, пуговиц, ладонков и других подобных вещей, которыми они были обременены; на носу у них были кольца, украшенные драгоценными камнями.

Потом пошли мы к женщинам, которые одевали невесту. Ничего не было забыто для того, чтобы пир был сделан блестящим. Убили четырех лошадей, четырех быков и четырех овец. Старшины принесли хвосты жирных овец, кишки, головы и другие лакомства. Я невольно вспомнил свадьбу Гамаха. Для нас приготовлена была палатка; я разговаривал в ней с Бег-Алием, кундурским муллою. Для ногайца, он весьма учен

и что еще реже, желает научиться более. Ему сказывали, что у меня есть турецкая грамматика. Ему очень хотелось ее видеть. Мы много говорили об истории кундурцев: они настоящие ногайцы, но приняли обычай жить в гирах калмыцких, отчего аул их не походит на другие татарские аулы. Зимой они живут в домах близ Красноярска. Однако у них еще находится в употреблении гильдерга, род тележки с дышлом, которую они ставят возле палатки и которая служит им сундуком. Обычай сей весьма древен, ибо о нем упоминается в посольствах Менадра. Станы их отличаются от станов астраханских татар тем, что каждое семейство занимает в нем большое пространство.

Обед подавали в больших и малых корытах. В одном из самых больших была четверть кобылятины, в других баранина, сарачинское пшено и просо. После обеда все сели на лошадей; началась блестящая скачка, за которой должна была следовать борьба; но по причине нашего отъезда мы не могли дожидаться ее» [Исторические путешествия 1936: 215–216].

Заслуживает внимания и следующая зарисовка Я. Потоцкого: «Я отдыхал и записывал дневные происшествия, когда Тюмень пришел показать мне свои кольчуги; каждая из них имела свое имя, как меч Роланда назывался Дурандалем, а сабля Болеслава, короля польского, Щербцом. Самое примечательное вооружение Тюменя называется Китчин-Килинтук (рубашка Китчин-Хана). Она известна у всех татар и даже на Кавказе» [Исторические путешествия 1936: 216]. Таким образом, сохранение торжественных описаний богатырского оружия, которое мы находим в «Джангаре», поддерживалось соответствующим отношением к оружию и доспехам в быту и культуре калмыков еще около 200 лет назад, чему мы имеем прямые свидетельства.

Астраханские страницы описания путешествия Я. Потоцкого содержат ряд интересных зарисовок историко-этнографического характера о народах Кавказа, с представителями которых автор встречался в Астрахани [Исторические путешествия 1936: 215–217], однако эти мотивы выходят за рамки темы данной статьи. Приведем здесь лишь одно наблюдение, сохраняющее актуальность: «...самое большое впечатление произвела на меня веротерпимость, какую, может быть чрезвычайно трудно найти на каком-нибудь другом месте зем-

ного шара. Последователи Али, проклиная в своих караван-сараях приверженцев секты Омара, могут слышать как призывают на молитву крики муедзинов сих последних, колокола греческой церкви, тамтам индейцев, и, может быть, жужжание лам. К этим разным религиям можно еще присовокупить несколько сект староверцев, и все европейские и азиатские христианские общества» [Исторические путешествия 1936: 210]. Наверное, надо было иметь большую смелость написать эти строки, будучи католиком, каковым был автор.

Сочинение Я. Потоцкого «Путешествие в Астраханские степи и на Кавказ», равно как и его книги, повествующие о путешествиях по Турции, Африке, Китаю [Potocki 1980; Potocki 1991], изданные недавно вместе с литературными и публицистическими трудами во втором томе пятитомного собрания сочинений [Potocki 2004–2007], представляет собой ценный историко-этнографический источник и является памятником истории отечественной науки о народах юга России. Оно должно занять подобающее место и в отечественном калмыковедении.

Литература и источники

- Биография Ян Потоцкий* [Электронный ресурс] // URL: <http://www.nudecelebs.ru/bio/8484/> (дата обращения: 27.09.2011).
- Васильева Е. А.* Историческая топонимия Астраханской области XVI–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 23 с.
- Дорджиева Е. В.* Традиционная калмыцкая элита в пространстве Российской империи в XVIII – начале XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 49 с.
- Исторические путешествия.* Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV–XVIII вв. Сталинград: Краевое книгоиздательство. 1936. С. 198–218. (URL: <http://vostlit.info/Texts/rus13/Potockij/text.phtml> (дата обращения: 10.07.2011)).
- Конаков М. М.* Гостеприимство и куначество в этносоциальной традиции балкарцев и карачаевцев: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2005. 17 с.
- Петров {Половцов} А.* Потоцкий, граф Иван Осипович [Электронный ресурс] // URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/103607/Потоцкий (дата обращения: 10.07.2011).

- Позднеев А.М. Калмыки // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона Т. 27. СПб., 1895. С. 57–64.
- Потоцкий И. Путешествие графа Ивана Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 году // Северный архив, 1828. Ч. 31. № 1–2. Раздел V. С. 255–288.
- Потоцкий И.О. Путешествие графа Ивана Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 г. / пер. с франц. // Астраханский сборник. Вып. 1. Астрахань: Изд. ПОИАК, 1896. С. 303–328.
- Потоцкий Я. Путешествие в астраханские и кавказские степи // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974. С. 226–234.
- Потоцкий, Ян [Электронный ресурс] // URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Потоцкий_Ян (дата обращения: 15.06.2011).
- Путешествие графа Потоцкого в Астрахань // Памятная книжка Астраханской губернии. Астрахань, 1895. С. 131–156.
- Симаков Г. Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. 312 с.
- Скрыльникова Ж. Х. Современные этнокультурные процессы в среде ногайцев-карагашей Астраханской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 32 с.
- Соснина Е. Л. Кавказоведческие штудии графа Яна Потоцкого с точки зрения развития ориентализма в России и Европе // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 4. Пятигорск, 2010. С. 125–129.
- Соснина Е. Л. Учёный, заложивший фундамент науки о Кавказе (К 200-летию кавказского путешествия графа Яна Потоцкого) // Новый журнал. № 1. СПб., 1997. С. 181–198.
- Соснина Е. Л. Ян Потоцкий и его «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи». Пятигорск: Спецпечать, 2003. 177 с.
- Шалалыгин Ю. И. Исследование и начало освоения Центрального Предкавказья в XVIII – начале XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005. 26 с.
- Шкердина Н. О. Социокультурные аспекты духовной и материальной жизни народов Среднего Поволжья (По сведениям западно-европейских авторов XVI–XVIII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004. 17 с.
- Эрдниева У. Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1985. 282 с.
- Ян Потоцкий [Электронный ресурс] // URL: <http://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/pototskiy/index1.html> (дата обращения: 10.07.2011).
- Potocki, Jean. Au Caucase et en Chine: 1797–1806. Paris: Phoebe, 1991. 264 p.
- Potocki, Jean. Voyages en Turquie et en Egypte, en Hollande, au Maroc. Paris: Fayard, 1980. 373 p. Более поздние издания: Potocki, Jean. 1) Voyage dans l'empire de Maroc. Clichy: Ed. du Jasmin, 1999. 185 p.; 2) Voyage en Turquie et en Egypte. Clichy: Ed. du Jasmin, 1999. 94 p.
- Potocki, Jean. Ouvres, 5 vols. (La Republique des Lettres 11, 12, 13, 14, 16); Eds. F. Rosset et D. Triaire. Louvain: Editions Peeters, 2004–2007. Т. I: xiv+363 pp., Т. II: iv+298 pp., Т. III: iv+458 pp., Т. IV: iv+590 pp., Т. V: vi+392 pp.
- Voyage dans la Russie meridionale et dans les pays du Caucase, J. Potocki. Paris, 1798.
- Voyage de Jean Potocki dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase. Т. I: xvi+361 p. Paris, 1829. Новое издание: Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase. Paris: Fayard, 1980. 250 p.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.354:351/354

ББК 60.54

**ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ КАЛМЫКИИ
К РЕСПУБЛИКАНСКИМ СРЕДСТВАМ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
(по материалам опроса 2011 г.)****Л. В. Намруева*

Молодежная среда во всем многообразии ее проявлений, в том числе в контексте ее взаимодействия с медиапроизводством, пока не стала предметом пристального внимания калмыцких исследователей. Российские ученые отмечают, что процесс влияния современных СМИ на молодое поколение требует глубокого осмысления и систематизации, выявления позитивных тенденций, заслуживающих всемерной поддержки, и негативных моментов, создающих проблемные ситуации [Жилавская 2008].

В данной статье проанализированы результаты интервьюирования студентов калмыцких вузов по теме «Региональные СМИ глазами молодежи». Весной 2011 г. нами было опрошено 102 молодых человека. Метод исследования: стандартизированное интервью, состоящее из 10 вопросов, которые позволяют определить отношение молодых людей к республиканским газетам, радио, телевидению, сайтам, посвященным калмыцкой тематике.

Республиканские издания «Хальмг үнн», «Известия Калмыкии», «Парламентский вестник Калмыкии» нацелены на полное, всестороннее освещение, анализ событий, происходящих в республике. Журналисты стремятся удовлетворять все возрастающую потребность населения республики в познании культуры, богатейшего культурного наследия калмыцкого народа, способствуя формированию этнического самосознания через распространение духовных ценностей, этических принципов, знаний о великом прошлом и настоящем калмыцкого народа, его выдающихся представителей.

За период 2005–2010 гг. появились новые газеты «Элистинская панорама», «Элистинский курьер», которые пользуются популярностью у читателей. Однако ни одна из газет, издаваемых в г. Элисте и за ее пределами, не имеет специальной молодежной полосы. На наш взгляд, это несправедливо, т. к. данная возрастная группа (14–30 лет) составляет четверть (25 %) от общей численности населения республики [Республика Калмыкия 2010: 22–23]. В настоящее время нет ни одного молодежного издания, а в недалеком прошлом, до 1991 г., существовала республиканская газета «Комсомолец Калмыкии», которая неоднократно отмечалась Центральным комитетом ВЛКСМ как одна из самых лучших среди молодежных газет России и всей страны [Басангов 2005: 20].

Результаты интервьюирования показывают, что 16% респондентов не читают республиканскую прессу. Другая же часть опрошиваемых предпочитает читать «Известия Калмыкии» (33% респондентов), «Хальмг үнн» (13%), «Элистинскую панораму» (5%), «Элистинский курьер» (3%), «Парламентский вестник» (2%), «Новую неделю» (2%), «ВДВ» (7%), «Степную мозаику» (2%).

Проанализируем предпочтения молодежи в местной печати. 26% опрошенных указали, что они предпочитают новости. Молодые читатели в республиканских газетах особо отмечают возможность узнать о переменах, событиях в нашей республике (3%), статьи о спорте (3%), материалы о политике (3%), новости культуры, материалы о различных мероприятиях, праздниках

* Статья выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект КИГИ РАН «Современная молодежь и традиционная культура (на примере Калмыкии)» (2012–2014)).

(3%). Среди факторов, привлекающих молодых читателей, также перечислены следующие: наличие кроссвордов (5%), городскопов (4%), различных объявлений (4%), рекламы (3%), криминальной хроники, анализа финансовых проблем в республике, положения в животноводстве и в целом в сельском хозяйстве.

Отдельно остановимся на ответах респондентов, касающихся газеты «Хальмг үнн». Молодым читателям интересны материалы о людях, которые внесли вклад в развитие республики; публикации о Далай-ламе и его трудах; статьи на русском и калмыцком языках, посвященные истории и современности Калмыкии, пропагандирующие родной калмыцкий язык, знакомящие с творчеством молодых авторов. Положительно воспринимается то, что газета широко освещает проблемы современной калмыцкой культуры.

Радио на протяжении многих десятилетий являлось наиболее широко распространенным видом средств массовой коммуникации, т. к. оно было более доступно с технической и экономической точки зрения по сравнению с другими. Официальный отчет работы радио Калмыкии начинается с 1935 г. В настоящее время республиканское радио транслирует свои передачи два часа в сутки на канале «Радио России» в цифровом формате. Все передачи Радио Калмыкии выходят на двух государственных языках — русском и калмыцком. В настоящее время, несмотря на то что радио по-прежнему остается одним из самых доступных средств получения информации, оно продолжает терять свои позиции, уступая телевидению и Интернету.

Наше исследование позволяет определить отношение молодежи к республиканскому радио. Слушают радио всего 8% опрошенных. Иногда слушают передачи республиканского радио 5%. Предпочтение отдается новостям, любимы респондентами также калмыцкие песни. 72% опрошенных признались, что не слушают калмыцкое радио, и среди причин указали: нет радиоточки, радио (3%), не слышали о таком радио (6%), не знают, на какой волне искать Калмыцкое радио (2%). В отдельных случаях респонденты с удивлением замечали: «А оно все еще функционирует?»

Анализ ответов показал, что молодежь региона практически не знакома с калмыцким радио, в лучшем случае она знает о су-

ществовании филиалов таких популярных радиоканалов, как «Европа+ (Элиста)», «Элиста FM (новости)», «Русское радио — Элиста». Слушаем радио только в маршрутном такси, в машине, в других поездках, — замечают отдельные интервьюируемые.

Отечественные социологи, изучающие влияние СМИ на молодежь, подчеркивают, что в качестве источника информации для анализируемой возрастной группы лидерство сохраняется за центральным телевидением, однако на второе место выходит Интернет, и лишь за ним следует региональное телевидение. В удовлетворении информационных интересов молодежи пресса и радио отодвинулись на третий план [Горшков 2010: 113].

Наше исследование позволило определить, как часто молодые люди смотрят Калмыцкое ТВ. 34% опрошенных смотрят редко (1–2 раза в неделю), 14% — по возможности (когда есть свободное время) либо только в гостях, т. к. дома нет условий. 2% смотрят только вечерние новости, единицы — каждую пятницу (итоги за неделю). 6% респондентов смотрят Калмыцкое телевидение часто, 12% — каждый день. Пятая часть выборки (21%) не смотрит передачи республиканского ТВ по той причине, что им неинтересно (3%), т. к. установлена спутниковая антенна (6%) и имеется доступ к большому выбору телеканалов. Наше исследование показало, что с республиканским телевидением в разной степени знакома большая часть опрошиваемых. Однако отметим, что постоянным зрителем является каждый шестой опрошенный молодой человек.

Одной из поставленных нами исследовательских задач являлось определение того, чем привлекательно для молодого зрителя Калмыцкое ТВ. Результаты показали, что наиболее привлекательными являются показ событий, происходящих в республике (48%), новости (21%), прогноз погоды (5%), музыкальные клипы, программы (3%), популярные калмыцкие песни, музыка, танцы (3%).

Как видим, в первую очередь отмечена информационная функция телевидения, которая позволяет получать актуальную, разностороннюю информацию о деятельности местных предприятий, об известных людях, о новых достижениях в регионе, о жизни детей и подростков, о развитии культуры республики, о спорте и спортив-

ных достижениях уроженцев Калмыкии. Республиканские телевизионные компании дают возможность быть в курсе событий, дел, происходящих в регионе (12%), смотреть передачи на калмыцком языке (3%), слушать калмыцкую речь (2%).

Любимыми телепередачами у молодых зрителей являются «Вести-Калмыкия» (20%), с помощью них можно узнать много свежих новостей о том, что происходит в РК. В списке любимых также перечислены «Йорялин дун» (5%), «Хальмг дун» (2%), «Музыкальная зона», передачи, содержащие песни, клипы, поздравления близким людям (2%), юмористические передачи с участием «Худлахар-шоу» (2%), «Өрүни һарц», «Прямая линия», «О главном», о спорте, прогнозе погоды, репортажи с национальных праздников, «5 минут про...» (в последней можно задать вопрос в прямом эфире интересному человеку). Отдельные молодые телезрители охотно смотрят развлекательные, музыкальные программы, концерты (3%), рекламу (2%), все передачи, которые ведутся на калмыцком языке, по истории калмыцкого народа, т. к. они удовлетворяют потребность знать больше о прошлом калмыков. Часть респондентов отмечает деятельность телевизионных кампаний «Сян цаг» (8%), «Хамдан» (4%) по популяризации калмыцкой музыки (4%) и рекламе калмыцких клипов (4%). Тем не менее более трети (37% опрошенных) указали, что у них нет любимых передач на Калмыцком телевидении.

В задачи интервью входило выявление информации о том, что не нравится молодым телезрителям на местном телевидении. Как показали ответы, не устраивает реклама (21%): этот ответ сопровождался комментариями «Нужно убрать рекламу совсем или научиться ее делать (2%)», «Смотреть приходится местную рекламу, т. к. ее вставляют на других телеканалах». Не одобряется качество озвучивания рекламы на калмыцком языке. 8% респондентов не устраивают небольшая продолжительность вещания калмыцкого ТВ, малый объем информации, частый ее повтор (6%), показ старых клипов. Среди непривлекательных факторов респонденты также указывают неудобное время выхода (рано утром, поздно вечером), отсутствие вещания местного телевидения в некоторых отдаленных районах республики. Критические замечания высказаны в отношении работы ведущих (7%),

их недостаточной подготовки (4%), речи дикторов (невнятная, неясная речь с дефектами, отличающаяся акцентом) — 5%. Отмечалось, что некоторые ведущие, репортеры, корреспонденты не имеют соответствующего профессионального образования для работы на республиканском телевидении.

Следующая группа замечаний связана с языком вещания. Единицы респондентов нетитульной национальности замечают, что в республике проживают не только калмыки (2%). Такое же количество опрошенных калмыков (2%) заметило, что иногда трудно понять, о чем идет речь («хотя знаю язык на уровне разговорном, не понимаю литературный»). Часть респондентов не устраивает, что вещание ведется на калмыцком языке (9%). Однако встречаются противоречивые мнения: одних не устраивает, когда вся программа полностью идет на калмыцком языке, а других, напротив, когда трансляции ведутся на русском языке.

Интервьюируемые высказались о содержательной стороне программ калмыцкого ТВ. Каждый десятый опрошенный считает, что на республиканском ТВ отсутствует разнообразие, доминируют однообразные программы (10%). Определенная часть молодежи указывает на отсутствие спортивных программ, недостаток передач о молодых художниках, деятелях культуры, а также развлекательных, игровых передач [Намуева 2011].

Для привлечения внимания к калмыцкому телевидению со стороны молодежной зрительской аудитории были высказаны следующие предложения, которые в первую очередь касаются расширения программной политики. Для одной части молодых людей важна развлекательная сторона республиканского ТВ. Они предлагают создавать больше молодежных, развлекательных передач, телеконкурсов (12%), интересных реалити-шоу (2%); разнообразных игровых передач для молодежи (7%), подобных популярным программам «Фабрика звезд», «Умники и умницы» и др. Также респонденты призывают увеличить показ спортивных передач (5%), создавать музыкальные передачи (3%), видеоклипы, в том числе молодежных песен на калмыцком языке (4%).

Другая часть опрошенных придерживается мнения, что передачи должны развивать молодежь, а для этого необходимо

создавать познавательные передачи, викторины (4%), организовывать встречи с деятелями культуры, ввести рубрику об исторических лицах, увеличить количество программ о молодежных проблемах (5%), в том числе связанных с наркоманией, алкоголизмом среди молодежи РК (3%), трудоустройством молодежи (2%).

В 2005 г. на базе Калмыцкой государственной телерадиокомпании были образованы Филиал Всесоюзной Государственной телерадиокомпании Гостелерадиокомпания «Калмыкия» и Государственное учреждение Калмыцкая телекомпания «Хамдан». Обращение к своим истокам, возрождение традиционной культуры, этнического языка являются основными направлениями деятельности этих телевизионных компаний.

Телекомпания «Хамдан» («Вместе») ведет трансляцию на канале «Звезда» на русском и калмыцком языках. Передачи «Хальмг лит» («Калмыцкий календарь»), «Хонх» («Колокольчик»), «Свет веры», знакомящие с традиционным вероисповеданием калмыков и русских, историко-этнографические программы «Мини төрскн хазр» («Моя родная земля»), «Документальная Калмыкия» выполняют воспитательную, социализирующую функции, реализуемые и в молодежной телеаудитории [Намруева 2011: 221]. Осенью 2011 г. появилась программа «Молодежь Калмыкии в лицах», в ней обсуждаются актуальные проблемы, волнующие молодых людей.

Телевизионная компания «Сян цаг» («Хорошее время»), работающая с декабря 2010 г., своей главной задачей ставит пропаганду калмыцкого языка и культуры. Передачи «Сян цаг», учитывая возрастающий интерес молодежи к традиционной калмыцкой культуре, ориентированы на молодого зрителя. Компания «Сян цаг» популяризирует творчество и деятельность молодых людей, прекрасно владеющих калмыцким языком, которые дорожат бесценным наследием этнической культуры и готовы оберегать, возрождать национальные обычаи и традиционную религию калмыков [Намруева 2011: 220]. Благодаря видеоклипам музыкантов — представителей монголоязычных народов, транслируемым на телеканале, молодежь знакомится с современной музыкальной культурой родственных этносов.

Современная молодежь существенно изменила свои медиапредпочтения и само-

стоятельно формирует собственную медиасреду, которая характеризуется использованием различных современных форм. В числе последних — блоги, форумы, интернет-комментирование, виртуальные сообщества, самодеятельные газеты и журналы, фото-, аудио- и видеотворчество, SMS-сообщения, мобильные коммуникации и многое другое [Жилавская 2008].

Отечественные социологи отмечают, что для большинства молодежи (73,6%) Интернет сегодня — это источник обогащения своих знаний по различным проблемам. Для многих важна также рекреационная роль Интернета как средства отвлечения от повседневных забот, проблем (39,7%). Важную роль играет Интернет и в расширении межличностной коммуникации молодежи (39,5%), и для знакомств (33,9%). В спектре мотивов пользования Интернетом — гарантия информационной свободы личности — 17,9%, доступа к культурным ценностям — 15,8%, возможность с его помощью достичь самовыражения — 13,5%, принимать участие в дискуссиях по политическим проблемам — 6,9% [Горшков 2010: 121].

Безусловно, калмыцкая молодежь также активно пользуется Интернетом, но нас интересовало, знакомы ли молодые люди с калмыцкими сайтами. Полученные нами результаты свидетельствуют, что более половины, 67% респондентов, не посещают калмыцкие сайты. Каждый девятый опрошенный (11%) заметил, что калмыцкие сайты их не привлекают. 17% респондентов посещают калмыцкие сайты. Из них 9% привлекает «www.Elista.org», 11% — «Elista.online», 3% — «Kalmykia.org», 5% — «Kalmykia.ru», 2% — «Kalmykia.Forum»; 7% — «Kalmykia»; 2% — «Kalmykia. В Контакте», 6% — «Все новости Kalmykia». Молодые люди, посещающие калмыцкие сайты, отмечают, что они предоставляют им возможность получить информацию о новых и интересных событиях в республике (11%), узнать мнение других пользователей сайта по каждому событию, обсудить проблемы в регионе (5%), пообщаться с интересными людьми (4%), оценить уровень развития молодежи республики, познакомиться с калмыцкими песнями (4%), объявлениями (3%), новостями о культурной жизни (3%), о проблемах молодежи, с криминальными новостями, сводками погоды (3%).

Разделяем мнение З. В. Сикевич, которая утверждает, что средства массовой информации «соучаствуют» в формировании как этнической культуры, так и системы этнических норм, образцов поведения и стереотипов восприятия и оценки представителей иных этнических групп, хотя их влияние не всегда осознается «адресатами» воздействия [Сикевич 2011: 52].

Роль средств массовой информации в социализации молодого поколения, формировании его мировоззрения неоспорима, особенно в век всеобщей информатизации. Проведенный анализ показал, что республиканские СМИ занимают важное место в процессе развития молодых людей, приобщения их к богатствам самобытной культуры калмыков.

Литература

- Басангов И. Н. Сибирская школа (Очерки, воспоминания, документы). Элиста: НПП «Джангар», 2007. 448 с.
- Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Включенность молодежи в массовую коммуникацию // Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. С. 112–122.
- Жилавская И. В. Оптимизация взаимодействия СМИ и молодежной аудитории на основе медиаобразовательных стратегий и технологий: автореф. дис. ... канд. фил. наук // [Электронный ресурс] Медиаскоп. Электронный научный журнал фак-та журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова 2008 г. июль / www.mediascope.ru/node/38 (дата обращения: 23. 01. 2012).
- Намруева Л. В. Роль республиканского ТВ в формировании региональной идентичности (на примере Калмыкии) // Качество жизни как фактор гражданского общества: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Волгоград, 6–7 октября 2011 г.). Волгоград: ФГУ ВПО ВАГС, 2011. С. 220–222.
- Намруева Л. В. Республиканское телевидение как механизм этнической социализации (на примере Калмыкии) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 167–172.
- Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2010: стат. сб. / Калмыкиастат. Элиста, 2010. 323 с.
- Сикевич З. В. Влияние этнического фактора на современное общество и человека // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 2. С. 41–58.

УДК 314.6

ББК 60.56

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ О СЕМЬЕ И БРАКЕ

Б. Б. Нухаева

Изменения семьи как социального института и малой группы определяют особый интерес к проблемам семьи и брака. Специалисты обращают внимание, что трансформация института семьи затронула все аспекты семейных отношений и семейного поведения, отразившись на репродуктивных, супружеских и родительских установках [Верещагина 2009: 3]. Формирование представлений современной молодежи о семье и браке протекает в условиях влияния старых и новых стандартов: традиционные представления об организации внутрисемейной жизни, которые сохра-

няются в связи с инертностью процессов, и современные модели поведения и взаимоотношений, все более распространяющиеся среди молодежи. Такая ситуация объясняет актуальность изучения представлений современной молодежи о семье и браке.

В рамках социологического исследования, проведенного автором в 2007 г., были изучены следующие аспекты: ценности семьи и детей в системе ценностей молодежи республики, основные обстоятельства, повлиявшие на заключение брака, представления об идеальном возрасте вступления в брак, распределение обязанностей в семье и

качества, необходимые для семейной жизни. Анкетный опрос проводился на базе отделов ЗАГСов (записи актов гражданского состояния) республики и учебных заведений г. Элисты. Анкетный опрос населения в возрасте от 17 до 40 лет проведен в г. Элисте и четырех районах республики: Целинный, Ики-Бурульский, Сарпинский, Городовиковский. Общий объем выборки 297 респондентов. Обработка данных выполнялась программой SPSS 16.0.

Прежде всего, отметим, что семья и дети остаются центральными в системе ценностей молодежи Республики Калмыкия. На вопрос «Что для Вас представляется важным в жизни?» предлагалось из тринадцати предложенных вариантов выбрать три. Согласно ответам респондентов, важным в жизни являются «семейное счастье» (89,5%), «здоровье» (50%), «дети» (43,9%). Несмотря на экономическую нестабильность, вариант «много денег» указан в 9,8% случаев, «работа с высокой зарплатой» в 19,3% случаев, престижная работа в 12,8% случаев. Таким образом, семья и дети имеют первостепенное значение для опрошенных.

При анализе ответов респондентов о ценности семьи и детей необходимо учесть возможность влияния психологической го-

товности к созданию семьи и рождению детей респондентов, опрошенных на базе ЗАГСов. Однако при ранжировании ответов респондентов двух групп (молодые люди, подающие заявление на регистрацию брака в органы ЗАГС, и молодежь, обучающаяся в учебных заведениях), семья занимает первое место в обеих группах: 94,7% и 80,6%, соответственно (табл. 1). Мы можем сделать вывод, что семья занимает центральное место в системе ценностей молодежи Республики Калмыкия. Если сравнивать ответы двух групп, то можно отметить, что составные элементы системы ценностей мало отличаются. Основное отличие выражено в значимости этих ценностей внутри этой системы. Для респондентов, подающих заявление в органы ЗАГС, значимыми являются семья (94,7%), дети (55,3%) и здоровье (45,7%). Далее в систему наиболее значимых ценностей включены друзья (17%) и работа с высокой зарплатой (16%). Остальные варианты ответов набрали менее 15%. Для учащейся молодежи и студентов, кроме семьи важны здоровье (57,4%), друзья (30,6%). На четвертом месте «работа с высокой зарплатой» и «уважение окружающих» (по 25%) и на пятом — дети (24,1%), далее — «престижная работа» (22%).

Таблица 1. Система ценностей молодежи в зависимости от базы исследования

ЗАГС	Учебные заведения
1. Семейное счастье	1. Семейное счастье
2. Дети	2. Здоровье
3. Здоровье	3. Друзья
4. Друзья	4. Работа с высокой зарплатой /Уважение окружающих
5. Работа с высокой зарплатой	5. Дети
	6. Престижная работа

Главным выводом в нашей работе является высокая значимость семьи и детей для молодежи республики. Можно предположить, что позиция ценности детей во второй группе внутри системы объясняется возрастными и статусными особенностями студенческой молодежи. Таким образом, независимо от группы обследования отмечается наличие ориентации у молодежи на семейный образ жизни и детей.

Одним из аспектов анализа стало изучение представлений молодежи об идеальном

возрасте вступления в брак. На вопрос «В каком возрасте лучше вступать в брак?» предложены шесть вариантов ответов: «моложе 18 лет», «18–19 лет», «20–21 лет», «22–24», «25–29 лет», «30 лет и старше», а также варианты: «не имеет значения», «трудно сказать». Как и ожидалось, идеальный возраст для мужчин выше, чем у женщин. Респонденты отмечают, что мужчине лучше вступать в брак в возрасте 22–29 лет, именно: 41,1% указывают на возрастной период 25–29 лет и 25,3% на более ранний

возраст — 22–24 года. Идеальным возрастом для женщин опрошенные считают возраст 20–24 года, причем 30% указывают на возрастной период 20–21 год и 32% на второй период 23–24 года. Доля респондентов, выбравших ответ «не имеет значения» при определении идеального возраста для женщин и мужчин, незначительна: 6,1% и 11,1%, соответственно. Таким образом, для женщин брачный возраст определяется после 20 лет, а для мужчины, скорее, после 25 лет.

Если сравнивать результаты социологического исследования со статистическими данными текущего учета гражданского состояния населения республики, стоит обратить внимание на совпадение возрастных границ между представлениями молодежи об идеальном возрасте вступления в брак и показателями вступления в брак по возрасту жениха и невесты. Согласно данным Росстата, в 2010 г. мужчины чаще заключают брак в возрасте 25–34 года. Удельный вес браков в этой возрастной группе составил 47,89%, причем в 1990 г. их доля составляла 30,53%. Увеличение возраста заключения браков у мужчин связано с рядом причин, среди которых: удлинение сроков социализации подрастающего поколения, распространение внебрачных сожительств, сложности в решении жилищных вопросов и пр. Среди женщин наибольшее число заключения браков приходится на возраст 18–24 лет, их удельный вес в 2010 году составил 53,99%. [Государственный комитет статистики]. Таким образом, брачное поведение молодежи республики соотносится с представлениями молодежи об идеальном возрасте вступления в брак.

С целью изучения особенностей современного семейно-брачного поведения молодежи Республики Калмыкия был задан вопрос: «В какой мере перечисленные ниже обстоятельства повлияли на ваше решение вступить в брак?». По каждой из одиннадцати предложенных причин необходимо было указать степень влияния: «в значительной мере», «в незначительной мере» и «не влияет». В ходе анализа ответов респондентов выявлено, что в значительной мере на вступление в брак влияют следующие обстоятельства:

- стремление проявить заботу и любовь к близкому человеку (71,2%);
- желание иметь детей (68,8%);
- потребность во взаимоотношении, психологической поддержке и защите (52,9%);
- скорое рождение ребенка (45,3%);
- желание почувствовать самостоятельность (41,2%).

Можно сделать вывод, что личные взаимоотношения и дети являются основными мотивами для регистрации брака. Особое внимание привлекает обстоятельство «скорое рождение ребенка». Ситуация ожидания ребенка является одним из распространенных обстоятельств заключения брака. Согласно опросу в ЗАГСах республики, 25% молодежи проживают с будущим супругом в гражданском браке, и регистрация брака является официальным оформлением уже сложившихся отношений.

Анализ основных обстоятельств, повлиявших на решение регистрации брака в зависимости от пола, показывает, что существуют гендерные различия в распределении указанных выше обстоятельств (табл. 2).

Таблица 2. Обстоятельства, повлиявшие на решение вступить в брак в зависимости от пола (в %)

Основные обстоятельства	мужчины	женщины
Стремление проявить заботу и любовь к близкому человеку	69,6	72,5
Желание иметь детей	73,4	64,8
Потребность во взаимоотношении, психологической поддержке и защите	41,8	62,6
Скорое рождение ребенка	43,0	47,3
Желание почувствовать самостоятельность	43,0	39,6

Разброс ответов мужчин и женщин по основным мотивам заключения брака показывают близкие значения по четырем обстоятельствам. Единственное различие наблюдается в пункте «потребность во взаимоотношении, психологической поддержке и защите». Женщин, указавших данное обстоятельство, больше, чем мужчин (62,6% и 41,8%). Такое распределение, скорее всего, является выражением особенностей психологии женщин: традиционно женщин определяют как «слабый пол».

Следующий вопрос о семье раскрывает мнение молодых людей о качествах, необходимых для семейной жизни. Из 10 предложенных качеств респондентам предлагалось выбрать пять наиболее значимых. Как показывают ответы, молодежь считает наиболее значимыми:

- умение материально содержать семью (81,5%);
- умение выполнять родительские обязанности (68,8%);
- умение погашать возникшие конфликты и ссоры (62,3%);
- умение быть заботливым и внимательным (59,6%);
- умение рационально вести бюджет семьи (49,3%).

Как мы видим, одним из главных качеств можно назвать «умение материально содержать семью». Причину высоких требований в отношении умения материально содержать семью объяснить сложно. Возможно, это является следствием сложного экономического положения населения

республики, особенно семей с детьми, что приводит к формированию у молодежи высоких требований создания экономической стабильности семьи. Также это может быть следствием распространяющегося культа денег и материальных благ среди молодежи. Можем лишь отметить, что данное качество занимает лидирующее значение как среди мужчин (88,9%), так среди женщин (75,9%).

Сравнение ответов мужчин и женщин о качествах, необходимых для семейной жизни, не выявил отличий по указанным выше качествам. Гендерное различие выражено в таком качестве, как «умение поддерживать хорошие отношения с родителями жены (мужа)». Это качество выделяют чаще женщины: 51,2% по сравнению с 27,8% у мужчин.

Другим важным выводом можно считать выбор молодежью качества «умение выполнять родительские обязанности» в пятерке наиболее важных качеств для семейной жизни. Таким образом, наше исследование свидетельствует о высокой ценности детей в мировоззренческой системе молодежи республики.

Интересным, на наш взгляд, является раскрытие представлений современной молодежи о распределении внутрисемейных обязанностей. Основными направлениями были выбраны: уборка квартиры, воспитание детей, покупка продуктов, материальное обеспечение, мелкий ремонт, организация досуга (табл. 3).

Таблица 3. Распределение обязанностей в семье (в %)

Обязанности	муж	жена	оба
По уборке квартиры	0,3	74,1	25,6
По воспитанию детей	1	8,9	90,1
По покупке продуктов	2,4	39,9	57,7
По материальному обеспечению	55,7	2,4	41,9
По мелкому ремонту	53,6	6,6	39,8
По организации семейного досуга	12,7	6,2	81,1

Результаты исследования показывают, что можно выделить две отрасли, за которые, по мнению респондентов, отвечают оба супруга: воспитание детей (90,1%) и организация семейного досуга (81,1%).

Основное большинство указывают на совместную ответственность мужа и жены в этих вопросах. Существует также «чисто женская обязанность» — это уборка квартиры (74,1% опрошенных отмечают, что этим

должна заниматься женщина и всего 25,6% — оба супруга). Сугубо «мужские» обязанностей выделить сложно: 55,7% респондентов считает, что семью должен материально обеспечить муж и 41,9% опрошенных относят эту обязанность к обязанностям обоих супругов. В вопросе мелкого ремонта аналогичная ситуация: 53,6% участников опроса указывают на ответственность мужа в данной сфере, а 39,8% предполагают общее участие супругов. Больше половины опрошенных считают, что покупкой продуктов должны заниматься оба супруга, 39,9% определяют это как женскую обязанность. Таким образом, по материалам нашего опроса в современной семье оба супруга должны заниматься воспитанием детей, организацией семейного досуга, а женщина — уборкой квартиры.

Если рассматривать ответы опрошенных в зависимости от принадлежности к полу, то по таким вопросам, как «уборка квартиры», «воспитание детей», «организация досуга» особых отличий не выявлено. Мужчины и женщины по-разному относятся к вопросу материального обеспечения семьи: 68,5% мужчин в сравнении с 42,3% женщин считают это мужской обязанностью и всего 26,2% мужчин против 50,3% женщин указали, что это обязанности обоих супругов. Мужчины чаще женщин склонны определять историческую роль мужчин-добытчиков. Такое же распределение в вопросе о мелком ремонте: 68,3% мужчин против 42,3% женщин отмечают, что это мужская прерогатива и 26,2% мужчин в сравнении с 50,3% женщин полагают, что этим должны заниматься оба супруга. Отличия в вопросах распределения обязанностей выражаются в большем определении мужчинами таких сфер, как «материальное обеспечение» и «мелкий ремонт» своими мужскими обязанностями. То есть среди семейных обязанностей респондентами выделяются обязанности общие и чисто женские. Однозначно выделить «мужские обязанности» сложно, хотя за материальное обеспечение семьи и мелкий ремонт скорее отвечает муж. [Нусхаева 2011: 730]

Семейная жизнь предполагает изменение поведения и привычек, но существуют такие аспекты жизнедеятельности, от которых сложно отказаться, несмотря на изменение статуса. В результате анализа таких аспектов можно отметить, что молодежь не готова отказаться от следующего:

- от друзей (49,4%);
- от родительской заботы (39,6%);
- от своей мечты (36,6%);
- от карьеры (27,2%);
- от личной свободы (26,0%);
- от убеждений (21,7%)

Для молодежи важным, прежде всего, остаются друзья, родительская забота и мечта. Рассматривая мнение о мужчинах и женщинах на данный вопрос, хотелось бы обратить внимание, что основная разница заключается в преобладании двух аспектов у женщин: «родительская забота» (48,2% в сравнении с 26,6% у мужчин) и «карьера» (34,8% против 16%). В первом случае возможно влияние психологической особенности полов: эмоциональная близость женщин с родителями, стремление к большей самостоятельности мужчин. Во втором случае, это, скорее всего, выражение более сложного карьерного роста у женщин в связи с совмещением родительства и профессиональной деятельности, профессиональной дискриминации, трудностей в трудоустройстве. Таким образом, на суждение молодых, отчего они не откажутся ради семейного счастья, влияет пол.

Изучение представлений молодежи о семье и браке показывает, что молодежь Калмыкии ориентирована на семейную жизнь и главными мотивами вступления в брак являются личные взаимоотношения и желание иметь детей. Для семейной жизни среди наиболее важных качеств выбраны качества, обеспечивающие экономическую стабильность семьи, успешное родительство, взаимопонимание. В семье, по мнению молодых, существуют совместные обязанности (воспитание детей и организация досуга), женские обязанности (уборка квартиры).

Литература

- Верецагина А. В. Трансформация института семьи и демографические процессы в российском обществе: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 47с.
- Нусхаева Б. Б. Молодежь Республики Калмыкия о семье: гендерный аспект // VI Ковалевские чтения: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 11–12 ноября 2011 г.). / Отв. ред. Ю. В. Асочаков. СПб., 2011. С. 729–732.
- Семья в России. 2008: Стат. сб. / Росстат. М., 2008. 310 с.
- Государственный комитет статистики [электронный ресурс]. // URL: www.gks.ru (дата обращения: 06.09.2011).

УДК 347.15/18

ББК 67.404

**О ПОРЯДКЕ ВНЕСЕНИЯ ИСПРАВЛЕНИЙ, ИЗМЕНЕНИЙ
В ЗАПИСИ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ***С. В. Четырева*

В соответствии с п. 3 ст. 47 ГК РФ [Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 30.11.1994] и п.1 ст. 69 Федерального закона от 15.11.1997 №143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» [СЗ РФ 1997] (далее — Федерального закона) исправление и изменение записей актов гражданского состояния производятся органом ЗАГС при наличии достаточных оснований и отсутствии спора между заинтересованными лицами.

Федеральным законом установлен исчерпывающий перечень оснований для внесения исправлений и изменений в записи актов гражданского состояния [СЗ РФ 1997: Ст. 69. П.2]:

- запись акта об усыновлении;
- запись акта об установлении отцовства;
- запись акта о перемене имени;
- решение суда;
- решение органа опеки и попечительства об изменении имени и (или) собственнo имени ребенка;
- заявление матери, не состоящей в браке с отцом ребенка, о внесении в запись акта о рождении сведений об отце ребенка либо об их изменении или исключении;
- заявление лица, достигшего совершеннолетия, об изменении сведений о родителе (родителях) в записи акта о рождении данного лица в случае перемены имени родителями (родителем);
- документ установленной формы, выданный органом дознания или следствия, об установлении личности умершего, смерть которого зарегистрирована как смерть неизвестного;

- документ установленной формы о факте смерти необоснованно репрессированного и впоследствии реабилитированного на основании закона о реабилитации жертв политических репрессий лиц, в случае, если смерть зарегистрирована ранее;
- заключение органа записи актов гражданского состояния о внесении исправления или изменения в запись акта гражданского состояния в случаях, предусмотренных ст. 70 Федерального закона.

Исправления и изменения не являются тождественными понятиями. Необходимо различать два понятия: «изменение актовой записи» и «исправление актовой записи».

Внесение исправлений в записи актов гражданского состояния связано с устранением ошибок, допущенных по небрежности работниками органов ЗАГС или по вине заявителя, а также третьих лиц при составлении актовой записи.

Термин «изменение» имеет более широкое значение. Под изменениями актовой записи понимается внесение в актовую запись новых сведений при наличии оснований, установленных Федеральным законом.

Основаниями для внесения изменений в записи актов гражданского состояния могут быть следующие записи акта гражданского состояния — об усыновлении, об установлении отцовства, о перемене имени.

На основании записей акта об усыновлении и установлении отцовства вносятся изменения в запись акта о рождении ребенка.

На основании записи акта о перемене имени вносятся изменения в записи актов гражданского состояния, ранее составленные в отношении лица, переименованного

имя. В какие именно записи акта гражданского состояния вносятся изменения, законодательно не регламентировано. В соответствии с п. 1 ст. 63 Федерального закона изменения вносятся «в записи актов гражданского состояния, ранее составленные в отношении лица, переименовавшего имя» [СЗ РФ 1997: С. 63. П.1]. Полагаем возможным вносить изменения в следующие записи актов гражданского состояния:

1) при перемене имени лицом, не состоящим в браке, — в записи акта о рождении заявителя;

2) в тех случаях, когда заявитель ранее состоял в браке, который к моменту регистрации перемены имени расторгнут, — внесение изменений в записи акта о расторжении брака, о заключении брака;

3) при перемене фамилии лицом, состоящим в браке, на фамилию супруга, если это лицо после регистрации заключения брака осталось на фамилии супруга по предыдущему браку, — в записи акта о заключении брака;

4) при регистрации перемены фамилии на фамилию супруга, — изменение в записи акта о заключении брака в графу «фамилия после заключения брака»;

5) при регистрации перемены собственнo «имени», отчества во все записи акта гражданского состояния, составленные ранее в отношении этого лица;

6) при перемене родовой фамилии — в записи акта о рождении, в записи акта о заключении брака, при необходимости в другие записи акта, например, о расторжении брака, о рождении детей.

Приняв заявление о перемене имени, работник органа ЗАГС запрашивает копии записей актов гражданского состояния, в которые необходимо внести изменения.

При перемене имени родителями изменяются сведения о родителях в записи акта о рождении ребенка, не достигшего совершеннолетия.

В записи акта о рождении ребенка, достигшего совершеннолетия, сведения о его родителях изменяются по заявлению данного лица.

При перемене фамилии обоими родителями и имени отцом изменяются фамилия и отчество их ребенка, не достигшего четырнадцати лет, в записи акта о его рождении.

При перемене фамилии одним из родителей фамилия их ребенка, не достигшего возраста четырнадцати лет, может быть изменена по соглашению родителей, а при отсутствии соглашения по указанию органа опеки и попечительства [СЗ РФ 1997: Ст. 63].

Одним из наиболее распространенных оснований для внесения исправлений и изменений в записи акта гражданского состояния является решение суда.

При этом в орган ЗАГС могут быть представлены решения суда о расторжении брака, о признании брака недействительным, о лишении родительских прав, об отмене усыновления, установления отцовства и др.. При исполнении решений суда в графе «иные сведения и служебные отметки» производится запись, что изменение (исключение, аннулирование сведений) произведено на основании решения суда.

Кроме того, суд в соответствии со ст. 307 ГПК РФ [СЗ РФ 2002] рассматривает дела о внесении исправлений и изменений в записи актов гражданского состояния, если органы ЗАГС при отсутствии спора о праве отказались внести исправления или изменения в произведенные записи.

Гр. А. обратилась в Лаганский районный суд с заявлением о внесении исправлений в записи акта о рождении, т.к. при регистрации ее рождения была допущена ошибка в написании имени ее отца. При этом ею было предъявлено извещение формы № 37, содержащее отказ Лаганского отдела ЗАГС Управления ЗАГС РК во внесении исправлений в записи акта о рождении ввиду отсутствия подтверждающих документов. Подтверждающим документом в данном случае служила бы запись акта о рождении отца заявительницы [Архив... Д. № 2-470/2007].

Основанием для внесения исправлений и изменений в записи актов гражданского состояния является документ установленной формы, выданный органом дознания или следствия, об установлении личности умершего, смерть которого зарегистрирована как смерть неизвестного лица [СЗ РФ 1997: Ст. 69. П. 2]. Внесение изменений в записи акта о смерти неизвестного лица производится по заявлению родственника умершего или другого заинтересованного лица.

Решение органа опеки и попечительства об изменении фамилии и (или) собственно имени ребенка также является основанием для внесения изменения в записи акта о рождении.

В органы ЗАГС поступают постановления органов опеки и попечительства об изменении фамилии ребенка на фамилию матери, принятую ею при регистрации заключения или расторжения брака. При этом обычны просьбы матери о внесении изменения фамилии в графе «сведения о матери» на фамилию, принятую ею при регистрации заключения брака или расторжения брака. Однако изменение фамилии в графе «сведения о родителях» на основании актов записей о заключении брака и расторжении брака законодательством не предусмотрено.

В соответствии с п. 2 ст. 69 Федерального закона основанием для внесения изменений в запись акта о рождении ребенка является заявление матери, не состоящей в браке с отцом ребенка, о внесении в запись акта о рождении ребенка сведений об отце либо об их изменении или исключении. При изменении имени в графе «сведения об отце» на основании такого заявления автоматически будет изменено и отчество ребенка, не достигшего возраста 14 лет.

В случаях, предусмотренных ст. 70 Федерального закона, основанием для внесения исправлений и изменений в записи актов гражданского состояния является заключение органа ЗАГС о внесении исправления или изменения в запись акта гражданского состояния. Данная статья содержит исчерпывающий перечень оснований, при которых орган ЗАГС составляет заключение о внесении исправления или изменения в запись акта гражданского состояния, таковыми являются случаи, когда:

- в записи акта гражданского состояния указаны неправильные или неполные сведения, а также допущены орфографические ошибки;
- запись акта гражданского состояния произведена без учета правил, установленных законами субъектов Российской Федерации;
- представлен документ установленной формы об изменении пола, выданный медицинской организацией.
- Перечень оснований для составления заключения расширительному толкованию не подлежит. Наиболее встречающиеся ошибки, когда неправомерно составляется заключение о внесении исправления, изменения в запись акта о рождении:
- при поступлении заявления матери, не состоящей в браке с отцом ребенка, о внесении в запись акта о рождении сведений об отце ребенка либо об их изменении или исключении;
- при поступлении заявления лица, достигшего совершеннолетия, об изменении сведений о родителе (родителях) в записи акта о рождении данного лица в случае перемены имени родителем (родителями).
- при составлении заключения о внесении изменений в графе «сведения о матери» записи акта о рождении ребенка после изменения фамилии матери на принятую ею при заключении либо расторжении брака.

Данное неверное понимание законодательства об актах гражданского состояния довольно часто встречалось после принятия Федерального закона 1997 г., однако постепенно оно было практически устранено.

Таким образом, основания для внесения исправлений и изменений в записи акта гражданского состояния законодательно регламентированы. Акты гражданского состояния индивидуализируют самого человека и его правовой статус. От того насколько совершенно законодательство об актах гражданского состояния, насколько эффективно, действенно оно определяет статус гражданина — субъекта права, — зависит, насколько полно будут урегулированы гражданские правоотношения с участием граждан, а также правоотношения в целом. В этой связи при внесении изменений и исправлений в записи акта гражданского состояния очень важно правильное толкование и применение действующего законодательства. Также имеется необходимость изменения, дополнения, конкретизации некоторых статей Федерального закона «Об актах гражданского состояния» [ЗАГС 2007: 8–12; Четырева 2008: 157–159].

Источники

- Гражданский кодекс Российской Федерации* (часть первая) от 30.11.1994. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 05.12.1994. № 32. Ст. 3301 (ред. от 30.11.2011).
- Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации* от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532 (ред. от 06.02.2012)
- Федеральный закон Российской Федерации «Об актах гражданского состояния»* от 15.11.1997. № 143-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 47. Ст. 5340. (ред. от 03.12.2011 № 378-ФЗ)

Архив Лаганского районного суда Республики Калмыкия. Решение от 21.11.2007 г. Д. № 2-470/2007

Литература

- Трудности правоприменительной практики. Организация работы органов ЗАГС // ЗАГС. 2007. № 5. С. 8–12.*
- Четырева С. В. Совершенствование законодательства об актах гражданского состояния // Современное состояние и перспективы нормотворческой деятельности в Республике Калмыкия: мат-лы Республик. науч.-практ. конф. Элиста: Изд-во КГУ, 2008. 172 с.*

УДК 343.9: 347.157.1
ББК X 518.8

**СЕМЕЙНОЕ НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ
КАК ФАКТОР РОСТА БЕЗНАДЗОРНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Б. А. Бяткиева

В России в конце XX – начале XXI в. семья переживает системный кризис: по существу разрушился обычный уклад взаимоотношений между супругами, при котором женщина являлась центром внутрисемейной жизни, а мужчина осуществлял связь семьи с обществом. Ломка любого социального института, в том числе семьи, разрушение традиций и обычаев, которые стабилизировали ее жизнь, неизбежно являются причинами нарастания преступного поведения несовершеннолетних.

Нездоровый, конфликтный климат в семье, ссоры, насилие, жестокость выступают мощными криминогенными факторами, формирующими насильственную и иную противоправную мотивацию, способствуют «привыканию» к подобному стереотипу поведения, в том числе и порождают безнадзорность детей.

Так, по данным органов внутренних дел РФ за 2004 г., 32600 детей самовольно ушли из дома из-за сложившейся трудной обстановки в семье, 61600 детей находились в розыске; около 60% родителей в России били и унижали своих детей в воспитательных целях, при этом наказание несли единицы [О положении детей... 2006: 83–84].

Ежегодно около 10 тыс. родителей лишаются судами родительских прав и более 2,5 тыс. детей забираются у родителей без лишения родительских прав, поскольку нахождение ребенка в родной семье представляет угрозу его жизни и здоровью [О положении детей... 2006: 83–84].

По данным последних лет, более 160 тысяч детей в России воспитываются в различного типа государственных учреждениях. При этом около 90% из них имеют родителей, которые уклоняются от их воспитания, лишены родительских прав, находятся в местах лишения свободы, отказались от детей. В последнее время наметилась и тенденция, когда многодетные и малообеспеченные семьи стремятся устроить детей в детские дома путем отказа от них из-за больших расходов на их содержание. То есть дети становятся сиротами при живых родителях [Ермаков, Крюкова, 2000: 63].

Приведенные выше данные свидетельствуют о серьезности проблем, с которыми сталкиваются семьи, и необходимости как можно более раннего выявления кризиса в социально-уязвимых семьях и оказания им помощи.

Общероссийские тенденции четко проявляются в Республике Калмыкия. Как известно, Республика Калмыкия находится в центре Южного федерального округа (далее — ЮФО) и граничит с Республикой Дагестан, Ставропольским краем, Волгоградской, Ростовской областями. Указанная особенность географического положения республики в значительной степени определяет и уровень криминогенной ситуации в республике. Так, если общий уровень жизни в ЮФО ниже на $\frac{1}{4}$, чем по России, то в Республике Калмыкия он составляет только 40,5% от общероссийского уровня. Только в 2006 г. по сравнению с 2002 г. в республике отмечалось снижение объемов производства сельхозпродукции на 31,7% (ср.: в ЮФО в среднем на 2,2%); рост безработицы составил более 5% при одновременном снижении зарплаты на 1,1%. [Данные Министерства экономики... 2006: 88].

В 2008 г. в республике насчитывалось 33742 малообеспеченных семей, в которых воспитывалось 50459 детей. Таким образом, более 60% детского населения республики не может реализовать право, гарантированное каждому, в том числе и ребенку — право на достойный уровень жизни [Доклад Уполномоченного... 2009: 38].

Семейное неблагополучие, характеризующееся систематическими конфликтами, насилием, агрессией родителей по отношению к детям, приводит к росту безнадзорности подростков, что является причиной роста преступности несовершеннолетних. Эта тенденция хорошо прослеживается в следующей криминогенной ситуации: за 2008 г. подростками и с их участием совершено 158 преступлений, что на 5,7% больше, чем за 2009 г. (149), уменьшилось количество преступлений, совершенных подростками в состоянии алкогольного опьянения на 12,5% (с 8 до 7).

Несмотря на снижение общих показателей преступности несовершеннолетних, количество некоторых видов преступлений, совершенных ими, увеличилось. Так, отмечается рост особо тяжких и тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними, на 3,9%.

Рост преступлений, совершенных подростками, наблюдается в следующих районах: Кетченеровском на 300% (с 1 до 4), Приютненском на 100% (с 1 до 2), Юстинском на 33,3% (с 3 до 4), Яшалтинском на 22,2% (с 9 до 11) и Малодербетовском на

20% (с 6 до 7) [Доклад Уполномоченного... 2009: 49–50].

Отсутствие теплых эмоциональных контактов с родителями в семье может повлечь за собой необратимые нарушения в психике ребенка, а в последующем вызвать агрессивное поведение. Как заметил известный врач и педагог Б. Спок, «преступники вырастают из детей, страдающих не от недостатка наказаний, а от недостатка любви» [Спок 2012: 78]. Многочисленные наблюдения за детьми и эксперименты с животными приводят исследователей к выводу, что наказание не только не устраняет агрессивность, но поощряет и усиливает ее [Забрянский 1997; Алексеев, Герасимов, Сухарев 2001]. Криминологам и работникам правоохранительных органов хорошо известно, что подавляющее большинство лиц, совершивших насильственные преступления, в детстве подвергались унижениям, наказаниям, страдали от жестокого обращения со стороны взрослых.

В России ряду государственных органов и учреждений законодательно предписано осуществлять профилактическую работу с семьями несовершеннолетних, оказывать им помощь. Речь идет о комиссиях по делам несовершеннолетних при органах местного самоуправления, органах социальной защиты населения, учреждениях защиты населения (центры социальной, психологической, педагогической помощи), образовательных учреждениях, органах внутренних дел. Такое положение, установленное Федеральным законом от 24 июля 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», не получило своего дальнейшего развития и распространения на семьи, в которых имеет место насилие над детьми.

В виду непродуктивности законодательных механизмов в решении указанной проблемы, на наш взгляд, необходимо активно внедрять социальные программы. Так, например, во многих зарубежных странах осуществляется мощное оповещение о насилии в семье: публичные заявления в СМИ, изготовление плакатов, листовок и т. д. [Domestic violence against women and girls 2000: 14]. В нашей стране данная эффективная мера профилактики до сих пор не получила должного распространения. Исходя из этого, сегодня необходимы школьные учебные программы подготовки подростков к их семейной жизни, которые

должны воспитывать взаимное уважение и терпимость между полами, а также вырабатывать навыки контроля за своими эмоциями, обучать мирному разрешению конфликтов.

«Если мы сможем вылечить семью, мы сможем вылечить мир» [Антонов 1995: 36]. Семья, несомненно, продолжает играть важную роль в нашей жизни и в жизни общества.

Именно поэтому нельзя допускать ее разрушения. Законодатель должен искать и находить любые возможности для оказания помощи и защиты прав лиц, образующих семью и заинтересованных в её сохранении. В России разработана теоретическая модель Основ законодательства о предупреждении преступлений [Основы государственной политики... 1997]. Весьма желательно, чтобы в этот законодательный акт были включены положения, разработанные в области семейной криминологии. Отметим, что к настоящему времени 44 государства приняли специальные нормативные акты, посвященные насилию в семье [Domestic violence against women and girls 2000: 1–22].

В заключение необходимо отметить, что до тех пор пока в государстве не будет действовать соответствующая социальная политика, пока не будут предприняты меры по оздоровлению института семьи, уровень беспризорности и степень криминализации подростковой среды будут характеризоваться достаточно высокими показателями.

Литература

- Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Е. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М.: Изд-во НОРМА, 2001. 496 с.
- Антонов А. И. Кризис семьи и пути его преодоления. М.: Юрид. лит., 1995. 221 с.
- Данные Министерства экономики России Правительству РФ // Криминологическая ситуация в РФ в начале XXI века / под общ. ред. Кикотя В. Я. М.: Юриспруденция, 2007. 337 с.
- Доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Калмыкия в 2008 г. Элиста: НПП «Джангар», 2009. 224 с.
- Доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Калмыкия в 2009 г. Элиста: НПП «Джангар», 2010. 120 с.
- Ермаков В. Д., Крюкова Н. И. Несовершеннолетние преступники в России. М., 2000.
- Забрянский Г. И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск: Наука и искусство, 1997. 173 с.
- О положении детей в Российской Федерации: государственный доклад. М., 2006. 32 с.
- Основы государственной политики борьбы с преступностью. Теоретическая модель. М., 1997. 34 с.
- Спок Б. Ребенок и уход за ним. 7-е изд. Минск: Попурри, 2012. 236 с.
- Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и её проблемы. М.: Наука, 1979. 334 с.
- Domestic violence against women and girls // Innocenti Digest. 2000. № 6. P. 1–22.

УДК 343

ББК Б.37

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ

Э. Ю. Авшеев

Миграционная проблематика — одна из самых актуальных в мире. Политики признают сложность ее изучения, а ученые, как отечественные, так и западные, отмечают, что не существует ни единства в понимании ее сущности, ни единых подходов к ее изучению [Методология и методы изучения... 2007: 5].

Учеными анализировались миграционная ситуация в постсоветской Калмыкии в целом, динамика миграционных процессов в республике [Убушаев 2009], а также внутрирегиональная миграция [Бадмаева 2009]. Изучению влияния внешних миграционных процессов на преступность и другие стороны жизни в Республике Калмыкия исследо-

вателями не уделялось должного внимания, и этот вопрос остается практически неисследованным до настоящего времени. В данной статье анализируется влияние миграционных процессов и в частности преступности иностранных граждан на состо-

яние преступности в целом в Республике Калмыкия.

Общие сведения официальной статистики о внешних миграционных процессах в Республике Калмыкия за 2008–2011 гг. представлены в таблице № 1.

Таблица 1

	Оформлено разрешений на временное проживание иностранным гражданам	Оформлено видов на жительство иностранным гражданам	Поставлено на миграционный учет иностранных граждан	Оформлено разрешений на работу иностранным гражданам	Привлечено к административной ответственности иностранных граждан
2008	218	28	3220	565	371
2009	263	23	4567	1090	410
2010	186	58	5325	984	560
2011	200	152	5830	876	459

Как следует из таблицы, количество иностранных граждан, принятых на миграционный учет в республике, за последние годы в целом возросло. При этом в 2011 г. наблюдалось значительное увеличение выданных видов на жительство. В то же время число разрешений на временное проживание в последние два года уменьшилось. В целом миграционная ситуация в Республике Калмыкия отличается относительной стабильностью.

Криминальная активность, агрессия, ксенофобия могут быть порождением различных девиантных тенденций, которые доминируют в среде мигрантов. Мигранты и вынужденные переселенцы давно привлекали внимание не только криминологов, но и психологов, социальных работников, психиатров, так как у них чаще обнаруживаются различные социальные отклонения и психические расстройства, чем в общей популяции. Помимо различных девиаций, специалистами изучались социальные и средовые факторы, влияющие на миграционную активность и формы миграционного поведения [Бакин 2011: 26].

Процессы, происходящие в сфере миграции, оказывают существенное влияние на состояние национальной безопасности государства, на международную стабильность. При отсутствии эффективной миграционной политики мигранты, прежде всего нелегальные, становятся питательной средой для организованной преступности, наркобизнеса, терроризма. Эта среда спо-

собствует росту и воспроизводству угроз государству и гражданскому обществу [Добыш 2008: 24].

Проведенные учеными исследования свидетельствуют о наличии в обществе своего рода ксенофобии в отношении мигрантов. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что устойчиво сохраняется стереотип о криминальности мигрантов и существенном их влиянии на криминогенную обстановку в регионе. При этом представления населения о преступности мигрантов часто не соответствуют действительности [Богданов 2009; Шкель, Владимиров 2006].

Особое значение для эффективного противодействия преступности имеют криминологические исследования, специфика которых во многом определена предметом криминологии как науки. Криминология — это наука о закономерностях возникновения и развития преступности, ее причинах, личности преступника и преступной деятельности, жертве преступления, основах организации борьбы с преступностью и осуществления антикриминогенной политики [Клейменов 2006: 13].

По мнению отечественных криминологов, сотрудников правоохранительных органов, общественных и политических деятелей, миграция (в первую очередь нелегальная) создает почву для теневой экономики, этнической преступности, непосредственно влияет на коррупционные процессы, способствует распространению опасных ин-

фекций (СПИД, гепатит, туберкулез и т. д.). На протяжении десяти последних лет миграционная ситуация в стране оценивается как сложная [Голок, Ким 2009: 20].

Количество преступлений, совершаемых как мигрантами, так и против них, имеет тенденцию к росту. В значительной степени это связано не с криминальными наклонностями приезжих, а, прежде всего, с отсутствием должного контроля за ними. Нередко групповая преступная активность формируется в условиях закрытых диаспор и этнических сообществ (что объясняет высокую латентность преступлений, совершаемых иностранцами). Подавляющее большинство таких преступников (до 91,6%) выходцы из стран СНГ [Графова 2010: 11].

М. М. Бабаев утверждает, что «существует устойчивая связь между показателями миграции населения и преступностью (коэффициент корреляции равен 0,72). Области и края РСФСР с высокими показателями интенсивности миграции населения отличаются чаще всего и повышенными показателями преступности. Однако какие-либо жесткие пропорции между показателями миграции населения и преступности отсутствуют. Ведь если бы связь между показателями миграции населения и преступности была однозначной и прямолинейной, следовало бы заключить, что преступность определяется одним-единственным или

явно преобладающим фактором — миграцией населения. В общем комплексе (или, точнее, системе) причин преступности отрицательным последствием миграции населения принадлежит место одного из факторов, роль которого зависит от интенсивности проявления других факторов. Действие последних может как бы суммироваться с действием миграции, усиливая ее криминальное влияние. Одновременно иные, положительные факторы могут нейтрализовать или смягчать отрицательные потенции данного явления, и тогда статистическая связь между миграцией и преступностью не обнаруживается» [Бабаев 1975: 44–45].

Анализ материалов статистики и данных ведомственной отчетности отдела ФМС России по Республике Калмыкия [Текущий архив... 2008–2011] показывает, что количество раскрытых преступлений, совершенных иностранными гражданами, небольшое и не оказывает влияния на криминальную обстановку в республике в целом (см. табл. 2). При этом для расчетов берется не все количество совершенных преступлений на территории Республики Калмыкия за определенный период, а количество раскрытых преступлений, по которым установлены лица, так как среди зарегистрированных преступлений имеются и нераскрытые, по которым невозможно определить принадлежность лица к какому-либо гражданству.

Таблица 2

	Общее количество преступлений, по которым установлены лица, их совершившие на территории Республики Калмыкия /гражданами РФ	Количество преступлений, совершенных иностранцами гражданами	Численность населения в Республике Калмыкия	Количество иностранных граждан, поставленных на миграционный учет в Республике Калмыкия	Коэффициент преступности граждан РФ на территории Респ. Калмыкия (на 100 тыс. населения по окончанным УД)	Коэффициент преступности иностранцев на территории РК (на 100 тыс. по окончанным УД).
2008	2456/2440	16	289921	3220	841,6	496,8
2009 год	2369/2346	23	289847	4567	809,3	503,6
2010 год	2110/2104	6	288885	5325	728,3	112,6
2011год	2062/2055	7	286782	5830	716,5	120

Таким образом, коэффициент преступности иностранных граждан и лиц без гражданства по раскрытым преступлениям

намного меньше показателя коэффициента преступности граждан РФ в Республике Калмыкия из расчета на 100 тыс. населения

и имеет тенденцию к уменьшению, несмотря на увеличение количества иностранных граждан, поставленных на миграционный учет. В целом можно сделать вывод, что внешние миграционные процессы не оказывают значительного влияния на преступность в Республике Калмыкия и коэффициент преступности иностранных граждан снижается за последние годы с 0,6 до 0,4% от общего количества раскрытых преступлений.

Источники

Текущий архив ОФМС России по Республике Калмыкия. Номенклатурное дело № 1/5 «Документы (отчеты, аналитические таблицы и справки) об итогах работы ОФМС России по Республике Калмыкия» // URL://10.5.0.16/?do=stat.regl_docs&form_code=494-.

Текущий архив отдела ОФМС России по Республике Калмыкия (2008–2011). Данные статистической отчетности ФМС России. Формы 1-РД.

Территориальный орган федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] // URL //www.statrk.ru/digital/region1/ (дата обращения 12.03.2012г.)

Литература

Бабаев М. М. Теоретические основы криминологического исследования социально-демографических процессов в СССР: Автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 1975. 37 с.

Бадмаева Н. В. Внутрорегиональные миграционные процессы в Республике Калмыкия // Вестник КИГИ РАН. 2009. № 1. С. 69–72.

Бакин А. А. Особенности криминологической профилактики групповых преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства // Миграционное право. 2011. № 2. С. 26–28.

Богданов В. Криминальная миграция // Российская газета. 22.05.2009. С. 5.

Голюк Н. С., Ким Е. Р. К вопросу о механизме криминологического обеспечения миграционной политики // Миграционное право. 2009. № 4. С. 15–25.

Графова Л. Чужие // Российская газета. 13.10.2010. С. 13.

Добыш М. А. Влияние миграции на экономическую безопасность Российской Федерации // Миграционное право. 2008. № 3. С. 22–25.

Клейменов М. П. Криминология. М.: Норма, 2008. 448 с.

Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие / под ред. Зайончковской Ж., Молодиковой И., Мукомеля В. М.: Центр миграционных исследований, Адамант, 2007. 370 с.

Убушаев М. Б. Миграционные процессы в Республике Калмыкия в постсоветский период // Вестник КИГИ РАН. 2009. № 1. С. 65–69.

Шкель Т., Владимиров Д. Пушкин для мигрантов // Российская газета. 05.12.2006

УДК 347.191.11

ББК 404.013

ГОСКОРПОРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФУНКЦИИ, СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С. С. Аштаева

В России претворение в жизнь корпоративной идеи началось при Петре I. После посещения ряда европейских стран, ознакомившись с хозяйственной деятельностью корпораций и видя прямую выгоду для государства, царь издал законодательный акт, которым регламентировалось создание корпораций в России. В Указе от 27 октября 1699 г. купцам предписывалось создавать торговые компании. Позже

были изданы и другие указы, регламентирующие деятельность торговых компаний (1706–1711 гг.).

Впоследствии в России были приняты нормативные акты, где законодательно закреплялись формы и виды деятельности корпораций (Торговый устав — 1903 г., Свод законов гражданских — 1910 г., Устав промышленности — 1913 г., Устав кредитный — 1914 г.)

С 1917 г. хозяйственные отношения в России существенно изменились и стали основываться на таких категориях, как план, государственное регулирование, целесообразность и др. В 1920 г. в Советской России корпорации практически были уничтожены, и только переход российского общества к рыночным отношениям открыл путь развитию корпоративного права на современном этапе [Аштаева 2011: 118].

В отличие от ряда европейских стран, государств Северной и Южной Америки, где корпорации функционируют повсеместно [Кравцов 1978: 101], в настоящее время в России существует 7 государственных корпораций и 1 государственная компания. Госкорпорации как явление остаются в настоящее время недостаточно исследованными. В данной статье освещаются цели создания госкорпораций, сроки и место осуществления их деятельности, функции и контроль за их осуществлением, корпоративная структура, система отчетности, состав наблюдательного совета.

Госкорпорации различаются в соответствии с основными целями, предполагающими достижение определенных результатов их деятельности.

Выделяются госкорпорации, созданные с узконаправленными целями. К примеру, ГК «Олимпстрой» [СЗ РФ 2007: № 45. Ст. 5415] создана для реализации мер по строительству инфраструктуры олимпийских игр, ГК «Фонд содействия реформированию ЖКХ» [СЗ РФ 2007: № 30. Ст. 379] — для расселения и сноса аварийного и ветхого жилья и т. д. Другие госкорпорации отличаются широким спектром целей деятельности (ГК «Роснано» [СЗ РФ 2010: № 31. Ст. 4180], «Росатом» [СЗ РФ 2007: № 49. Ст. 6078], «Ростехнологии» [СЗ РФ 2007: № 48 (ч. 2). Ст. 5814] и др.).

Исходя из целей создания госкорпораций определяются и сроки их деятельности. Созданные с узконаправленными целями госкорпорации ограничены законодательным сроком их деятельности, тогда как госкорпорации с широким спектром целей деятельности созданы на неопределенный срок.

Согласно осуществляемым функциям государственные корпорации возможно сгруппировать по 3 блокам:

1. Госкорпорации, осуществляющие функции, связанные с формированием и использованием имущества (ГК «Агент-

ство по страхованию вкладов» [Концепция 2005], Внешэкономбанк [СЗ РФ 2007: № 22. Ст. 2562]);

2. Госкорпорации, осуществляющие организационно-координирующие функции (без властных полномочий) — ГК «Ростехнологии»;

3. Госкорпорации, осуществляющие распорядительные, регулирующие и контрольные функции (основанные на властных полномочиях) — ГК «Олимпстрой».

Госкорпорации наделены широкими управленческими полномочиями, которые указываются в актах об их создании, и выражают общественные интересы. Они организационно обособлены от государственных органов, но в то же время подотчетны одновременно органам законодательной власти и отдельным министерствам, а в некоторых случаях — и главе государства. В условиях наделения госкорпораций государственно-властными функциями государство оставляет за собой право контроля за их деятельностью (Президент РФ, Правительство РФ, Федеральное собрание РФ) [Ивашкина 2011: 104].

В зависимости от рентабельности зоны действия, корпорации делятся на действующие в сферах финансово непривлекательных для частного бизнеса и сферах, которые привлекательны для других участников. В сферах, финансово непривлекательных для частного бизнеса, действуют госкорпорации «Роснано», «Фонд содействия реформированию ЖКХ», «Олимпстрой». В таких сферах хозяйствующие субъекты мало задействованы, поскольку деятельность в них требует больших капиталовложений, кроме того, научно-технический прогресс требует солидных ассигнований на научные исследования.

Корпорации, которые действуют в области, привлекательной для иных участников рынка, отличаются тем, что в них установлена государственная монополия — это ГК «Агентство по страхованию вкладов», Внешэкономбанк, ГК «Ростехнологии», «Росатом». Относительно последних можно сказать, что создано некое подобие искусственной монополии, поскольку конкуренция в таких сферах экономически возможна, но она не допускается государством ввиду ее нецелесообразности [Каплин 2011: 154].

Отчетность о своей деятельности госкорпорации представляют в Правительство РФ (ГК «Агентство по страхованию

вкладов», «Росатом», «Роснанотех»); Президенту и Правительству РФ (ГК «Ростехнологии», «Олимпстрой»); Президенту РФ, Федеральному собранию РФ, Общественной палате РФ (ГК «Фонд содействия реформированию ЖКХ»); в Счетную палату РФ, главному распорядителю средств федерального бюджета, предоставляющему субсидии компании, и в федеральный орган исполнительной власти (госкомпания «Автодор»). Внешэкономбанк отличается тем, что не направляет отчетность никаким инстанциям.

Составы наблюдательных советов госкорпораций назначаются следующими органами власти:

а) Президентом РФ (ГК «Ростехнологии», «Росатом», «Роснанотех»);

б) Правительством РФ (ГК «Фонд содействия реформированию ЖКХ», «Олимпстрой», «Агентство по страхованию вкладов», Внешэкономбанк, государственная компания «Автодор»).

Нормативное определение деятельности корпораций различно: в одних случаях она обозначается как функции, в других — как полномочия.

Госкорпорация как организация предпринимательского типа занимается производством с целью получения определенного дохода. При этом в условиях производственной деятельности госкорпорация реализует и социально-экономические цели (например поддержание целостности общественного воспроизводства, сглаживание амплитуды циклических колебаний, обеспечение прогрессивных структурных изменений в макроэкономике, развитие социальной инфраструктуры, охрана окружающей среды и др.).

Источники формирования имущества госкорпорации можно разделить на частные и публичные. В первом случае имущество передается данной организации в частно-правовом порядке и чаще всего используется на нужды самой организации. Во втором — имущество передается данной организации на основании обязывающих предписаний законодательства на реализацию поставленных задач.

Создание госкорпораций в РФ осуществляется в особом порядке, который можно квалифицировать как специальный и распорядительный. Порядок прекращения деятельности госкорпорации также является распорядительным и требует принятия спе-

циального федерального закона. Необходимо отметить, что общие нормы, определяющие основания реорганизации и ликвидации юридических лиц, регулирующие их процедуру, применяются к госкорпорациям ограниченно. Ликвидация госкорпорации возможна в основном только при наличии воли самого государства.

Обобщая, можно сделать выводы, что госкорпорации, создаваемые на основании конкретных законов, отличаются друг от друга по различным параметрам. Оптимальным образом совмещая управленческие и хозяйственные цели, госкорпорации представляют собой уникальные организации опосредственного участия государства в жизни общества.

В настоящее время целесообразность наличия в нашей стране организационно-правовой формы госкорпораций ставится под сомнение, но даже оппоненты их существования признают специфичность и необходимость научных исследований правового статуса государственных корпораций.

Источники

Конституция Российской Федерации // Российская газета. 25.12.1993. № 237.

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

Концепция деятельности государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» по реализации положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций». Решение Правления ГК «Агентство по страхованию вкладов» от 25.11.2004 // Вестник Банка России. 2005. № 4. [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/popular/strahov/74_1.html (дата обращения 12.02.2012)

Федеральный Закон «О государственной корпорации по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта» от 30.10.2007 № 238-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.11.2007. № 45. ст. 5415.

Федеральный Закон «О фонде содействия реформированию ЖКХ» от 21.07.2007 № 185-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 23.07.2007. № 30. Ст. 3799.

Федеральный Закон «О реорганизации российской корпорации нанотехнологий» от 27.07.2010 № 211-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 02.08.2010. № 31. Ст. 4180.

Федеральный Закон «О государственной корпорации по атомной энергии “Росатом”» от 22.11.2010 № 305-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.12.2007. № 49. Ст. 6078.

Федеральный Закон «О государственной корпорации “Ростехнологии”» от 23.11.2007 № 270 - ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 26.11.2007. № 48 (2 ч.). Ст. 5814.

Федеральный Закон «О банке развития» от 17.05.2007 № 82-ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации. 28.05.2007. № 22. Ст. 2562.

Федеральный Закон «О государственной компании «Российские автомобильные дороги» от

17.07.2009. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 20.07.2009. № 29. Ст. 3582.

Литература

Аштаева С. С. Из истории возникновения корпораций // Вопросы права в современном мире: мат-лы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. Ч. 1. Новосибирск: изд. «Априори», 2011. С. 116–119.

Кравцов А. К. Государственные корпорации Канады // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 101–105.

Каплин С. Ю. Государственная корпорация как субъект права: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. 248 с.

Ивашкина С. Г. Гражданско-правовой статус государственной корпорации: дис.... канд. юрид. наук. М., 2011. 201 с.

УДК 332
ББК 65

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

А. И. Бородин

Подходы к моделированию региональных экономических систем [Дорошенко 1997: 56–75, 92, 103; Социально-экономический...: 72–79, 145–152], реализованные на практике, можно разбить на три группы (табл. 1).

При формировании динамического критерия следует рассматривать не значения самих показателей, а порядок их движения (динамический порядок показателей). Определить движение можно лишь сопоставляя значения показателей через равные промежутки времени. Если под движением

в традиционном представлении понимается перемещение в пространстве за определенный промежуток времени, то экономическая система существует в экономическом пространстве, но перемещаться в нем она не может, так как не является материальным объектом. Движение такого объекта можно зафиксировать через сопоставление структуры совокупного экономического процесса, происходящего в экономической системе, в разные моменты времени. Именно структура несет в себе тот квазиматериальный образ, который можно фиксировать.

Таблица 1

Сравнительный анализ моделей прогнозирования социально-экономического потенциала региона

Группа моделей	Принцип модели	Достоинства	Недостатки
Модели, основанные на одном или группе критериев	Сравнивается динамика изменения ряда показателей, которые выделены в группу основных характеристик системы по отношению, как правило, к предыдущему отчетному периоду. Прогнозы строятся на основе ряда точек наблюдения базовых показателей, их аппроксимации, построения тренда и т.п.	- простота расчета; - однозначная интерпретация получаемых результатов; - широкое распространение подобных моделей	- нарушается целостность анализа экономической системы, так как внимание акцентируется на изменении каждой характеристики системы отдельно; - используемые в моделях приемы и методы анализа не позволяют в должной степени учитывать влияние внешних факторов; - отсутствует единый критерий, по которому можно было бы оценить характер изменений в функционировании исследуемого объекта в целом

Модели, основанные на концепции баланса	Моделирование на основе региональных данных, отражающих балансовые ограничения по производству и распределению выделяемых видов продукции, по производственным капиталовложениям, по трудовым ресурсам и др.	- позволяет определять соответствие между возможностями и потребностями, между имеющимися ресурсами и объемом продукции	- применимы для стационарных экономических процессов
Модели, в основе которых лежит анализ структуры экономического объекта	Ранжирование регионов по трем блокам показателей: блок производственных возможностей, финансово-инвестиционный, социальный	- позволяют установить «узкие места» в региональном развитии	- достаточно громоздки; - попытка предложить универсальную модель нивелирует специфику развития того или иного региона

Каждый компонент структуры существует в своем экономическом времени, поэтому возникает необходимость соизмерения результатов процесса через фиксацию определенных параметров. Напрямую они несоизмеримы, так как находятся в разных плоскостях и соответственно могут иметь различные единицы измерения.

С другой стороны, получаемые значения параметров характеризуют совокупный экономический процесс, генерируемый существующей структурой. Следовательно, они могут быть сведены на одну ось тривиальным образом — преобразованием в безразмерные величины, но при этом последние должны сохранить качество отражаемого элемента структуры, его перемещения в собственном времени. Таким измерителем выступает ускорение.

Моделирование оценки использования социально-экономического потенциала региона предлагается проводить в несколько этапов [Бильчак, Бородин: 25–32].

Этап 1. Формализуется динамический критерий. Формальным отражением принятого критерия является критериальный порядок движения показателей, отобранных для характеристики экономического потенциала региона. Критериальный порядок представляет собой ранговый ряд, в котором показатели, включенные в список, упорядочены в соответствии с принятым критерием:

- показатели, характеризующие основные экономические процессы;
- показатели, характеризующие вспомогательные экономические процессы;

- показатели, характеризующие процессы жизнеобеспечения;

- показатели, характеризующие процессы, которые препятствуют реализации регионального экономического процесса.

Этап 2. Показатели, включенные в приведенный выше перечень, разнородны по единицам измерения (стоимостные, натуральные и др.). Проблема их сопоставления решается с помощью процедуры сглаживания исходных данных. Процедура сглаживания временных рядов достаточно часто применяется при обработке статистических данных в экономических исследованиях. Основной целью такой обработки являются выделение тренда и уменьшение уровня шума. Следует отметить, что качество первичной обработки статистических данных во многом определяет качество (точность) экономико-математической модели. Для первичной обработки временных рядов нами предлагается медианная процедура нормирования (сглаживания).

Пусть дан временной ряд $p_1, p_2, \dots, p_n$. Тогда каждый новый элемент сглаженного ряда c_i можно вычислить по формуле

$$c_i = 1 + (p_i - M_i) / (p_{\max} - p_{\min} + 1), i = 1 \dots k(1),$$

где M_i — медиана временного ряда; $p_{\max}$, $p_{\min}$ — максимальный и минимальный члены ряда.

Этап 3. Формируются фактические ранговые ряды движения показателей. С этой целью:

- рассчитываются темпы роста показателей (анализ темпов позволяет оценить измене-

ние условий, в которых происходит функционирование исследуемой системы);

- рассчитывается ускорение изменения величин показателей;
- ранжируется список показателей по убыванию величины ускорения их движения, т.е. первый ранг закрепляется за показателем с наибольшим ускорением, а последний — за показателем с наименьшим ускорением.

Проблема, с которой можно столкнуться при выполнении расчетов, заключается

в дифференциации показателей с равными ускорениями. Для решения этой задачи ранги показателей, имеющих одинаковые ускорения, можно определить по содержательным соображениям, вытекающим из конкретных задач исследования.

Результатом третьего этапа является формирование ранговых рядов (табл. 2), которые отражают структуру движения анализируемых показателей в разные периоды функционирования экономической системы.

Таблица 2

Матрица рангов движения показателей

Наименование показателя	Критериальный порядок движения	Фактический порядок движения по периоду				
		t_1	t_2	t_3	...	t_k
Показатель 1		X_{11}	x	x_{11}		x_{11}
Показатель 2		X_{21}	$\dot{X}$	$\dot{X}$		
Показатель 3		X_{31}	$\dot{X}$	$\dot{X}$		$\dot{X}$
Показатель N		X_{N1}	$\dot{X}$	$\dot{X}$		$\dot{X}$

Этап 4. Проводится сравнение двух ранговых рядов — критериального и фактического. Ранговые ряды отличаются друг от друга по двум основным характеристикам: во-первых, разностью между номерами отдельных показателей и, во-вторых, инверсией одного полного ряда по отношению к другому. Для оценки близости фактического и нормативного порядков используются коэффициенты ранговой корреляции по отклонениям ($K_{откл}$) и по инверсиям ($K_{инвер}$).

Результатирующую оценку близости фактической структуры движения показателей системы к критериальной (эталонной), основанную на двух коэффициентах ранговой корреляции для данного периода времени, можно рассчитать по формуле

$$R = \frac{(1 + K_{откл}) \times (1 + K_{инвер})}{4} \quad (2)$$

Результатирующая оценка показывает, насколько характер изменений в структуре связей системы отвечает выбранному критерию оценки. Этот показатель позволяет оценить эффективность принимаемых управленческих решений в соответствии с заданным критерием. Диапазон изменения этого показателя от 0 до +1. При этом +1 — полное совпадение изменений в структуре связей системы с выбранным критерием; 0 — полное несовпадение изменений в системе относительно выбранного критерия.

Кроме количественной, может быть проведена и качественная оценка, позволяющая сделать вывод о принадлежности экономического пространства региона к той или иной типологической группе. Исходными данными для такой оценки будут ускорения движения показателей по каждому из блоков (табл. 3).

Таблица 3

**Система показателей для оценки использования потенциала
экономического пространства региона**

№	Блок показателей	Наименование показателей
1	Характеризующие основные процессы в регионе	Сальдированный финансовый результат деятельности организаций
		Валовая производительность труда
		Инвестиции в основной капитал на душу населения
		Иностранные инвестиции в экономику региона
		Валовой региональный продукт на душу населения
2	Характеризующие вспомогательные процессы в регионе	Перевозки грузов автомобильным транспортом
		Объем работ, выполненных по договору строительного подряда
		Численность студентов государственных вузов на 10000 чел. населения
3	Характеризующие процессы жизнеобеспечения в регионе	Наличие собственных легковых автомобилей на 1000 населения
		Густота автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием
		Наличие квартирных телефонов на 1000 чел. сельского населения
		Объем платных услуг на душу населения
		Оборот розничной торговли на душу населения
		Численность врачей на 10000 чел. населения

С учетом того, что показатели в каждом блоке необходимо ранжировать, возникает задача установления весовых коэффициентов для каждого показателя. Вес каждого показателя ускорения должен, с одной стороны, определяться его местом в блоке, с другой — зависеть от количества показателей в блоке. Для получения весовых коэффициентов, отвечающих этим требованиям, нами предлагается использовать экспоненциальную зависимость от числа, обратного

порядковому номеру показателя в блоке:

$$w_i = e^{(1/i)} / \sum_{j=1}^n e^{(1/j)} = 1/n \cdot e^{(1/i)} \quad (3),$$

где w_i — весовой коэффициент показателя, занимающего i -е место в блоке; e — основание натурального логарифма; n — количество показателей в блоке.

Для блоков, включающих до десяти показателей, числовые значения коэффициентов приведены в табл. 4.

Таблица 4

**Весовые коэффициенты для расчета среднего значения
ускорения показателя в блоке**

№ показателя	Количество показателей в блоке								
	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	0,622	0,472	0,386	0,329	0,288	0,256	0,232	0,211	0,195
2	0,378	0,286	0,234	0,199	0,174	0,155	0,140	0,128	0,118
3	-	0,242	0,198	0,169	0,148	0,132	0,119	0,109	0,100
4	-	-	0,182	0,155	0,136	0,121	0,109	0,100	0,092
5	-	-	-	0,148	0,129	0,115	0,104	0,095	0,088
6	-	-	-	-	0,125	0,111	0,101	0,092	0,085
7	-	-	-	-	-	0,109	0,098	0,090	0,083
8	-	-	-	-	-	-	0,097	0,088	0,081
9	-	-	-	-	-	-	-	0,087	0,080
10	-	-	-	-	-	-	-	-	0,079

Произведя расчет средних значений ускорений показателей по каждому из четырех блоков, получим матрицу (см. табл. 5) для определения типа экономического пространства региона.

По изменениям значений в табл. 5 с учетом критериального признака можно проследить процесс трансформации социаль-

но-экономического пространства региона и выявить причины, вызывающие такую трансформацию. Для того чтобы дать количественную оценку процессу трансформации, предлагается рассчитывать уровень синхронности социально-экономического развития региона.

Таблица 5

Матрица данных для определения типа экономического пространства региона

Наименование блока показателей	Среднее значение ускорения в блоке по периоду				
	T ₁	T ₂	T ₃	...	T _k
Блок 1 (основные процессы)	U12	U12	U13		U1K
Блок 2 (вспомогательные процессы)	U21	U22			U2K
Блок 3 (процессы жизнеобеспечения)	U31	U32	U33		U3K
Блок 4 (препятствующие процессы)	U41	U42	U43		U4K

Уровень синхронности предлагается определять относительно основных процессов, поскольку именно они определяют тенденцию развития региона:

$$SI = (Kov + Kож + Kon) / 3,$$

где *Kov* — коэффициент корреляции между скоростью развития основных и вспомогательных процессов; *Kож* — коэффициент корреляции между скоростью развития основных процессов и процессов жизнеобеспечения; *Kon* — коэффициент корреляции между скоростью развития основных процессов и процессов, препятствующих развитию.

Данный показатель отражает степень синхронизации вспомогательных процессов, процессов жизнеобеспечения и процессов, препятствующих развитию, по отношению к основным процессам.

Уровень фрактальности регионального социально-экономического развития предлагается оценивать средней величиной совпадений за исследуемый период конфигураций экономических пространств региона и страны.

$$F_r = \frac{\sum a_i}{T},$$

где *T* — количество исследуемых периодов.

При совпадении конфигураций в текущий момент времени уровень (*a_i*) оценивается как 1, при несовпадении — 0. Дан-

ный показатель отражает степень соответствия конфигурации экономического пространства региона и страны за исследуемый период.

Уровень неоднородности социально-экономического развития предлагается определять по формуле:

$$N_r = \frac{\sum \Delta C}{(T-1) \times C_{max}}$$

где *C_i* — количество пунктов, на которое произошло изменение конфигурации экономического пространства в *i*-м периоде; *C_{max}* — максимально возможное количество пунктов изменения конфигурации; *T* — количество исследуемых периодов.

Данный показатель отражает постоянство структуры социально-экономического развития региона во времени.

Уровень самоорганизации экономической системы региона предлагается определять следующим образом. Для каждого периода времени рассчитывается средневзвешенная (табл. 4) скорость основных, вспомогательных процессов и процессов жизнеобеспечения. Затем определяется изменение скорости средневзвешенной группы процессов (*g*) и процессов, препятствующих развитию (*p*) относительно предыдущего периода:

$$S_r = I - \frac{1}{T-I} \sum a_i,$$

где T — количество исследуемых периодов.

Предлагаемый показатель отражает способность региональной социально-экономической системы нивелировать воздействие процессов, препятствующих ее развитию.

Взяв за основу эти три показателя, сформируем интегральный показатель, отражающий оценку использования социально-экономического потенциала региона:

$$P = 1 - \frac{F_r + F_r + S_r}{3}$$

Предложенные методические подходы к прогнозированию социально-экономического потенциала региона обеспечивают единство и комплексность получаемой оценки. Появляется возможность сравнения

количественных оценок использования потенциалов экономического пространства разных регионов. Такой подход позволяет проводить анализ не от достигнутого уровня, а на основе оценки «расстояния» до эталона и сводить оценку многих сторон хозяйствования к измерению на одной шкале.

Литература

- Бильчак В. С., Бородин А. И. Формирование устойчивого развития предприятия региона: механизмы, методы, управление (эколого-экономический аспект). Калининград: РГУ им. И. Канта, 2009. 185 с.
- Дорошенко Ю. А. Экономический потенциал территории. СПб.: Химия, 1997. 237 с.
- Социально-экономический потенциал региона: проблемы оценки, использования и управления / под ред. чл.-кор. РАН А. И. Татаркина. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 279 с.

УДК 336
ББК 65.05

ФИНАНСОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИК ЮЖНОГО И СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ РФ

Н. И. Сидорова

В связи с совершенствованием и переходом на среднесрочное государственное планирование и прогнозирование социально-экономического развития территорий, а также внедрением в бюджетное планирование бюджетирования, ориентированного на результат, становятся актуальными вопросы определения критериев и индикаторов оценки и сравнения финансовых потенциалов регионов, тенденций их изменений. Объективная оценка финансового потенциала региона даёт возможность определения реальных перспектив экономического и социального развития территории.

Показатели значений финансового потенциала могут быть обобщающим индикатором, отражающим финансовые возможности всех звеньев финансовой системы территории: консолидированного бюджета

региона, бюджетов организаций и домашних хозяйств в решении задач развития региональной экономики.

Финансовый потенциал зависит от уровня социально-экономического развития региона, его производственного потенциала, наличия и эффективного использования природных и трудовых ресурсов, финансовой устойчивости бюджетной системы и предприятий, а также уровня жизни населения. В связи с существующими различиями по перечисленным выше факторам отмечается резкая дифференциация финансовых потенциалов регионов и их возможностей в модернизации и формировании инновационной экономики региона.

Финансовый потенциал субъекта Российской Федерации может определяться по традиционным критериям оценки как высокий, средний, низкий.

Высокий финансовый потенциал имеет-ся в основном у промышленных регионов с преобладающей в экономике долей добычи и экспорта полезных ископаемых — регио-нов, которые являются донорами. Экспорт продукции обеспечивает формирование до-ходной части, полное покрытие расходов консолидированного бюджета территории, прибыльность предприятий и более высо-кий уровень заработной платы.

Финансовый потенциал среднего уров-ня имеет регион, в котором основные соци-ально-экономические и финансовые пока-затели находятся пределах значений сред-нероссийских показателей и не нарушаются установленные пределы по межбюджетным трансфертам, дефициту бюджетов, государ-ственному и муниципальному долгу.

Низкий финансовый потенциал харак-терен для дотационных сельскохозяйствен-ных регионов, в которых из-за низкой при-быльности предприятий и низкой зарплат-ной платы работников собственные доходы бюджета территорий не покрывают его рас-ходы, вследствие этого государственный и муниципальный долг региона, доля безвоз-мездных поступлений превышают нормати-вы, установленные бюджетным законода-тельством.

Финансовый потенциал региона иссле-дователи рассматривают как совокупность всех финансовых ресурсов территории, по-ступающих по разным каналам и к разным

субъектам, включающим средства бюджет-ной системы, собственные и привлеченные средства предприятий, средства банковской системы и неучтенные денежные сбереже-ния населения. Уровень финансового по-тенциала обуславливает финансовую само-стоятельность и инвестиционную привлека-тельность региона.

Анализ основных социально-экономи-ческих показателей раскрывает проблемы и ограниченные возможности роста эконо-мического и соответственно финансового потенциала республик Южного и Северо-Кавказского федеральных округов.

Сравнить экономический потенциал по-зволяют показатели ВРП на душу населения республик Южного и Северо-Кавказского федеральных округов и показатель средне-российского значения субъектов Россий-ской Федерации.

Данные по валовому региональному продукту (далее ВРП) показывают неболь-шой ежегодный рост его объемов с 2005 по 2009 гг. в исследуемых регионах (за исклю-чением Республики Ингушетия, Чеченской Республики) и увеличение среднеросий-ского показателя по субъектам Российской Федерации. В то же время величина ВРП по всем рассматриваемым республикам в 2,3–6,25 раза меньше, чем в среднем по субъ-ектам Российской Федерации, и составляет от 16,1% до 43,1% от среднероссийского по-казателя (см. табл. 1).

Таблица 1

ВРП на душу населения

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	
	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	%
Субъекты РФ	126 014,20	157 853,50	196 770,00	238 867,40	226 007,50	100%
Республика Адыгея	38 389,50	47 814,40	65 924,60	81 756,40	93 548,30	41,4
Республика Калмыкия	33 482,30	44 607,40	60 152,20	73 005,10	84 274,10	37,2
Республика Дагестан	34 370,50	46 853,80	58 703,90	80 110,10	97 299,50	43,1
Республика Ингушетия	15 320,70	18 442,40	33 890,10	38 057,00	36 405,90	16,1
Кабардино-Балкарская Республика	41 132,80	48 517,70	54 872,30	65 137,10	74 377,80	32,9
Карачаево-Черкесская Республика	38 625,30	54 081,10	64 172,30	83 579,80	90 335,30	40,0

Республика Северная Осетия–Алания	44 332,90	61 749,30	75 225,80	82 188,80	92 881,40	41,1
Чеченская Республика	19 876,20	27 567,60	40 167,50	54 156,50	51 138,90	22,6

Примечание: таблица составлена и рассчитана автором на основе данных Росстата. Источник: <http://www.gks.ru> — официальный сайт Росстата.

Социально-экономическое развитие регионов зависит от величины инвестиций в основной капитал. Если до 2008 г. наблюдался их рост, то в 2008–2010 гг. отмечаются колебания объёмов инвестиций: незначительные повышения или существенные снижения, которые обусловлены мировым

финансовым кризисом. Индексы физического объема инвестиций в основной капитал, указанные в процентах к предыдущему году, отражают динамику инвестиций 2006–2010 гг. по республикам [Российский статистический ежегодник 2011: 666] (см. табл. 2).

Таблица 2

**Индексы физического объема инвестиций в основной капитал
(в постоянных ценах; в процентах к предыдущему году)**

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Российская Федерация	116,7	122,7	109,9	84,3	106,0
Республика Адыгея	102,9	в 2,4 р.	101,3	114,3	67,0
Республика Калмыкия	111,9	149,6	114,2	88,1	81,0
Республика Дагестан	123,5	134,2	130,4	113,9	110,0
Республика Ингушетия	83,4	в 2,1 р.	37,6	159,0	101,6
Кабардино-Балкарская Республика	101,1	173,4	100,2	98,5	81,2
Карачаево-Черкесская Республика	117,1	102,9	104,7	88,8	82,1
Республика Северная Осетия–Алания	106,0	188,7	100,2	75,8	96,1
Чеченская Республика	152,9	159,8	102,6	78,5	87,9

Примечание: таблица составлена на основе данных Росстата. Источник: Российский статистический ежегодник. 2011: Стат. сб. М.: Росстат, 2011. С. 666.

Несмотря на стремление руководства республик привлечь иностранных инвесторов, данные органов статистики показывают отсутствие иностранных инвестиций в анализируемых регионах (за исключением республик Адыгея и Дагестан, где в 2007–2010 гг. оно наблюдалось в небольших объемах, менее десятой процента к общему итогу) [Российский статистический ежегодник 2011: 678].

В целях соблюдения устойчивости бюджетной системы и бюджетной обеспеченности Бюджетным Кодексом РФ установлены условия предоставления финансовой

помощи в форме межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, предельный объем государственного долга субъекта Российской Федерации, муниципального долга, а также предельный объем дефицита бюджета субъекта Российской Федерации, дефицита местного бюджета на очередной финансовый год. Нарушение установленных ограничений считается нарушением бюджетного законодательства Российской Федерации и ведёт к применению мер принуждения.

Наиболее жесткие меры применяются, если доля финансовой помощи (за ис-

ключением субвенций, а также субсидий, предоставляемых субъектам Российской Федерации из Инвестиционного фонда РФ) из федерального бюджета в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет превышала 60% объема собственных доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации.

Предельный объем государственного долга субъекта Российской Федерации и муниципального долга не должен превышать утвержденный общий годовой объем доходов бюджета субъекта Российской Федерации и соответственно местного бюджета без учета утвержденного объема безвозмездных поступлений.

У субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, нарушавших в течение двух из трех последних лет установленные ограничения по межбюджетным трансфертам, предельный объем долга не должен превышать 50% утвержденного общего годового объема доходов бюджета субъекта РФ (доходов местного бюджета) без учета утвержденного объема безвозмездных поступлений.

Дефицит бюджета субъекта РФ (местного бюджета) не должен превышать 1 % (10%) утвержденного общего годового объема доходов соответствующих бюджетов без учета утвержденного объема безвозмездных поступлений.

Для субъекта РФ (муниципального образования), нарушавшего в течение двух из трех последних лет установленные ограничения по межбюджетным трансфертам, установлены пределы дефицита бюджета

соответственно не более 10% (5%) утвержденного общего годового объема доходов соответствующего бюджета без учета объема безвозмездных поступлений и (или) поступлений налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений.

Установленные значения по межбюджетным трансфертам, государственному и муниципальному долгу, дефициту бюджета субъекта РФ и местных бюджетов могут быть нормативными значениями для индикаторов устойчивости и автономии бюджетов.

В целом в 2011 г. во всех анализируемых республиках доля безвозмездных поступлений превышала половину доходов консолидированных бюджетов, максимальное превышение в диапазоне от 73,96% до 86,88% наблюдалось в Республике Дагестан, Республике Ингушетия, Чеченской Республике.

Дефицит консолидированных бюджетов республик не превышает 10 % доходов, Республика Ингушетия имеет небольшой профицит бюджета.

Государственный долг, превышающий на 01.01.2012 г. 60% доходов бюджетов субъектов Федерации, имеется у Республики Калмыкия, Чеченской Республики, Карачаево-Черкесской Республики. Максимальный долг (118,42%) — у Республики Северная Осетия–Алания. Рассмотренные индикаторы отражают неустойчивость и высокую степень зависимости бюджетов республик от финансовой помощи федерального бюджета (см. табл. 3).

Таблица 3

Индикаторы устойчивости консолидированных бюджетов республик в 2011 г. (в процентах)

	Доля безвозмездных перечислений в доходах в % конс. бюджета субъекта РФ	Дефицит (-), профицит(+) конс. бюджета субъекта РФ в % к доходам	Государственный и муниципальный долг в % к доходам конс. бюджета на 1.01.2012 г. без учета безвозмездных перечислений	Государственный долг в % к доходам бюджета субъекта РФ на 01.01.2012 г. без учета безвозмездных перечислений
Республика Адыгея	51,31	-3,27	32,52	39,1
Республика Калмыкия	59,07	-3,06	42,89	67,93
Республика Дагестан	73,96	-5,13	41,13	48,32

Республика Ингушетия	83,82	3,79	2,07	2,56
Кабардино-Балкарская Республика	58,96	-0,89	20,10	25,03
Карачаево-Черкесская Республика	63,85	-5,76	57,09	80,23
Республика Северная Осетия–Алания	58,82	-6,89	86,30	118,42
Чеченская Республика	86,88	-2,38	59,50	77,84

Примечание: таблица составлена по рейтингу Центра экономических исследований «РИА-Аналитика» РИА Новости, установленному по данным Федерального Казначейства и Росстата. Источник: <http://www.gia.ru> — сайт «РИА-Аналитика» РИА Новости.

Индикатором финансового состояния предприятий является динамика удельного веса убыточных предприятий, данные статистики отражают укрепление финансового состояния предприятий и уменьшение убыточных предприятий в 2010 г. по сравнению с 2003 г. в целом по Российской Федерации и по регионам. Наименьший удельный вес убыточных предприятий в Республике Адыгея ниже, чем по

России, а максимальный — в Чеченской Республике.

В то же время в ряде республик в 2010 г. по сравнению с 2009 г. наблюдается увеличение убыточных предприятий, в том числе в Республике Калмыкия, Республике Ингушетия, Карачаево-Черкесской Республике, Республике Северная Осетия–Алания, Чеченской Республике [Российский статистический ежегодник 2011: 624] (см. табл. 4).

Таблица 4

Динамика удельного веса убыточных организаций (процентов)

	2003 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Российская Федерация	43,0	36,4	25,5	28,3	32,0	29,9
Республика Адыгея	40,3	31,7	23,1	22,7	22,7	19,0
Республика Калмыкия	54,9	50,0	38,7	34,0	32,1	33,3
Республика Дагестан	45,9	39,5	31,7	30,2	33,0	31,8
Республика Ингушетия	56,5	65,0	58,6	37,8	42,5	47,7
Кабардино-Балкарская Республика	53,0	59,4	36,1	35,6	39,5	38,3
Карачаево-Черкесская Республика	51,1	42,6	32,7	32,9	32,3	34,8
Республика Северная Осетия–Алания	47,9	45,2	39,8	39,3	37,6	39,7
Чеченская Республика			48,8	50,2	47,9	53,2

Источник: Российский статистический ежегодник. 2011: Стат. сб. М.: Росстат, 2011. С. 624.

Сальдированный финансовый результат деятельности организаций раскрывает финансовый потенциал организаций. Анализ сальдированного финансового результата деятельности организаций субъектов Федерации выявляет ежегодный убыток в период 2005–2010 гг. в Республике Калмыкия и Республике Ингушетия, в то время как в целом по Российской Федерации ежегодно получали прибыль. Наиболее финансово

устойчивы в 2007–2010 гг. были предприятия Республики Адыгея и Карачаево-Черкесской Республики, их ежегодным сальдированным финансовым результатом являлась прибыль. В Чеченской Республике в 2010 г. предприятиями был получен убыток, в разы превышающий убыток предприятий всех остальных республик [Российский статистический ежегодник 2011: 621] (см. табл. 5).

Таблица 5

**Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток)
деятельности организаций (в фактически действовавших ценах; млн. рублей)**

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Российская Федерация	3225916	5721598	6040922	3801161	4431609	6330589
Республика Адыгея	-118	-52	482	700	478	376
Республика Калмыкия	-423	-460	-549	-2078	-287	-278
Республика Дагестан	1931	2107	-254	2406	-1005	4135
Республика Ингушетия	-145	-260	-748	-465	-665	-190
Кабардино-Балкарская Республика	-774	-1215	-384	408	-390	-606
Карачаево-Черкесская Республика	-152	-149	86	400	128	402
Республика Северная Осетия–Алания	-369	-744	1567	1275	-911	-1281
Чеченская Республика	...	...	1177	539	2031	-17468

Источник: Российский статистический ежегодник. 2011: Стат. сб. М.: Росстат, 2011. С. 621.

Заработная плата является одним из основных источников в структуре доходов населения, поэтому качество жизни населения регионов определяется с учетом уровня его заработной платы. В 2010 г. в республиках среднемесячная номинальная заработная плата одного работника составила только 48,9–66,4% от среднероссийского уровня заработной платы. Среднедушевые денежные доходы населения республик в диапазоне от 39,9 % до 80,6 % от среднероссий-

ского уровня доходов на душу населения.

В целом по Российской Федерации и во всех республиках Южного и Северо-Кавказского регионов удельный вес численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума существенно снизился с 2000 г. по 2010 г., но в то же время во всех республиках, за исключением республик Дагестан и Северная Осетия–Алания, значение этого показателя превышает показатель по Российской Феде-

рации. Тяжелее всего положение населения в республиках Калмыкия и Ингушетия, в которых население с доходами ниже прожиточного минимума в 2010 г. составляет

соответственно 37,3 и 22,2% [Российский статистический ежегодник, 2011: 180] (см. табл. 6).

Таблица 6

**Удельный вес численности населения с денежными доходами
ниже величины прожиточного минимума
(в процентах от общей численности населения субъекта)**

	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Российская Федерация	29,0	17,7	15,2	13,3	13,4	13,0	12,6
Республика Адыгея	37,2	33,2	32,9	30,4	24,2	18,6	16,1
Республика Калмыкия	66,4	60,3	47,2	44,2	38,5	35,4	37,3
Республика Дагестан	72,6	24,0	14,9	13,8	10,6	9,1	9,2
Республика Ингушетия	94,3	63,2	56,4	44,8	37,6	36,1	22,2
Кабардино-Балкарская Республика	57,5	24,7	22,2	18,3	16,1	16,3	15,8
Карачаево-Черкесская Республика	62,5	26,1	20,8	18,3	17,2	16,1	18,8
Республика Северная Осетия–Алания	33,2	16,8	16,3	12,9	11,9	13,7	10,4
Чеченская Республика	...	...	...	...	...	...	...

Источник: Российский статистический ежегодник. 2011. Стат. сб. М.: Росстат, 2011. С. 180.

Размеры вклада физических лиц в кредитных организациях на душу населения позволяют сравнить финансовый потенциал населения территорий. В 2011 г. по отношению к среднероссийскому уровню в Южном федеральном округе размер вклада на душу населения составил 56,9 %, а в Северо-Кав-

казском федеральном округе – 22,9 %. Диапазон размеров вклада на душу населения по республикам находится в пределах от 3,5% до 32,5% от среднероссийского значения [Российский статистический ежегодник, 2011: 606] (см. табл. 7).

Таблица 7

**Размер вклада (депозита) физических лиц в кредитных организациях
на душу населения (на начало года, рублей)**

	2001г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	
	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.	% к среднеросс. уровню
Российская Федерация	3041	19073	26383	36277	41558	52697	68610	100
Южный федеральный округ	2136	10550	14738	20250	22942	29831	39052	56,9

Республика Адыгея	1705	5072	6979	9378	10770	13418	17807	26,0
Республика Калмыкия	59	2572	3705	5365	6425	9396	13057	19,0
Северо-Кавказский федеральный округ	1135	4595	6032	8348	9732	12217	15739	22,9
Республика Дагестан	59	969	1602	2693	3513	4758	6306	9,2
Республика Ингушетия	135	1298	1135	1912	2199	3952	5027	7,3
Кабардино-Балкарская Республика	938	3808	5449	9316	10073	11367	16215	23,6
Карачаево-Черкесская Республика	114	3294	4779	6040	7108	8856	12879	18,8
Республика Северная Осетия - Алания	1472	7708	8896	11596	13134	16963	22308	32,5
Чеченская Республика	-	408	279	455	1659	1562	2387	3,5

Источник: Российский статистический ежегодник. 2011. 2011. Стат. сб. М.: Росстат, 2011. С. 606.

Большое значение в укреплении финансовых потенциалов регионов в последние годы придаётся институтам развития. По данным Министерства экономического развития России, в нашей стране действуют следующие институты развития:

- Инвестиционный фонд Российской Федерации;
- Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»;
- ОАО «Российская венчурная компания»;
- ОАО «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию»;
- Государственная корпорация «Российская корпорация нанотехнологий»;
- Государственная корпорация «Фонд содействия реформированию ЖКХ»;
- ОАО «Российский сельскохозяйственный банк»;

- ОАО «Росагролизинг»;
- ОАО «Российский фонд информационно-коммуникационных технологий»;
- Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере.

К сожалению, нет полных статистических данных в разрезе субъектов Федерации по кредитованию существующими институтами развития, нет гласности и прозрачности результатов их работы. В республиках нет региональных венчурных фондов и корпораций развития. Анализ объёмов кредитования из региональных фондов содействия развитию малого и среднего бизнеса и по ипотеке показывает имеющиеся различия по суммам кредитования от 17,4 млн. рублей в Республике Ингушетия до 317,7 млн. рублей в Республике Дагестан [Российские институты развития 2010: 21–23] (см. табл. 8).

Таблица 8

Данные по институтам развития республик 2009 г. (млн. руб.)

	Региональные фонды содействия развитию МСБ	Ипотека	Итого
Республика Адыгея	42,3	177,0	219,3
Республика Калмыкия	24,9	53,3	78,2
Республика Дагестан	148,1	169,6	317,7
Республика Ингушетия	17,4	0	17,4
Кабардино-Балкарская Республика	57,8	145,6	203,4
Карачаево-Черкесская Республика	33,8	2,3	36,1
Республика Северная Осетия–Алания	35,7	70,9	106,6
Чеченская Республика	63,6	13,2	76,8

Примечание: таблица составлена по данным Бюллетеня «Российские институты развития: региональный аспект». 2010. С.21–23. Источник: <http://raexpert.ru/researches/regions/>

Сравнение финансовых потенциалов республик Южного и Северо-Кавказского федеральных округов по отдельным индикаторам позволило оценить их возможности и тенденции, происходящие изменения.

На протяжении последнего десятилетия, несмотря на последствия мирового финансового кризиса, наблюдается положительная динамика по отдельным показателям экономики регионов, в т.ч. растет объем ВРП, сокращается число бедных, получающих доходы ниже прожиточного минимума.

В то же время у всех рассматриваемых республик крайне низкий экономический потенциал обусловил такой же низкий финансовый потенциал регионов, предприятий и домашних хозяйств. Ограниченные средства бюджета республик и предприятий не дают возможности осуществления инвестиций в объемах, достаточных для повышения темпов развития региональной экономики и обеспечения достойного уровня и качества жизни населения.

У органов государственной власти республик ограничен диапазон использования бюджетных и налоговых инструментов для стимулирования развития предпринимательства и осуществление инвестиций в

экономику региона вследствие неустойчивости бюджетной системы и наличия большого государственного и муниципального долга. Вклад институтов развития в кредитование экономики республик не имеет существенных результатов. Необходимо значительно увеличить инвестиции государства и бизнеса в развитие экономики и укрепление финансового потенциала республик Южного и Северо-Кавказского региона.

Литература и источники

- Российские институты развития: региональный аспект. Бюллетень [Электронный ресурс] // URL:<http://raexpert.ru/> (сайт рейтингового агентства «ЭКСПЕРТ РА») (дата обращения: 16.01.2012).
- Российский статистический ежегодник. 2011: Стат. сб. М.: Росстат, 2011. 795 с.
- РИА Новости. Центр экономических исследований «РИА-Аналитика». Официальный сайт. <http://www.ria.ru> (дата обращения: 17.01.2012).
- Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации (Росстат). Официальный сайт. www.gks.ru (дата обращения: 17.01.2012).

УДК 504. 062
ББК 28.080.1

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГУМАНИТАРНОЙ ЭКОЛОГИИ

Л. Н. Ташинова, А. А. Ташинова

Одним из современных направлений в экологии является гуманитарная экология, изучающая природу и отношения человека с природой при помощи методов гуманитарных наук, таких как история, социология, право, этнография, психология, политология, фольклористика, культурология, лингвистика, и многих других. Максимальное количество публикаций по гуманитарно-экологической тематике в России и за рубежом отмечается с середины 90-х гг. XX в. Изданы десятки монографий, хрестоматий и результатов гуманитарно-экологических научно-исследовательских проектов, разработаны образовательные программы, правовые декларации, методические комплексы по психологической диагностике экологического сознания, рекомендации к выявлению, экспертизе, оценке культового, этического, эстетического и других аспектов биологических объектов. При этом подходы и методы разных авторов различны. В России наиболее значительным и академичным направлением является психология экологического сознания и экологическая педагогика В. А. Ясвина, эксперта Центра экологической политики России [Ясвин 2000] и его учеников — С. Д. Дерябо [Дерябо 1996] и др. В рамках этой школы разработан психолого-педагогический концептуальный и терминологический аппарат современной экологической педагогики и психодиагностики, осмыслен огромный психологический, педагогический и природоохранный материал зарубежных и отечественных предшественников и современников.

Наиболее известной и активной, охватившей широкий спектр гуманитарно-экологических тем, организацией является Киевский эколого-культурный центр (КЭКЦ), возглавляемый его директором и идеологом В. Е. Борейко. С середины 1990-х гг. Центром выпущено около двухсот изданий по гу-

манитарной экологии: экологической этике и эстетике, экофилософии, экологической теологии и этноэкологии, истории охраны природы, радикально-экологического движения и заповедного дела, по природоохранной пропаганде и экологическому образованию; выпущен словарь по гуманитарной экологии [Борейко 2001, 2003; Борейко, Морохин 2001].

Ряд ценных гуманитарно-экологических трудов был издан Советско-Американской Гуманитарной Инициативой «Golubka» [Экологическая антология 1992]. Из числа публикаций по социальной экологии наиболее известны работы О. Н. Яницкого «Энвайронментальная социология: вчера и сегодня» и С. П. Баньковской «Инвайроментальная социология».

Терминологическое сочетание «гуманитарная экология» не отражает единого подхода, а именует тенденцию, проявляющуюся повсеместно в среде отечественных инвайронменталистов-экологов. При этом общность различных авторов заключена не только в гуманитарной специфике, но и в общей причине развития их идей — реакции на кризис узости «рационально-технического» подхода в природоохране и «знаний» подхода в экологическом образовании.

Важнейшей частью современной гуманитарной экологии является этноэкология. Она изучает традиции неразрушающего природопользования и представления о природе в традиционных культурах. Использование этно-экологических представлений и традиций в современной педагогике актуально в различных планах:

- на уровне государства — в решении проблем толерантности и экологического кризиса, в развитии патриотизма и гражданской позиции населения;
- для этносов и народов — в сохранении их самобытных культур. Это крайне важно — ведь сохранение многообразия

культур необходимо для устойчивого и бескризисного существования культуры страны;

- для отдельно взятого гражданина, ребенка — в самореализации, воплощении своих интересов, обретении своего «Я», национальной самоидентификации в пространстве родной ему культуры [Доронин 2005: 5].

Изучение традиционных запретов (на посещение каких-то мест, убийство животного и пр.), промысловых техник (охотников, рыбаков и пр.), мифологических верований и других компонентов традиционнокультурного знания о природных объектах подводит этноэколога к выявлению традиций неразрушающего природопользования конкретной местности. Затем полученный материал включается в педагогическую, культурно-просветительскую, научно-исследовательскую и пр. социально-значимые практики в этих же населённых пунктах. Сведения о традиционных экологических знаниях можно собрать сейчас в любом регионе, в том числе и в Калмыкии [Борджанова 1999; Ользеева 2007; Очирова, Омакаева 2006; Ташнинова 2005].

Значение культурного наследия коренных народов признано всем прогрессивным человечеством. Так, Программа ООН по окружающей среде в 1987 г. призвала международное сообщество «учиться у аборигенных народов их традиционному умению управлять экологическими комплексами, землепользованием и использованием природных ресурсов. Среди таких форм управления — кочевое животноводство, лесное и террасное земледелие, охотничьи промыслы, рыболовство и собирательство».

Этно-экологические исследовательские и образовательные проекты являются обязательным элементом современной экологической политики регионов, России и всей планеты.

Таким образом, гуманитарная экология рассматривает вопросы естественных и гуманитарных наук в сфере охраны природы — экологии, биологии, экологической этики, теологии, природоохранной эстетики, истории, экофилософии, этнографии, права, экологической культурологии, социологии. Разнообразие научных интересов пока исключает создание единой парадигмы для этого нового направления.

Важной перспективной составляющей гуманитарной экологии считается социаль-

но-экологическая проблематика. Взаимоотношения человека и природы имеют многовековую историю, но только в настоящее время проявилась сложность и многогранность влияния различного типа деятельности человека, связанная с использованием природных ресурсов, приводящая к таким негативным последствиям как трансформация состояния и функционирования экосистем на региональном и биосферном уровнях [Розанов 1990: 3].

Основатель генетического почвоведения В. В. Докучаев открыл закон функциональной связи в природе, предложив синтетическую парадигму естествознания, которая охватывает все формы движения материи в генетической связи и в современном взаимодействии. Важным моментом является введение в парадигму естествознания социальной формы движения материи [Апарин 2006]. Время научного творчества В. В. Докучаева пришлось на сложный период в истории России (60–80 гг. XIX столетия), когда нередко были засуха, неурожаи. Причину бедственного положения он видел в трагическом конфликте человека с природой: «Наша экономическая отсталость, наши незнания истощили почву, а не истощение почвы породило нашу отсталость» [Докучаев 1994: 392].

В современных условиях масштабы воздействия совокупности форм деятельности людей на природную среду таковы, что во многом превосходят действие естественных сил природы на все элементы среды обитания человека. Длительная история хозяйствования на аридных территориях, в том числе и в Калмыкии, определила сильную деградацию естественных экосистем, опустынивание, истощение природно-ресурсного потенциала и, как следствие, снижение уровня жизни населения [Ташнинова 2010: 96].

На территории Калмыкии имеют место несколько групп таких воздействий, вызывающих ответные реакции среды.

1. Снижение биологической продуктивности пастбищных земель, рост на легких почвах открытых песков, приводящий к уничтожению естественной растительности и процессам опустынивания в Прикаспийской низменности. Одной из причин возникновения современного антропогенного опустынивания и вытекающих из этого других экологических изменений является наращивание объемов сельхозпроизводства

без учета природно-климатических условий, рационального хозяйственного опыта народа.

2. Распашка почв в целях богарного земледелия приводит к эрозии в овражно-балочных системах Ергеней и террасах Кумо-Манычской впадины, дегумификации, ухудшению водно-физических свойств почв и уничтожению естественных степных и сухостепных экосистем. По данным Госкомзема Республики Калмыкия, площадь систематически обрабатываемых и используемых под посевы сельскохозяйственных культур на 1 января 2003 г. составляла 936,4 тыс. га или 15% от всех сельскохозяйственных угодий [Доклад о состоянии и использовании земель Республики Калмыкия 2003: 15].

3. Вторичное засоление почв, заболачивание, осолонцевание, приводящее к образованию галофитных ассоциаций, снижению биологического разнообразия и уничтожению естественных и сухостепных экосистем на орошаемых землях Сарпинской низменности. На территории республики функционирует пять крупных обводнительно-оросительных систем. Общая площадь орошаемых земель составляет около 122 тыс. га, из них более 70% находится в неудовлетворительном состоянии [Комплексное исследование водных ресурсов РК 2006: 180].

Антропогенное влияние на природу степей приводит зачастую к необратимым изменениям среды обитания. Поэтому попытка восстановления представляется крайне важной задачей. Можно сформулировать три взаимосвязанные задачи: восстановление разрушенных экосистем, снижение степени антропогенного пресса путем принятия корректирующих мер, поддерживающих продуктивность экосистем, и консервация естественных экосистем.

Отмечено, что в последние десятилетия влияние антропогенных факторов на природную среду вызвало многие негативные последствия, приводящие к деградации природной среды и сферы обитания человека. В понятие «окружающая среда обитания человека» включаются все политические, социально-экономические и природные факторы. Существование природы и общества немыслимо без улучшения экологии, что означает экологизацию всех видов природопользования для сохранения ресурсов.

Таким образом, комплексные исследования в области взаимоотношений человека и окружающей среды составляют одно из актуальных направлений развития экологии.

Концептуальную основу этого направления составляет аргументированный тезис о том, что выбор основных методов управления природными ресурсами должен принадлежать гуманитарной экологии, сочетающей интеграцию природоохранных и социально-политических действий, направленных как сохранение ландшафтно-экологического равновесия в природе, так и сбалансированной природно-хозяйственной системы, в которой воспроизводятся необходимые для общества естественные ресурсы [Ташнинова, Ташнинова 2011а: 257].

К наиболее важным вопросам в области гуманитарной экологии следует отнести:

- социально-экологические вопросы сохранения биосферы (окружающей среды) в контексте улучшения условий жизни населения;
- экологическое просвещение и формирование экологического мировоззрения (экологического сознания) населения от руководителя до исполнителя;
- экологическую политику и разработку природоохранных проектов, направленных на принятие управляющих решений;
- экологию человека и адаптацию его к условиям природной среды;
- экологический, пространственно-временной мониторинг пастбищ как среды обитания этноса. В данном аспекте актуальны как изучение традиционной калмыцкой культуры хозяйствования, так и современные исследования с использованием материалов дистанционного зондирования Земли.

Литература

- Апарин Б. Ф.* Докучаевская парадигма естествознания (к 100-летию со дня рождения основателя генетического почвоведения В. В. Докучаева). М.: Изд. Триз-Профи, 2006. 24 с.
- Баньковская С. П.* Инвайронментальная социология. Рига: Зинатне, 1991. 128 с.
- Борджанова Т. Г.* Магическая поэзия калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 183 с.
- Борейко В. Е.* Введение в природоохранную эстетику. Изд 3-е, доп. Охрана дикой приро-

- ды. Вып. 23. Киев: Киев. эколого-культурн. центр, 2001. 200 с.
- Борейко В. Е.* Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Изд. 3-е, доп. Природоохранная пропаганда. Вып. 26. Киев: Киев. эколого-культурн. центр, 2003. 160 с.
- Борейко В. Е., Морохин Н. В.* Словарь по гуманитарной экологии. Природоохранная пропаганда. Вып. 17. Киев: Киев. эколого-культурн. центр, 2001. 96 с.
- Доклад о состоянии и использовании земель Республики Калмыкия в 2002 году.* Элиста: АПП «Джангар», 2003. 80 с.
- Докучаев В. В.* Дороже золота русский чернозем (сост., вступит. ст. и коммент. Г. В. Добровольского). М.: Изд-во МГУ, 1994. 544 с.
- Доронин Д. Ю.* Современная отечественная гуманитарная экология и этно-экологическая педагогика: основные подходы, направления и авторы // *Этноэкология: Сб. мат-лов Межрегион. науч.-практ. конф. «Лес и человек. Перспективы сотрудничества»* / под ред. О. А. Захаровой. М.: ГОУВПО МГУЛ, 2005. 140 с. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.etno.environment.ru> (дата обращения 16.12.2011).
- Комплексное исследование водных ресурсов Республики Калмыкия.* Элиста: НПП «Джангар», 2006. 200 с.
- Ользеева С. З.* Калмыцкие народные традиции. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 480 с.
- Очирова Н. Г., Омакаева Э. У.* Культурно-исторический опыт хозяйствования кочевых народов аридных зон Евразии // *Традиционное природопользование и степные экосистемы Калмыкии.* Элиста: НПП «Джангар», 2006. С. 5–44.
- Розанов А. Б., Розанов Б. Г.* Экологические последствия антропогенных изменений почв / А. Б. Розанов, Б. Г. Розанов // *Итоги науки и техники. ВНИИТИ: Серия «Почвоведение и агрохимия».* Т. 7. М., 1990. С. 1–156.
- Ташининова А. А.* Применение лекарственных растений в традиционной культуре калмыцкого этноса // *Буддийская культура и мировая цивилизация на пороге III тысячелетия: мат-лы Междунар. конф.* СПб.; Элиста. 2000. С. 154–157.
- Ташининова А. А.* Лекарственная флора Калмыкии // *Монголы в глобальном мире. Социально экономические и экологические проблемы: мат-лы науч. конф.* Элиста: Изд. КалмГУ, 2005. С. 300–302.
- Ташининова Л. Н.* Современное состояние ландшафта и экологические проблемы Калмыкии // *Традиционное природопользование и степные экосистемы Калмыкии.* Элиста: НПП «Джангар», 2006. С. 45–75.
- Ташининова Л. Н.* Социальные аспекты экологической парадигмы // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.* 2010. № 2. С. 95–99.
- Ташининова Л. Н., Ташининова А. А.* Биосферные и социально-политические аспекты гуманитарной экологии // *Гуманитарная наука юга России: международное и региональное взаимодействие: мат-лы Междунар. конф., посвящ. 70-летию КИГИ РАН.* Ч. 1. Элиста, 2011а. С. 256–259.
- Ташининова Л. Н., Ташининова А. А.* Традиционное природопользование как форма устойчивости развития пастбищных экосистем // *Актуальные проблемы обеспечения продовольственной безопасности юга России: мат-лы науч. конф.* Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011б. С. 251–252.
- Экологическая антология: экологические произведения западных авторов.* М.; Бостон: Golubka, Совет.-Амер. Гуманит. Инициатива, 1992. 272 с.
- Яницкий О. Н.* Энвайронментальная социология: вчера и сегодня. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ecsocman.hse.ru> (дата обращения 29.01.2012).
- Ясвин В. А.* Психология отношения к природе. М.: Смысл, 2000. 456 с.

РЕЦЕНЗИИ

А. А. Бурыкин. Рец. на: *Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков (XIX в. — нач. XX в.)*. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 223 с.

Рассматриваемая книга продолжает серию монографий по разным аспектам этнографии калмыков, выпускаемую Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН, а также калмыцкими учеными из других научных учреждений республики — мы имеем в виду недавно опубликованные книги Э. П. Бакаевой, С. Г. Батыревой и ряд книг более ранних лет [Калмыки 2010; Бакаева 2008; Батмаев 2008; Басангова 2007; Батырева 2006; Бакаева 2003; Батмаев 1993; Батмаев 2002; Хабунова 1998].

Тема монографии Т. И. Шараевой относится по тематике к ставшей в наши дни притягательной (после появления известной книги А. ван Геннепа «Обряды перехода». М., 2002) проблеме обрядов перехода, маркирующих разные периоды жизненного цикла человека в социуме средствами культуры этого социума в соответствии с этнической традицией.

Книга состоит из Введения, представляющего работу читателям, и трех глав, посвященных соответственно родильной, свадебной и похоронно-поминальной обрядности калмыков.

Введение к книге (с. 3–17) весьма информативно, т. к. содержит основательную и насыщенную ссылками на литературу историю проблемы в контексте общего исследования этнографии калмыков и источников по этнографии калмыков, относящихся к XVIII–XIX вв.

Глава первая, посвященная родильной обрядности (с. 18–80), шире своего названия, в ней автор описывает представления, связанные с рождением ребенка в контексте религиозных воззрений калмыков, относящихся к наиболее архаичному пласту народных верований. Очень интересен параграф, посвященный современной родильной обрядности калмыков (с. 74 и сл.), по понятным причинам дистанцированной от традиционной акушерской практики (которая, как показывает исследовательница, оказывается довольно хорошо изученной у калмыков, в отличие от многих других народов). В этой главе автор специально обращает внимание на некоторые частности, которые нередко ускользают от внимания исследователей,

слишком узко понимающих свою тематику — так, очень важны представления и действия, связанные с рождением близнецов (с. 57). Любопытно, что у калмыков имелся обычай брать и носить части одежды многодетной матери с целью обрести детей, в преобразованной форме сохраняющийся до недавнего времени (с. 28, 75) — точно такой же обычай бытовал у чукчей (полевые материалы автора рецензии)¹.

Глава 2 «Свадебная обрядность калмыков» (с. 81–142) насыщена фактическим материалом. Она, несмотря на то, что свадебная обрядность калмыков многократно освещалась в исследованиях по этнографии и фольклору, прежде всего в работах по обрядовой поэзии и героическому эпосу «Джангар», достаточно оригинальна и информативна. Много места в ней уделено современной обрядовой практике калмыков (с. 134–142), связанной со свадьбой: хочется похвалить исследовательницу за систематическое и объемное представление этого этнографического материала, который по умолчанию редко когда рассматривается как нечто достойное внимания ученого-этнографа. В то же время механизмы преобразования традиционных представлений и обрядов, новые формы, содержательные элементы, возможности выбора действий из системы новых вариантов заслуживают пристального внимания как объект этнографии и культурологии.

Глава 3 «Похоронно-поминальная обрядность» (с. 143–193) открывается изложением представлений о жизненном цикле калмыков в контексте добуддийских и буддийских религиозных представлений. Здесь много интересного материала для сопоставления — например, инверсия свойств предметов в мире, куда уходят умершие, характерная для тунгусо-маньчжурских народов (с. 154), представления о пауке (с. 155),

¹ Летом 1993 г. в г. Анадыре Светлана Михайловна Ранав, 1946 г. рождения, уроженка Беринговского района Чукотского автономного округа (двенадцатый ребенок у матери, все дети которой выжили), рассказывала автору, что женщины, желающие иметь детей, часто просили у ее матери части ее нижней одежды во временное пользование.

постепенное становление практики захоронения умерших в земле, прослеженное по источникам (с. 168 и сл.), вынос тела умершего через отверстие около порога (с. 174, 175) — практика, широко распространенная у народов Азии и Америки. Подробно описана автором поминальная обрядность, опять-таки со вниманием к современному состоянию обрядовой практики.

Заключение (с. 194–199) подводит итоги работы, автор обращает внимание на сходство обрядности калмыков с аналогичными практиками монгольских и тюркских народов. Следует отметить, что, в отличие от авторов многих трудов на аналогичные темы, Т. И. Шараева опирается на собственные материалы и на источники по этнографии калмыков, уделяя в основном тексте книги довольно скромное внимание соответствиям и аналогиям в культуре других народов, даже если они лежат на поверхности — это значимое достоинство рассматриваемой книги, получающей явное преимущество перед трудами, насыщенными материалами по культуре родственных или соседних народов, по умолчанию подаваемыми под девизом «и у нас такое тоже есть».

Список использованной литературы в книге Т. И. Шараевой насчитывает 262 названия и не только свидетельствует об основательности работы автора, но и является полезным источником библиографических сведений для читателей и коллег автора. К книге также приложены список использованных архивных источников и список информантов, с которыми работал автор.

Монография Т. И. Шараевой написана хорошим языком и в изящной манере, позволяющей сочетать авторитетность изложения, демонстрацию источников и доступность представляемого материала для читателей в неограниченном объеме и открытой форме, залогом чего является не только основательная научная эрудиция автора, но и его научная позиция. Логически выстроенная и выверенная композиция книги обеспечивает полноту информации, сопутствующей материалу, например, разнообразных сведений из сферы религиозных воззрений.

Замечания, которые можно было бы высказать по прочитанной книге Т. И. Шараевой, весьма немногочисленны, и как ни странно, они касаются второй главы работы, посвященной свадебной обрядности. Автор книги, кажется, несколько излишне увлеклась свадебной обрядностью как формой обрядов перехода, в то время как это един-

ственный вид практик обрядов перехода, допускающий диалог объекта обрядов с другими членами сообщества и, что гораздо более важно, практика, для которой возможно повторение — в виде обрядности повторных браков. Нам известно, что при повторных браках обрядовая практика у калмыков приобретала упрощенный, свернутый характер (см. некоторые эпизоды в романе С. Балыкова «Девичья честь» (Элиста, 1993), ставшем полезным этнографическим источником). Некоторые детали свадебных обрядов в расширенном и не вполне традиционном формате были освещены в книге Н. В. Зорина «Русский свадебный ритуал (М., 2001), и в особенности в рецензии А. М. Решетова на эту книгу [<рецензия> Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал. М., 2001. 248 с.] // ЯЛИК. 2003. № 54. май. С. 14–15), где рассматриваются некоторые различия свадебной обрядовой практики у православных и у мусульман.

В целом книга Т. И. Шараевой оказывается ценным, информативным и полезным исследованием в области обрядовой практики калмыков, связанной с событиями жизненного цикла. Она занимает очень достойное место в ряду монографий по традиционной и современной культуре калмыков, выпущенных в Республике Калмыкия за последние два десятилетия.

Литература

- Бакаева Э. П. Добуддийские верования калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 358 с.
- Бакаева Э. П. Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста: ГУ «Издательский дом „Герел“», 2008. 189 с.
- Басангова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 382 с.
- Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.
- Батмаев М. М. Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: ГУ «Издательский дом „Герел“», 2008. 256 с.
- Батырева С. Г. Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX – начала XX вв. Элиста: НПП «Джангар», 2006. 160 с.
- Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; КИГИ РАН. М.: Наука, 2010. 568 с. (Народы и культуры).
- Хабунова Е. Э. Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 224 с.

Э. П. Бакаева. Рец. на: **Б. Р. Зориктуев. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят.** М.: Вост. лит., 2011. 278 с.

Исследование вопросов, связанных с этногенезом и этнической историей монголоязычных народов в контексте взаимодействия с народами Евразии, продолжает оставаться одним из наиболее актуальных направлений современного востоковедения. В последние десятилетия появился большой ряд трудов [Авляев 2002; Буряты 2004; Викторов 1980; Дашибалов 2005; Дугаров 1983; Зориктуев 1997, 2011; Калмыки 2010; Коновалов 1999; Нанзатов 2005; Нимаев 1988, 2000; Павлинская 2008; Очир 1993; Очиров 2010; Санчилов 1990, 2010; Эрдниев 1970; и др.], продолжающих и углубляющих исследования, предпринятые отечественными учеными в прошлом. Однако многие вопросы, связанные с происхождением монголов, остаются неразрешенными. Речь идет как о недостаточной исследованности вопросов ранней истории монголов, так и о том, что учеными в различной степени изучалась этническая история разных народов монгольского круга. Так, высказываются различные мнения по вопросу о ранней территории расселения монгольских этнических общностей, локализации их прародины, о времени сложения отдельных монголоязычных этносов, происхождении этнических групп и др.

В целом проблематика, связанная с исследованием этнической истории, весьма обширна. Она определяет необходимость применения комплексного анализа огромного количества источников и междисциплинарного подхода и обобщения результатов анализа источников.

Монография Б. Р. Зориктуева «Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят» обобщает результаты многолетних исследований автора по вопросам этногенеза и этнического развития монголоязычных народов. В книге анализируются, как пишет автор, «узловые проблемы» этнической истории монгольского и бурятского народов. Основная тематика, исследуемая Б. Р. Зориктуевым в данной работе, связана с ранним этапом формирования монгольской этнической общности, а также с вопросами сложения бурят.

Рецензируемой монографии предшествовал ряд публикаций Б. Р. Зориктуева, в которых автор апробировал основные результаты исследований и обосновал соб-

ственный взгляд на раннюю историю монголов и основные этапы сложения бурятской общности [Зориктуев 1996, 1997, 2003, 2004, 2011, 2011a, и др.]. Исследование большого спектра вопросов, связанных с осмыслением актуальных проблем этнической истории монголов и бурят, обобщено в монографии в три блока.

Первый блок проблем анализируется в контексте монголоведческих исследований раннего этапа истории монголов, названного автором «эргунэ-кунским» (с VI века — т. е. после разгрома тюркскими племенами жуужаней — и до рубежа VIII–IX вв., когда после падения в 745 г. Восточнотюркского каганата монголы совершили миграцию к Онону). Второй блок проблем касается следующего этапа этнической истории монголов, а также социально-политических изменений, связанных с историей монгольских народов, объединившихся в рамках монгольского государства, по мнению автора, в единый монгольский суперэтнос. Третий блок проблем, исследуемых в монографии, связан с периодизацией этнической истории бурят, определением сущности трансформационных процессов, происходивших в Предбайкалье и Забайкалье на разных этапах формирования народа.

Книга основана на широком круге источников. Автор акцентирует внимание на необходимости при изучении раннего этапа этнической истории обращения к самым ранним письменным источникам (и прежде всего к «Сборнику летописей» Рашид-ад-дина и «Тайной истории монголов»), критически осмысливая данные более поздних летописей. Источниковая база существенно расширена за счет полевых материалов, собранных автором во время экспедиций в северо-восточный Китай.

Учитывая значимость и актуальность тематики, связанной с исследованием раннего этапа этнической истории монголов, Б. Р. Зориктуев обращается к проблеме локализации упоминаемой в источнике местности Эргунэ-кун и датировки пребывания монголов в данной местности. Рассмотрев все известные данные по вопросу, автор на основе анализа «Сборника летописей» Рашид-ад-дина и с привлечением данных «Тайной истории монголов», а также материалов топонимии Приамурья приходит к

выводу, что в средневековые гидроним Эргунэ был названием р. Аргунь, а местность на правом берегу реки носила имя Эргунэ-кун [Зориктуев 2011: 41]. Этимология названия местности связана с возвышенными местами с крутыми склонами, затруднявшими доступ к ней, что немаловажно, поскольку поселение в этом месте состоялось после бегства монголов под напором других народов¹.

При изучении вопроса о времени прихода предков монголов в восточные районы Б. Р. Зориктуев на основе сопоставления данных Рашид-ад-дина и «Родословной истории о татарах» Абуль-Гази доказывает, что гипотеза Л. Билэгта об уходе монголов в Эргунэ-кун в первой половине IV в. недостаточно обоснована. Не соглашается ученый и с предположением монгольского ученого Г. Сухэбатара [Сүхбаатар 1971] о том, что бегство в Эргунэ-кун явилось результатом вражды между хунну и сяньби. По мнению автора, приход в местность Эргунэ-кун состоялся в начале второй половины I тыс. н. э. (из-за разгрома предков монголов тюрками, о чем свидетельствуют источники) и ознаменовал начало сложения группы родов дарлекин, ядром которой являлся род *чино* (или *нукуз* по «Сборнику летописей» Рашид-ад-дина). В этот период,

¹ Отметим, что в контексте с определением географических реалий, упоминаемых в ранних письменных источниках о монголах, приобретают актуальность исследования, связанные с возможностью поисков подобных реалий, соответствующих местностям, упоминаемым в фольклоре. Так, нами было высказано предположение о возможной локализации в Приамурье географического объекта (горы *Маңхн Цаган*), выступающей как маркер этнической территории в калмыцком героическом эпосе «Джангар» [Бакаева 2008]. Эпос существует в исторически сложившихся фольклорных формах, и в нем могут отражаться реалии, окружавшие его создателей. В литературе, посвященной путешествиям в Приамурье, отмечаются горы Мангу и Цагаян, в районе которых река Амур, поворачивающая русло на юг, весьма опасна для проживающих в южной части и безопасна для проживающих выше по течению. Такое положение гор (маркеров центра в традиционных культурах) символично в аспекте противопоставления народов, проживающих на данной территории, что является одним из критериев выбора географических объектов в качестве маркеров этнической территории.

как известно, впервые и зафиксирован этноним *монгол*.

Появление термина *монгол* связано с ранним периодом истории формирования ядра монгольского народа, потому вопрос о его этимологии является чрезвычайно важным. Б. Р. Зориктуев рассматривает около 15 гипотез о семантике этнонима и приходит к выводу о его взаимосвязи с названием р. Мангу. Именно так называли тунгусо-маньчжурские народы весь Амур, а в бассейне правобережья Аргуни существовал гидроним Мангу, обозначающий реку, позже переименованную китайцами в р. Цзильхэ, что является калькой тунгусского слова *мангу* — «быстрая река» [Зориктуев 2011: 41]. Слово *монгол* автор возводит к форме *мангол*, этимологизируя последнюю «люди, живущие на быстрой реке Мангу». Б. Р. Зориктуев считает, что форму *монгол* этноним приобрел после XIII в. в результате собственного развития. Калькой этнонима тунгусского происхождения (*мангол/монгол*) автор считает монгольский термин *киян* (со ссылкой на Рашид-ад-дина Б. Р. Зориктуев отмечает, что *киян* — «большой поток», текущий с гор в низину, бурный, быстрый и сильный), от которого образовано множественное число *кият*. По мнению ученого, оба термина являлись прозвищами одного народа, жившего «по быстрой реке», но отличие *кият* от *мангол* состояло в том, что один из них развился в этноним; в ходе развития произошло переосмысление слова *кият*, и оно стало именем одного из родоначальников монголов: «Так рядом с легендарным Нукузом появился такой же легендарный Киян, оба они, по сложившемуся в Эргунэ-куне преданию, привели туда бежавших от гибели сородичей. Однако в итоге за обитателями этой местности окончательно закрепилось полученное от соседних племен прозвище мангол» [Зориктуев 2011: 48]. Выводы Б. Р. Зориктуева соответствуют его концепции, развивающей положение об изначальном приходе в местность Эргунэ-кун рода *чино*, составившего основу дарлекинских родов. Соответственно, пишет автор, союз мифических предков Чингис-хана — Борте Чино и Хоай Марал — рассматривается как передача данных о сложении этнической общности в иносказательной форме: мужской предок олицетворял дарлекинские рода монголов Эргунэ-куна, которые восходили к племени *чино*, а

предок по женской линии — тюрко-телеский этнос, проживавший около Байкала.

В этой связи отметим, что этимология этнонима *монгол*, поддерживаемая автором рецензируемой монографии, получила развитие в работах Н. Б. Дашиевой, разрабатывающей проблематику, связанную с тотемическими верованиями монголов. Согласно ее исследованиям, значение слова *мангу* связано с обозначением медведя; потому этимология термина *монгол* — «живущие по реке *мангу* (медведя)» [Дашиева 2001]². Однако в работе Б. Р. Зориктуева данная концепция не рассматривается, и в библиографическом списке отсутствуют работы Н. Б. Дашиевой. В рецензируемой монографии также не упоминается книга Н. Н. Крадина и Т. Д. Скрынниковой «Империя Чингис-хана» (М., 2006), хотя отмечены другие труды этих ученых. Однако для проблемы выявления значения терминов *кият*, *нукуз*, *монгол* указанная работа имеет большое значение. По мнению Т. Д. Скрынниковой, исследование «Сборника летописей» показывает, что его автор, оперируя этническими терминами, моделирует социокультурное пространство. В монгольском государстве актуальными были матрилинейное родство (происходила трансляция имени *монгол* в генеалогии по женской линии, в частности потомки Алан-Гоа — *нируны* — считались чистыми монголами) и патрилинейное родство, по которому выстраивалось генеалогическое древо тайджитов. После покорения Чингис-ханом тайджитов наблюдалось «приписывание или присвоение монголами первопредка» (т. е. речь идет о «монголизации» Борте Чино) [Крадин, Скрынникова 2006: 167]. «... можно выделить основные элементы идентификационной практики: подчеркивание этнических границ — *монголы* вообще, они же — *дарлекин*; выделение иной властвующей элиты (не потомки Бортэ-Чино по мужской линии) через матрилинейную систему родства (*нирун*), в которой, в свою очередь, ретранслируется (опять через старших сыновей) маркер правящего рода — *кият*, закрепившийся за Чингис-ханом и его потомками [Крадин, Скрынникова 2006: 164]. Анализируя сведения Рашид-аддина, Т. Д. Скрынникова приходит к выводу

² Реликты верований, связанных с почитанием медведя, сохранялись у монгольских народов длительное время, и продолжают бытовать и в настоящее время среди калмыков [Бакаева 2011].

о том, что отведение *киятам* лидирующей роли в составе родов *дарлекин* наряду с *нукузами* (равных, но все же стоявших на втором месте) означает попытку перекодировки этнической принадлежности и отнесения к понятию *коренные монголы* групп, прежде к ним не принадлежавших [Крадин, Скрынникова 2006: 167]; автор «Сборника летописей» использовал терминологию, согласно которой в именах прапредков Борте Чино и Хоай (Гоа) Марал закодировано деление монголов на две группы (нукуз–кият), тотемами которых были волк и олень. «Учитывая взаимосочетаемость этнонимов чинос, нукуз и тайджиут, можно говорить, что это кодирует известную двусоставность прибывших в Трехречье тайджиутов — монголов. <...> термины (*тайджиут*–*нукуз*–*чино*–*борджигин*–*Бортэ-Чино* — воинский союз волков и *кият*–*монгол*–*Гоа-Марал* — воинский союз медведей) и анализ их взаимосвязи демонстрируют дуальную структуру властвующей элиты» [Крадин, Скрынникова 2006: 196].

Таким образом, в историографии поставлен вопрос о возможной взаимосвязи ранней этнической общности монголов с тотемическими верованиями. К сожалению, в рецензируемой монографии Б. Р. Зориктуева не анализируется данная точка зрения.

Второй блок вопросов, освещаемых в монографии, связан со следующим этапом этнической истории предков монголов, переселившихся на территорию современной Монголии, по мнению автора, на рубеже VIII – XIX вв. Б. Р. Зориктуев обоснованно подвергает критике точку зрения, согласно которой в XII в. существовало государство Хамаг монгол улус, и доказывает, что до прихода к власти Чингис-хана полития имела форму вождества, как и другие протогосударственные образования найманов, керейтов, меркитов и татар. Соответственно в рамках избранной методологии исследования автор приходит к выводу, что вождеству соответствовали как исторические формы этнической общности племя или соплеменность. Только с образованием монгольского государства (после 1206 г.), считает автор, произошло становление монгольского суперэтноса, из которого впоследствии выделились в процессе противопоставления и выделения отдельных групп разные этносы. Под суперэтносом при этом понимается этническая система, состоящая из нескольких этносов, единство которой проявляется в

наличии общей ментальности, выполняющей консолидирующую роль, проявляющейся в идейно-религиозной и культурной целостности. В качестве основных объединяющих признаков рассматриваются наличие общего названия *монгол*, шаманских верований, а также единого свода законов («Великой Ясы»), способствовавшего закреплению «идейно-нравственной и культурной целостности». Не вдаваясь в теоретические дискуссии по поводу понятия суперэтнос, введенного Л. Н. Гумилевым, отметим, что его использование для исследования не является принципиальным, так как основные выводы автора рецензируемой монографии относительно сложения единых культурных форм, проникавших в среду родственных этносов, изменений, происходивших в материальной культуре, в обычаях, имеют самостоятельное значение. Централизация управления не могла не отразиться на трансформационных процессах, затронувших все сферы общества. Следует признать правоту автора, освещающего этнокультурные изменения в монгольском обществе, происходившие в едином государстве. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на относительность выделяемого автором такого критерия общности культуры, как шаманизм. Б. Р. Зориктуев, характеризуя шаманизм монголов XIII – XIV вв., освещает верования, связанные с почитанием Неба, Земли, духов — в сущности, речь идет о сходстве элементов духовной культуры родственных народов. В научной литературе такое понимание шаманизма, включающее разнообразные формы ранних верований, является довольно распространенным явлением. Однако представляется более обоснованным выделение шаманства/шаманизма как особой формы верований, характеризуемых рядом признаков. По данному вопросу имеется большой круг литературы: в этнологическом религиоведении теоретические проблемы исследования шаманства/шаманизма являются довольно разработанными [Бакаева 2003; Булатов 2004; Бурыкин 2007; Харитонов 2006; Функ 2005; и др.]. Необходимо учитывать также, что исследователи разделяют понятия белого и черного шаманства, хотя критерии при этом выдвигают различные [Дугаров 1991; Скрынникова 2002; Харитонов 2004].

Кроме того, отметим, что принятие термина *монгол* в качестве политонима не могло означать полную унификацию культуры,

тем более что приводимые сведения об изменениях в жилище, одежде монголов этого периода относятся именно к монгольской культуре, тогда как у ряда этнических общностей сохранялась специфика в данных сферах. Потому вывод автора о том, что после покорения монголами ойраты к своему имени стали прибавлять слово монгол и у случае надобности называть себя не ойратами, а ойрат-монголами» [Зориктуев 2011: 91], не представляется доказанным, так как сведений об этом факте по отношению к исследуемому периоду не приводится. Об этом свидетельствуют и данные Б. Р. Зориктуева, завершающего главу об очередном этапе развития монгольской этнической общности периодом раздробленности после крушения династии Юань, когда произошло сложение современных монголоязычных этносов.

Весьма содержательной, новаторской является часть монографии, посвященная характеристике этапов сложения бурятского народа и трансформации этнонима, обозначающего общности предков бурят в различные периоды. Обращая внимание на тот факт, что в ранних письменных источниках этноним *бурят* отсутствует, а упоминается топоним *бурят*, Б. Р. Зориктуев доказывает, что сложение бурятской народности происходило в два этапа, причем центр формирования этноса вначале локализовался в Предбайкалье, а затем в Забайкалье. Начало этнической истории протобурят он связывает с бытованием этнонима *бурат* и сложением в Предбайкалье этнической общности «лесного народа». В последующем, считает автор, произошла трансформация общности *бурат*, а ее название получило форму *бурэт*. До конца XVII в., по мнению Б. Р. Зориктуева, этнические процессы локализовались в Предбайкалье, а с начала XVIII в. они переносятся и в на территорию Забайкалья. С 40-х гг. XVIII в. этноним *бурэт* стал приобретать в Забайкалье форму *бурят*, впоследствии принятию нового самоназвания способствовали присоединение к России и ведение единой документации, в которой русскими чиновниками использовался термин *бурят*. Таким образом, автор с позиций современной этнологической науки, комплексно анализируя источники, исследует этническую историю бурятского народа и выделяет главные этапы формирования этноса, которым соответствуют разные варианты этнонима.

Монография Б. Р. Зориктуева является цельным, новаторским исследованием, выполненным на высоком теоретическом уровне. Материалы, введенные в научный оборот, прежде всего, данные полевых экспедиций придают труду особую ценность. Выводы автора, касающиеся датировки раннего («эргунэ-кунского») этапа истории монголов и локализации территории расселения предков монголов, являются убедительными. Б. Р. Зориктуев основывается на широком круге источников, неоднократно исследованных и другими авторами, но пересмотренных в рецензируемой работе. Комплексный подход к их анализу позволил автору провести фундаментальное исследование, вызывающее глубокий интерес.

Как в любой серьезной работе, в монографии Б. Р. Зориктуева встречаются отдельные недочеты. Однако они не только не снижают общего высокого уровня, но и подчеркивают актуальность исследования, предпринятого в отношении ключевых проблем этнической истории монгольских народов. Вопросы, которые затрагивает автор, исследуются в работах специалистов в разных областях; в последние годы появляется все больше трудов по данной тематике. Так, для рецензируемой монографии могут быть весьма актуальными выводы, сделанные в недавно вышедших в свет монографиях В. И. Рассадина, в которых известный лингвист освещает вопросы истории сложения тюрко-монгольской языковой общности [Рассадин 2007; 2008]; исследования в области популяционной генетики, и др. Актуальные исследования всегда имеют проблемный характер и требуют дальнейшей разработки. В этом смысле монография Б. Р. Зориктуева является фундаментом для последующих трудов в области исследования проблем этнической истории монголоязычных народов.

Книга Б. Р. Зориктуева посвящена классической в этнологии теме — этнической истории народа. Проведенное исследование позволяет по-новому взглянуть на проблемы происхождения монголоязычных народов, в частности на ранний этап истории монголов. Значимость данного труда доктора исторических наук, главного научного сотрудника отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН Б. Р. Зориктуева для развития востоковедческой науки оценена присуждением ему Государственной премии Республики Буря-

тия в области науки и техники в номинации «Гуманитарные науки».

Литература

- Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.
- Бакаева Э. П. Добуддийские верования калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 358 с.
- Бакаева Э. П. К проблеме типологии культур народов севера Евразии (на примере календарной традиции калмыков) // Историко-культурное и межэтническое единство Юга России. Мат-лы науч.-практ. конф. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. С. 6–13.
- Бакаева Э. П. Проблема прародины этнических предков калмыков (по материалам добуддийских верований) // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2008. №1. С. 204–211.
- Бертагаев Т. А. Об этимологии слов баргуджин, баргут и тукум // Филология и история монгольских народов. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 173–174.
- Билэгт Л. Гипотеза о времени ухода монголов в Эргунэ-кун // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1993. С. 106–112.
- Булатов А. О. Формы шаманско-магической практики у народов Дагестана в конце XIX–XX вв. Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2004. 144 с.
- Бурякин А. А. Шаманы. Те, кому служат духи. СПб.: Азбука-классика, Петербург. Востоковед., 2007. 288 с.
- Буряты. Серия «Народы и культуры» М.: Наука, 2004.
- Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. 224 с.
- Дашибалов Б. Б. На монголо-тюркском пограничье (этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН 2005. 202 с.
- Дашиева Н. Б. Календарь в традиционной культуре бурят (опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования). М.; Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2001. 299 с.
- Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства. М.: Наука, 1991. 297 с.
- Дугаров Д. С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1983. С. 90–101.

- Зориктуев Б. Р.* Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Вост. лит., 2011. 278 с.
- Зориктуев Б. Р.* О происхождении и семантике этнонима бурят // Монголо-бурятские этнонимы. Улан-Удэ, 1996. С. 8–31.
- Зориктуев Б. Р.* Об эргунэ-кунском периоде монгольской истории // Монголоведение. № 3. Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 155–168.
- Зориктуев Б. Р.* Прибайкалье в середине VI – начале XVII вв. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1997. 103 с.
- Зориктуев Б. Р.* Реконструкция начального этапа ранней истории монголов // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 41–57.
- Зориктуев Б. Р.* Эволюция этнонима бурят в контексте процесса образования бурятской народности // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы Междунар. науч. конф. Ч. 1. Элиста: КИГИ РАН, 2011а. С. 221–224. Калмыки. М.: Наука, 2010. 568 с.
- Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006. 557 с.
- Коновалов П. Б.* К истокам этнической истории тюрков и монголов // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1993. С. 5–29.
- Коновалов П. Б.* Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 214 с.
- Нанзатов Б. З.* Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.) Иркутск: Изд-во Иркутск. межрегион. ин-та обществ. наук, 2005. 159 с.
- Нимаев Д. Д.* Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск: Наука, 1988. 169 с.
- Нимаев Д. Д.* Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. 190 с.
- Павлинская Л. Р.* Буряты. Очерки этнической истории (XVII – XIX вв.) СПб.: Европейский дом, 2008. 256 с.
- Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. I. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. 165 с.
- Рассадин В. И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. 243 с.
- Санчилов В. П.* «Илэтхэл-шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, 1990. 136 с.
- Санчилов В. П.* Формирование этнической общности ойратов — предков калмыков // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 12–35.
- Скрынникова Т. Д.* Белый шаман в центрально-азиатской традиции // Этническая культура: история и современность. Серия «Сибирь: этносы и культуры». Вып. 7. М.; Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2002. С. 92–106.
- Очиров У. Б.* Формирование калмыцкого этноса // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 35–47.
- Очир А.* Монголын ойрадуудын түүхчин товч. Улаанбаатар: [б.и.], 1993. 94 х.
- Сүхбаатар Г.* Сяньби. Улаанбаатар: [б.и.], 1971. 217 х.
- Очиров У. Б.* Расселение и этнический состав в XVII–XX веках // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 47–61.
- Функ Д. А.* Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М.: Наука, 2005. 398 с.
- Харитонова В. И.* Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М.: Наука, 2006. 372 с.
- Харитонова В. И.* Шаманы и шаманисты: некоторые теоретические аспекты изучения шаманизма и иных традиционных верований и практик // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 99–118.
- Эрдниев У. Э.* Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

29 декабря 2011 г. на базе Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН состоялась **Республиканская научная конференция «А. Ш. Кичиков и современное джангароведение»**, посвященная 90-летию со дня рождения известного ученого, доктора филологических наук, профессора А. Ш. Кичикова, внесшего значительный вклад в изучение калмыцкого языка, фольклора и национальной культуры.

В конференции приняли участие ученые, аспиранты КИГИ РАН, профессорско-преподавательский состав и студенты Калмыцкого государственного университета. Калмыцкому эпосу «Джангар» были посвящены доклады коллег и учеников ученого, в которых отмечалось, что научное наследие А. Ш. Кичикова представляет непреходящую ценность для всей калмыцкой национальной культуры в широком смысле этого слова, изучение его открывает перспективы для дальнейшего развития просвещения, образования и воспитания, культуры и искусства, калмыковедения в целом.

30 декабря 2011 г. состоялся **«Круглый стол», посвященный научному сотрудничеству с востоковедными центрами Монголии**. В 2011 году отмечается ряд памятных дат, которые непосредственно связаны с историей российско-монгольского сотрудничества: 90-летие Монгольской народной революции, 100-летие обретения Монголией независимости, 90-летие дипломатической службы Монголии, 90-ле-

тие со времени создания Ученого комитета, на основе которого была образована в 1961 г. Академия наук Монголии. Этим историческим событиям были посвящены доклады участников «Круглого стола», на котором выступили монголоеды КИГИ РАН, монгольские студенты, обучающиеся в Калмыкии, гости и приглашенные. Были подведены итоги сотрудничества КИГИ РАН с научными учреждениями Монголии за последнее десятилетие. Обсуждался широкий круг вопросов, связанных с расширением и углублением научного сотрудничества с востоковедческими центрами Монголии.

6 февраля 2012 г. состоялось **расширенное заседание Ученого Совета Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН**, посвященное Году российской истории и 200-летию Победы в Отечественной войне 1812 г. С научными докладами, обобщающими результаты исследований на основе новых, ранее не изученных, архивных источников выступили д. и. н., профессор Максимов К. Н. («Донские калмыки-казаки в Наполеоновских войнах») и д. и. н. Очиров У. Б. («Боевой путь Ставропольского Калмыцкого, 1-го и 2-го Калмыцких полков в войне 1812–1814 гг.: новые данные»). В работе Ученого Совета КИГИ РАН приняли участие гости и приглашенные — учителя и преподаватели средних и высших учебных заведений республики, что должно способствовать введению в широкий оборот результатов новейших открытий ученых.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА

Омакаева Э. У. Типология моделирующих членов предложения в калмыцком и монгольском языках в свете глагольно-актантной теории. Улан-Батор: «Найман од» ХХК, 2011. 240 с.

Монография представляет собой первый опыт семантической интерпретации синтаксиса монгольских языков. Впервые на материале современных монгольского и калмыцкого языков комплексно описываются основные синтактико-семантические

классы глаголов и типы образуемых ими синтаксических предикативных глагольно-актантных конструкций. Синтаксис и семантика глагола исследуются в его функционировании в предложении-высказывании и тексте как в аспекте внутренней структуры последних (члены предложения-синтаксемы и компоненты текста), так и с точки зрения внешних связей. Большое внимание уделяется междуровневому и межкомпонентному взаимодействию, в частно-

сти соотношению синтаксиса и семантики, морфологии и синтаксиса, лексики и грамматики в монгольских языках.

Горяева Б. Б. Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 128 с.

Монография посвящена изучению сюжетного состава и поэтико-стилевых особенностей калмыцкой волшебной сказки. В работе анализируются контаминированные сюжеты и сюжеты сказок, не нашедшие соответствия в «Сравнительном указателе сюжетов». Исследование основывается на систематизации и аналитической проработке всего имеющегося текстового материала, включающего большое число записей из архивного фонда Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, а также полевые материалы автора. Привлекается широкий сравнительный материал сказок славянских и других народов.

Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла у калмыков (XIX – нач. XXI в.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 175 с.

В монографии рассматриваются родильный, свадебный и похоронно-погребальный комплексы у калмыков. Выделены основные этапы в ритуалах жизненного цикла, общее и особенное в трех основных циклах обрядности у различных субэтнических групп единого калмыцкого этноса. В научный оборот введены новые данные по родовым маркерам, которые сохраняются в обрядности свадебного цикла. Большое внимание уделяется процессам трансформаций в обрядности жизненного цикла калмыков на современном этапе.

Основой исследования послужили литературные материалы, данные архивов, а также данные полевых экспедиций, которые проводились в течение десяти лет в разных районах Калмыкии.

Мулаева Н. М. Модальность возможности, необходимости и достоверности (на материале современного калмыцкого языка). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 137 с.

Работа посвящена исследованию трех типов модальности в современном калмыцком языке. Детальный анализ категории модальности позволяет интерпретировать ее как целостное семантическое простран-

ство, структурированное взаимодействием различных параметров, каждый из которых обладает своей системой способов языкового выражения. В исследовании применен полевой метод выделения функционально-семантических полей модальности, определены основные типы модальных значений и описаны лексико-грамматические средства их выражения.

Батырева С. Г. Традиционное изобразительное искусство Калмыкии XIX – нач. XX вв. Опыт историко-культурной реконструкции. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 428 с.

Калмыцкое изобразительное искусство как совокупность традиционных форм рассматривается в исторической взаимообусловленности развития искусства и культуры XIX – начала XX вв., дореволюционного и додепортационного периода истории Калмыкии. В тематическом поле исследования искусство анализируется в качестве художественного процесса, результата утрат и новаций этнической культуры в меняющихся реалиях российской истории. Изучение изобразительного искусства впервые предпринимается в историко-культурной реконструкции материала разностадиального происхождения. Реконструкция производится в обращении к источникам архивно-документальной и научной литературы об искусстве калмыков и монголоязычных народов Центральной Азии и России, в описании и анализе памятников из частных коллекций и собраний отечественных и зарубежных музеев. Воссоздание исчезнувших форм искусства производится на основе их поздних отражений и с учетом возможных путей развития культурного наследия народа.

Басангова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков. LAP LAMBERT Academic Publishing (Германия), 2012. 575 с.

В монографии исследуются в комплексе жанры калмыцкого фольклора: благопожелания, проклятия, протяжные песни, заговоры, связанные с магическими ритуалами. Многие жанры описаны впервые. Книга написана по результатам этнографических экспедиций, которые автор проводила по Калмыкии на протяжении тридцати лет. Издание предназначено для специалистов-этнографов, фольклористов, филологов, а также доступно для широкого круга читателей, интересующихся культурой монгольских, кочевых народов.

Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII – первая половина XIX в. Документы и материалы. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII в. 319 с.

Книга является первой в планируемой к изданию в четырех томах серии сборников документов и материалов по истории ставропольских калмыков, особой локальной служилой и этноконфессиональной группы в составе калмыцкого народа. После принятия православия они были отделены от общей массы калмыков и поселились на Средней Волге, где основали г. Ставрополь-на-Волге (ныне — г. Тольятти Самарской обл.). Из них было сформировано Ставропольское казачье войско (корпус), принимавшее активное участие в Отечественной войне 1812 г.

В первый том включены материалы по начальному периоду истории ставропольского войска, когда определялись основы его дальнейшей жизни и службы. Опубликованные материалы извлечены из следующих архивов: Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Публикация источников осуществлена в соответствии с Правилами издания исторических документов.

Хальмгүлгүрмүдинболнговчүгмүдин тээлвртэ толь. (Толковый словарь калмыцких пословиц и поговорок). Сост. и вступ. ст. У. У. Очирова и Л. С. Сангаева. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 210 с.

Данная книга представляет собой публикацию рукописи толкового словаря калмыцких пословиц и поговорок, хранящейся в Научном архиве КИГИ РАН. Это первый опыт составления подобного труда, в котором удалось собрать свыше 600 образцов афористической поэзии — краткие образные и меткие изречения, отражающие особенности менталитета калмыцкого народа. Актуальность и практическая полезность работы состоит в том, что современным носителям калмыцкого языка смысл отдельных пословиц неясен. Авторами проведен анализ калмыцких пословиц и поговорок. Национальная специфика мировидения исследуется в соответствии с определенной маркированностью отдельных компонен-

тов: реалий, образов и коннотативных значений, особенностей их формальной организации.

Памяти Учителя. Тольятти: ООО «Информсервис-Принт», 2011. 192 с.: ил. (Серия «Калмыцкая интеллигенция»).

Книга посвящена памяти Юлии Петровны Тепикиной — заслуженного учителя Калмыцкой АССР (1978 г.), заслуженного учителя РСФСР (1982 г.), отличника народного просвещения. Ю. П. Тепикина — одна из замечательных представительниц интеллигенции Калмыкии, талантливый педагог и организатор дела народного образования и просвещения республики в 1940–1980-е гг. В публикации через воспоминания учеников и коллег, друзей и соратников, переписку Ю. П. Тепикиной с родными и близкими людьми освещены ее жизнь и деятельность, которые отмерялись веками истории Родины.

Халимагийн монгол судлал (Монголоведческие исследования в Калмыкии). Сборник научных статей ученых КИГИ РАН, посвященный 70-летию КИГИ РАН и 5-летию «Тод номын гэрэл». На монг. яз. Улан-Батор: Соёмбо принтинг, 2011. 272 с.

Сборник научных статей, подготовленный учеными КИГИ РАН и изданный совместно с научными сотрудниками Центра по изучению истории и культуры ойратов «Тод номын гэрэл» («Свет «ясного письма»») (Монголия), включает работы по монголоведению. Научный сборник посвящен исследованиям по истории ойратов и калмыков, литературе и фольклору монгольских народов, лингвистике, археологии, этнографии и социологии.

Библиография изданий Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 282 с.

Книга представляет собой библиографический справочник, в который включены научные труды сотрудников Института за 70 лет его существования. В ней наглядно представлены итоги деятельности старейшего научного учреждения республики, являющегося одним из ведущих востоковедных академических центров России. Указатель носит справочно-информационный характер и состоит из 3 частей: книги, статьи, именной указатель. Библиографическое

описание каждого издания соответствует общепринятым государственным стандартам описания произведений печати.

Материалы Международной научной конференции «„Джангар“ и эпическая традиция в евразийском пространстве: современное состояние и новые направления в мировой фольклористике». Элиста: КИГИ РАН, 2011. 174 с.

В книге опубликованы материалы Международной научной конференции «„Джангар“ и эпические традиции народов Евразии: проблемы исследования и сохранения». В докладах и сообщениях освещается широкий круг проблем, связанных с генезисом эпоса, типологией мотивов, эпической картиной мира, исполнительской традицией, текстологическим анализом, а также проблемами сохранения эпического и, шире, фольклорного наследия. Особое внимание уделено вопросам сохранения эпического наследия монголоязычных народов.

Материалы Международной научной конференции «Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие». В 2-х частях. Элиста: КИГИ РАН, 2011. Ч. 1. 294 с. Ч. 2. 296 с.

В данное издание включены доклады и сообщения Международной научной конференции «Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие», посвященной 70-летию Учреждения Российской академии наук Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. В статьях освещен широкий круг проблем, связанных с исследованиями языка, литературы, фольклора, современной и традиционной культуры народов России и Центральной Азии, с которыми калмыцкий народ связан этногенетическими истоками и этнокультурными контактами. В сборнике также отражены работы по археологии Прикаспийского региона, комплексным исследованиям памятников эпохи бронзового века и ранних кочевников; результаты международных проектов, осуществляющихся КИГИ РАН совместно с германскими партнерами. Ряд статей посвящен вопросам истории народов Юга России, а также других регионов, исследованию социально-экономических и экологических проблем современного общества. Особое внимание уделено развитию гуманитарной науки в Калмыкии и в южно-российском макрорегионе.

В издании представлены результаты исследований ученых из научных центров России, Монголии, Китая.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

20 января 2012 года на заседании диссертационного совета Д 212.305.01 при ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет» состоялась защита диссертации младшего научного сотрудника отдела языкознания КИГИ РАН Очировой Нюдли Четировны «Лексико-стилистические осо-

бенности языка художественных произведений К. Эрэндженова» на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.22 — Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (монгольские языки, калмыцкий язык).

НАГРАДЫ В ОБЛАСТИ НАУКИ

Указом Президента Российской Федерации Д. А. Медведева от 17 января 2012 года награжден Орденом Дружбы крупный ученый, Заслуженный деятель науки РФ, за-

ведующий отделом истории и археологии КИГИ РАН, доктор исторических наук, профессор К. Н. Максимов.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Трофимова С. М., Рассадин В. И. О группе переднеязычных согласных в языке дербетов Калмыкии и Монголии

Статья посвящена сравнительному исследованию группы переднеязычных согласных языка дербетов Калмыкии и языка дербетов Монголии, этнические предки которых более 400 лет назад представляли один народ на территории Центральной Азии. В статье ставилась цель выяснить, какие черты являются общеоиратскими и представляют наследие общемонгольского праязыка, какие черты характерны для дербетов Калмыкии, а какие для дербетов Монголии, особенно развившиеся под влиянием халхаского языка. В результате исследования выявилась большая общность в области группы переднеязычных согласных между языками дербетов Калмыкии и Монголии, восходящая к глубокой древности. Специфичным для языка дербетов Монголии является наличие аффрикаты *dz* наряду со щелевым *z*, возникшим под халхаским влиянием.

Ключевые слова: язык дербетов Калмыкии, язык дербетов Монголии, переднеязычные согласные, аффрикаты, смычные согласные, щелевые согласные.

Осьмак Н. А. Новые значения старых слов (корпусное исследование на материале повседневной русской речи)

Статья представляет результаты контрастивного исследования, целью которого стало выявление тенденций изменения в функционировании в речи языковых единиц, в частности их проявления в женской и мужской речи. Анализ осуществляется на примере обозначений лица с привлечением Звукового корпуса «Один речевой день», представляющего собой уникальный лингвистический материал, который позволяет проводить фундаментальные исследования во многих областях: изучение спонтанной речи, речевой фонетики и грамматики, психолингвистика и т. п.

Ключевые слова: номинация женщины, гендерные стереотипы, ментальный лексикон, спонтанная речь, корпусное исследование, проблемы лексикографии.

Радионон А. В. Гендер и родство в калмыцкой лингвокультурной традиции в сопоставлении с английской

В статье рассматриваются наименования родства и свойства калмыцкого и английского языков как средство вербализации и актуализации гендерного аспекта рассматриваемых языков.

Ключевые слова: термины родства, гендер, категория рода, английский язык, калмыцкий язык.

LINGUISTICS

Trofimova S. Rassadin V. T About Group of the Front Consonants in the Language of the Derbets of Kalmykia and Mongolia

The article is devoted to comparative research of blade consonants in the language of Kalmyk Derbets and Derbets of Mongolia since these Derbets used to represent a unified people as a part of Djungar Khanate on the territory of Central Asia. The article set an objective of identifying common Oirat features representing Protomongol language as well as specifying characteristics unique for the Derbets of Kalmykia and Mongolia. The results of the research revealed certain similarities in the blade consonant sounds between Kalmyk and Mongol Derbets which are traced back centuries ago. Specific feature of the Mongol Derbet language is the presence of affricate *dz* along with a fricative *z* that appeared under Khalka influence.

Keywords: language of the Derbets of Kalmykia, language of the Derbets of Mongolia, blade sounds, fricatives, affricatives, occlusive.

Osmak N. New Meanings of Old Words (corpora research based on Russian everyday speech)

The article represents a contrastive study, which aim was to define trends of changes in functioning of linguistic units in speech as well as to analyze their reflection in women's and men's speech. The analysis is based on the nominations of a person and includes material from Corpus of Spoken Russian «One Speech Day», which presents the unique linguistic material, allowing to perform fundamental research in many aspects: study of real spontaneous speech, phonetics and grammar of spoken language, psycholinguistics, communication studies, etc.

Keywords: nomination of a woman, gender stereotypes, mental lexicon, spontaneous speech, corpus study, problems of lexicography.

Radionov A. Gender and Kinship in the Kalmyk Lingvocultural Tradition in Comparison with English

The article deals with kinship terms and affinity terms in the Kalmyk and English languages as a means of verbalization and realization of gender aspect in the analyzed languages.

Keywords: terms of kinship, gender, grammatical gender, the English language, the Kalmyk language.

Омакаева Э. У. Проблемы текстообразования в фольклорном дискурсе: жанр калмыцкой песни в свете лексикографического и корпусного подходов

В статье рассматривается проблема определения статуса фольклорного слова и текста (высказывания) в современной лингвофольклористике. Кроме того, уточняются некоторые базовые понятия и подходы, значимые для лингвистического анализа фольклорных жанров, которые могут быть применены и для исследования языка калмыцкого песенного текста.

Ключевые слова: фольклорное слово, высказывание, текст, дискурс, жанр, песня.

Omakaeva E. Text-formation Problems in a Folklore Discourse: Kalmyk Song Genre in the Light of Lexicographical and Corpus Approaches

The article considers the problem of determining the status of folklore word and text (utterance) in the modern lingvofolkloristics. In addition, it clarifies some basic concepts and approaches relevant to the linguistic analysis of folklore genres that can be applied to the study of the Kalmyk song texts's language.

Key words: folklore word, utterance, text, discourse, genre, song.

Сумьянова С. В., Олядыкова Л. Б. К вопросу о национальной специфике фразеологизмов (на материале китайского, русского и калмыцкого языков)

В данной статье как исходные единицы анализа рассматриваются фразеологизмы китайского языка в сопоставлении с соответствующими по смыслу фразеологическими единицами русского и калмыцкого языков. Авторы считают важным определить, что объединяет и что различает указанные единицы.

Ключевые слова: китайский язык, русский язык, калмыцкий язык, фразеологизмы, национальные особенности.

Sumyanova S., Olyadykova L. Towards the Issue of National Specifics of Phraseological Units (based on the material of Chinese, Russian and Kalmyk Languages)

Phraseological units of the Chinese language are under consideration in the present article in comparison with the ones of the Russian and Kalmyk languages. The authors determine the differences and similarities in their usage.

Keywords: Chinese language, Russian language, Kalmyk language, phraseological units, national peculiarities.

Ярмаркина Г. М. Уговоры как элемент системы побуждения в русской разговорной речи

В статье на материале русской разговорной речи рассматривается жанр уговоров как элемент системы русскоязычного побуждения, тесно связанный с ситуациями просьбы и предложения. Анализируются ситуации использования уговоров в обыденном общении, выявляются типичные тактики дополнительного речевого воздействия на адресата.

Ключевые слова: речевой жанр, риторико-речевой жанр, уговоры, побуждение, речевая тактика.

Yarmarkina G. Persuasions as a Element of System of Impetus in the Russian Informal Conversation

In the article on the material of Russian spoken language the genre of persuasion is observed as a system element of Russian-speaking motive closely connected with the situations of request and offer. The author analyses the situations of using persuasion in everyday communication, exposes typical tactics of additional speech influence on addressee.

Keywords: spoken genre, rhetorical-speech genre, persuasions, motives, speech tactics.

Джушхинова К. А. Национально-культурная специфика коммуникативного поведения калмыков (на примере речевых жанров повседневной коммуникации)

В статье рассматривается национальное коммуникативное поведение калмыков в жанровом пространстве повседневной коммуникации на материале их русской разговорной речи. Вербально выраженный национальный компонент является устойчивым признаком русской речи «инокультурных» информантов и участвует в реализации иллокуций речевых жанров через выбранные ими тактики и стратегии, имеющие во многом национально-культурную обусловленность: оценка и словесное оформление типических ситуаций (жанровых интеракций) повседневного общения в значительной степени определяются национальными традициями и культурой.

Ключевые слова: коммуникативное поведение калмыков, языковая личность, речевой жанр, русский разговорный дискурс, национальный компонент.

Dzhushkhinova K. National and Cultural Specifics of Communicative Behavior of Kalmyks (based on example of speech genres of everyday communication)

The article deals with the national communicative behaviour of the Kalmyks in a genre area of everyday communication on the material of the Russian spoken speech. Verbally expressed national component is a steady token of Russian speech of foreign culture informants that takes part in the realization of illocutions of speech genres via chosen tactics and strategies, in many respects having nationally cultural stipulation. Therefore, assessment and verbal representation of typical situations (genre interactions) of everyday communication are to a considerable extent defined by national traditions and culture.

Keywords: communicative behaviour of the Kalmyks, linguistic personality, speech genre, Russian colloquial discourse, national component.

Хараева А. Т. К характеристике слова *андгар* и жанра *андгаарийин бичиг* «присяжное письмо» в калмыцком литературном языке XVIII в.

В статье рассматривается функционирование лексемы *андгар* в тексте «присяжного письма» (*андгаарийин бичиг*) – одного из интереснейших жанров калмыцкого языка XVIII века.

Ключевые слова: клятва *андгар*, письменная форма, присяжное письмо, структура, содержание, форма, функция, типология.

Цыренов Б. Д. О практической и теоретической лексикографии бурятского языка (к истории вопроса)

В статье поднимается проблема теоретического осмысления бурятских словарей. Бурятский язык на сегодня имеет несколько переводных, тематический и краткий толковый словари и ряд других специальных словарей. Анализ работы лексикографов прошлого и настоящего даст импульс для дальнейшего развития бурятской лексикографии.

Ключевые слова: история лексикографии, лексикография, словари, бурятский язык

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Музраева Д. Н. Изучение ранних этапов становления буддийской литературы у ойратов в отечественном и зарубежном монголоведении

В данной статье автор на основе отечественной и зарубежной востоковедной литературы дает анализ исследований ойратских письменных источников из наследия Зая-пандиты Намкай Джамцо (1599–1662).

Ключевые слова: Зая-пандита, ойратоведение, письменные источники, история ойратской литературы.

Фокин А. А., Малахова Н. М. К проблеме возрождения забытых имен: Борис Лазаревский и «чеховская школа»

В статье ставится проблема формирования в русской литературе начала XX в. «чеховской школы». Предпринимается попытка восстановить литературное имя писателя Б. А. Лазаревского как продолжателя чеховских традиций в литературе.

Ключевые слова: наследие, литературная школа, традиция, влияние, подражание, биография, дневник.

Маслова Ю. П., Фокин А. А. Поэтика интертекстуальности ранней прозы И. Д. Сургучева

В статье намечаются новые подходы к исследованию творчества И. Д. Сургучева, других писателей неореалистов. Актуализируются пути интертекстуального анализа русской прозы. Формулируются принципы жанровой трансформации русской повести начала XX в.

Ключевые слова: интертекстуальность, поэтика, неorealизм, творческая индивидуальность, жанр, «пасхальная повесть».

Kharaeva A. Towards the Characteristics of the Word *Andgar* and Genre *Andgaarijin Bichig* ‘Jury Letter’ in the Kalmyk Literary Language of XVIII century

The paper deals with the functioning of the lexeme *andgar* in the text of “Jury letter” (*andgariyin bichig*) which is one of the most interesting genres of the Kalmyk language of the XVIII century

Keywords: oath, written form, jury letter, structure, contents, form, function, typology

Tsyrenov B. About Applied and Theoretical Lexicography of the Buryat Language (towards the issue’s history)

The article examines the problem of theoretical interpretation of the Buryat dictionaries. The Buryat language today has several bilingual, one thematic and one brief explanatory dictionaries as well as a number of other special dictionaries. The analysis of work of lexicographers of the past and the present gives an impulse for the further development of the Buryat lexicography.

Keywords: the history of lexicography, lexicography, dictionaries, the Buryat language

LITERATURE STUDIES

Muzraeva D. Researching Early Stages of Buddhist Literature Formation among Oirats in Russian and Foreign Mongol Studies

In the given article the author gives analysis of researches of Oirat written sources from the heritage of Zay-a pandita Nam-mkha rGya-mtsho (1599–1662) based on Russian and foreign literature on oriental studies.

Keywords: Zay-a pandita, Oirat studies, written sources, history of Oirat literature.

Fokin A., Malakhova N. Towards the Problem of Renaissance of Forgotten Names: Boris Lazarevskiy and «Chekhov’s School»

The article raises the problem of formation «Chekhov’s school» in the Russian literature of the early twentieth century. An attempt to restore B. A. Lazarevskiy’s literary name of a writer as successor to Chekhov’s tradition in the literature is made.

Keywords: heritage, a literary school, tradition, influence, imitation, biography, diary.

Maslova U., Fokin A. Intertextuality’s Poetics of Early Prose of I. Surguchev

The paper outlines new approaches to the study of creativity of I. D. Surguchev and other writers of neorealism. Updated path of intertextual analysis of Russian prose. Formulated the principles of genre’s transformation of the Russian novel of the beginning of the 20 th century.

Keywords: intertextuality, poetics, neorealism, creative personality, genre, „Easter story“.

Ханинова Р. М. Мир запаха в рассказах Исаака Бабеля

В статье рассматривается мир запаха в рассказах И. Бабеля 1910–1930-х гг. в аспекте антропологической поэтики. Выявлены основные значения, символика запахов и ароматов в произведениях писателя, их функция в сюжете, композиции, стиле автора.

Ключевые слова: запах, картина мира, антропологическая поэтика, рассказ, феномен Пруста.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Дякиева Б. Б., Омакаева Э. У. Калмыцкий фольклор и эпос «Джангар» в системе регионального образования Калмыкии

В статье представлен анализ коммуникативного, когнитивного, миромоделирующего и педагогического потенциала калмыцкого фольклора в целом и эпоса «Джангар» в частности применительно к современному школьному и дошкольному образованию в его региональном аспекте, что позволит более рельефно представить специфику фольклорной коммуникации, поможет учителю найти наиболее адекватные методы и способы организации изучения фольклора в школе.

Ключевые слова: калмыцкий фольклор, эпос «Джангар», региональное образование, учитель, потенциал, коммуникация, когнция, воспитание

ИСТОРИЯ

Тепкеев В. Т. О пребывании калмыцких послов в Москве в конце 1650-х – начале 1660-х годов

В статье освещаются русско-калмыцкие отношения в период с конца 1650-х по начало 1660-х гг. На основе новых архивных материалов рассматривается официальная и неофициальная сторона пребывания калмыцких послов в Москве.

Ключевые слова: Москва, XVII век, русско-калмыцкие отношения, калмыцкие послы, Посольский приказ.

Горяев М. С. Реформы по управлению Калмыцкой степью в последней трети XVIII – начале XIX в.

Вопросы развития государственных институтов России представляются на сегодняшний день достаточно актуальными. В данной статье рассматриваются ключевые моменты национально-государственного строительства Калмыкии в последней трети XVIII – начале XIX в. как одного из субъектов Российского государства.

Ключевые слова: Российское государство, система управления, Калмыцкая степь, региональная политика.

ЭТНОЛОГИЯ

Батыров В. В. К вопросу о происхождении калмыков-цохуров

В статье рассматриваются проблемы происхождения Цохуровского улуса Калмыцкого ханства, его история в XVIII в., а также вопросы формирования этнических групп в кочевом государстве.

Ключевые слова: история Калмыкии, история России, этническая история.

Khaninova R. World of Smell in the Stories by Isaac Babel

The article deals with the world of smells in the aspect of anthropological poetics of the short stories written by I. Babel in the 1910 – 1930s. There were revealed the principal meanings and symbolism of smells and aroma in the works of the writer, their function in the plot, composition and style of the author.

Key words: smell, worldview, anthropological poetics, short story, Proust's phenomenon.

FOLKLORISTICS

Dyakieva B., Omakaeva E. Kalmyk Folklore and Epos “Janggar” in System of Regional Education in Kalmykia

The paper presents an analysis of communicative, cognitive, and educational potential Kalmyk folklore in general, and the epic «Djanger» particularly in relation to the modern school and preschool education in its regional dimension, which will more clearly present the specifics of folk communication, will help the teacher to find the most appropriate and adequate methods and ways for organizing the study of folklore in the school.

Keywords: Kalmyk folklore, epic “Jangar”, regional education, teacher, potential, communication, cognition, training

HISTORY

Тепкеев В. About Staying of the Kalmyk Ambassadors in Moscow in the End of 1650-s and Beginning of 1660-s

The article elucidates the Russian-Kalmyk relations in the period from the late 1650s and early 1660s. Based on new archival materials it deals with the official and unofficial residence of the Kalmyk ambassadors in Moscow.

Keywords: Moscow, the XVII century, a Russian-Kalmyk relations, Kalmyk ambassadors, Chancellery of Foreign Affairs.

Goryaev M. Administrative Reforms in the Kalmyk Steppe in the Last Third of the XVIII and Beginning of the XIX Centuries

The questions of development of the state institutes of Russia are represented rather actual in recent time. The article deals with the key points of national state-building of Kalmykia in the last third of the 18th – beginning of the 19th centuries as one of the subjects of the Russian state.

Keywords: the Russian state, the system of management, Kalmyk steppe, the regional policy.

ETHNOLOGY

Batyrov V. Towards the Issue of Origin of Kalmyks-Tsokhurs

This article deals with the problems of the origin of Tsokhurovski ulus of the Kalmyk khanate, its history in the 18th century, as well as the problems of the formation of ethnic groups in a nomadic state.

Keywords: history of Kalmykia, history of Russia, ethnic history.

Бурякин А. А. Калмыки, ногайцы и другие народы Волго-Каспийского региона в сочинении Яна Пототского «Путешествие в Астрахань»

В статье рассматривается сочинение выдающегося российского и польского политического деятеля, путешественника и ученого Яна Пототского «Путешествие в Астрахань», которое представляет собой ценный источник по этнографии калмыков и других народов Волго-Каспийского региона. Особый интерес вызывает описание быта, обычаев калмыков, их религиозных обрядов и буддийских компонентов в культуре. Данное сочинение является также важным источником для изучения культурных связей калмыков, ногайцев и представителей других народов, живших в Астрахани и Астраханской губернии.

Ключевые слова: история, этнография, история науки, польская этнография, путешествия, калмыки, ногайцы, народы Поволжья

Burykin A. Kalmyks, Nogays and Other Peoples of Volga-Caspian Region in the Yan Pototskiy's Writing «Travelling to Astrakhan»

In the presented article the author describes the composition of the outstanding Russian and Polish politician, traveler and scientist Yan Pototsky «Travel to Astrakhan» which represents a valuable source on the ethnography of Kalmyks and other people of the Volga-Caspian region. The particular interest is caused by the description of life and customs of Kalmyks, their religious practices and Buddhist components in spiritual culture. The given composition is also an important source for studying of a cultural contact of Kalmyks and Nogaians, as well as the representatives of other people, living in Astrakhan and the Astrakhan province.

Keywords: history, ethnography, science history, the Polish ethnography, travel, Kalmyks, Nogaians, the people of the Volga region.

СОЦИОЛОГИЯ

Намруева Л. В. Отношение молодежи Калмыкии к республиканским средствам массовой информации (по материалам опроса 2011 г.)

Средства массовой информации, являясь одним из основных механизмов социализации молодежи, существенно влияют на образ жизни, поведение молодых людей. В статье проанализированы результаты исследования, проведенного автором статьи, которые позволяют определить отношение молодых людей к республиканским СМИ (пресса, радио, телевидение, Интернет).

Ключевые слова: молодежь, социализация, средства массовой информации, новости, программа, сайты, этническое сознание, культурное наследие.

Нусхаева Б. Б. Представления молодежи Республики Калмыкия о семье и браке

В статье рассмотрены представления молодежи о семье и браке. По результатам социологического исследования раскрываются ценности семьи и детей в системе ценностей молодежи, основные мотивы вступления в брак и мнение молодых об идеальном возрасте вступления в брак, распределении обязанностей в семье, качествах, необходимых для семейной жизни.

Ключевые слова: семья, брак, ценности семьи и детей, идеальный возраст для заключения брака, распределение обязанностей.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Четырева С. В. О порядке внесения исправлений, изменений в записи актов гражданского состояния

В статье исследуются основания для внесения исправлений и изменений в записи актов гражданского состояния. Автор анализирует действующее законодательство об актах гражданского состояния, рассматривает практику применения и толкования законодательных норм.

Ключевые слова: гражданское состояние, акты гражданского состояния, законодательство, внесение исправлений и изменений.

SOCIOLOGY

Namrueva L. Attitude of the Young People of Kalmykia to the Republican Mass Media (based on materials of poll of 2011)

The Mass media, being one of the main mechanism of youth socializations, greatly influence upon lifestyle, behavior of the young people. In the article are analyzed results of the study, called on by author of the article, which allow to define the attitude of the young people to republican Mass media (the press, radio, television, Internet).

Keywords: youth, socialization, mass media, news, program, sites, ethnic consciousness, cultural heritage.

Nuskhaeva B. Ideas of Young People of Republic of Kalmykia about Family and Marriage

The article deals young people's ideas about family and marriage. Based on sociological research reveals the values of family and children in the values of youth, the main motives for marriage and qualities necessary for family life.

Keywords: family, marriage, values of family and children, qualities necessary for family life, ideal age for marriage.

JURISPRUDENCE

Chetyreva S. About Sequence of Bringing in of Amendments and changing in registrars office

In article the bases of entering of corrections and changes into civil registration are investigated. The author analyzes the current legislation about acts of civil status, considers practice of application and interpretation of legislative norms.

Keywords: a civil status, acts of civil status, the legislation, entering of corrections and changes.

Бяткиева Б. А. Семейное неблагополучие как фактор роста безнадзорности несовершеннолетних

Статья посвящена анализу конфликтного климата в семье, насилия и их влияния на уровень безнадзорности подростков и, как следствие, на правонарушения несовершеннолетних.

Ключевые слова: конфликты в семье, кризис семьи, безнадзорность несовершеннолетних, преступность несовершеннолетних.

Byatkieva B. Family Ill-being as a Factor of Increase of Neglecting Minors

The article is devoted to a family conflict climat, violence with their influence on the rate controlness of minors and on the juvenile.

Keywords: conflicts in the family, crisis of the family, controlness of minors, juvenile delinquency.

Авшеев Э. Ю. Влияние миграционных процессов на состояние преступности в Республике Калмыкия

Статья посвящена анализу состояния преступности иностранных граждан в Республике Калмыкия. Автор приходит к выводу, что миграционные процессы не оказывают значительного влияния на состояние преступности в целом и за последние годы имеют тенденцию к снижению.

Ключевые слова: мигранты, иностранный гражданин, лицо без гражданства, преступность, исследование преступности, коэффициент преступности.

Avsheev E. Influence of Migratory Processes on the Crime Condition in the Republic of Kalmykia

The article is devoted to the studying of the criminality of foreign citizens in Republic of Kalmykia. The author concludes, that migratory processes don't render the considerable influence on crime condition as a whole and tend in recent years to decrease.

Keywords: migrants, foreign citizen, person without citizenship, criminality, studying of the criminality, criminal rate.

Аштаева С. С. Госкорпорации в современной России: функции, структура и особенности деятельности

В статье освещаются формы и функции, а также основные направления деятельности госкорпораций в современной России.

Ключевые слова: государственные корпорации, гражданское законодательство, сфера деятельности, функции госкорпорации.

Ashtaeva S. State Corporations in Modern Russia: Functions, Structure and Peculiarities of Activity

In article forms, functions, and also main activities of state corporations in modern Russia are shined.

Keywords: state corporations, civil legislation, field of activity, functions of the state corporation.

ЭКОНОМИКА**ECONOMICS****Бородин А. И. Прогнозирование социально-экономического потенциала региона**

В статье рассматривается система показателей оценки использования социально-экономического потенциала региона, подходы к его прогнозированию и обеспечению единства получаемых оценок.

Ключевые слова: регион, социально-экономический потенциал региона, прогнозирование, оценка, показатель

Borodin A. Prediction of Social and Economical Potential of Region

In article the system of indicators of an estimation of use of social and economic potential of region, approaches to its forecasting and maintenance of unity of received estimations are considered.

Keywords: region, social and economic potential of region, forecasting, an estimation, an indicator

Сидорова Н. И. Финансовый потенциал республик Южного и Северо-Кавказского федеральных округов РФ

В статье анализируется финансовый потенциал республик Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Сравнение индикаторов финансового потенциала республик со среднероссийскими показателями и установленными Бюджетным Кодексом РФ нормативными значениями показало крайне низкий экономический потенциал и соответственно крайне низкий финансовый потенциал республик.

Ключевые слова: финансовый потенциал, помощь республике, бюджеты, доходы, инвестиции.

Sidorova N. Financial Potential of Republics of South and North-Caucasian Districts of the Russian Federation

Financial potential of the republics of South and North Caucasian federal districts is analyzed in article. The comparison of financial potential indicators of the republics with average Russian indicators and established by Budgetary Code of RF standart values has shown extremely low economic potential and accordingly extremely low financial potential of the republics.

Keywords: financial potential, help of the republic, budgets incooms to investments.

ЭКОЛОГИЯ

Ташининова Л. Н., Ташининова А. А. **Региональные аспекты гуманитарной экологии**

В статье приводится краткий обзор публикаций по гуманитарной экологии. Дан анализ регионального аспекта этого направления на примере Республики Калмыкия. Рассмотрены основные факторы, влияющие на природную среду обитания человека в аридных условиях.

Ключевые слова: среда обитания, гуманитарная экология, трансформация экосистем, использование пастбищ.

ECOLOGY

Tashninova L., Tashninova A. **Regional Aspects of Humanitarian Ecology**

The article provides a brief overview of publications on human ecology. The analysis of regional aspect of this direction on example of the Republic of Kalmykia is given. The basis factors in influencing in arid conditions are considered.

Keywords: habitat, human ecology, ecosystem transformation, using of pasture-land.

**ИНФОРМАЦИЯ
ОБ АВТОРАХ****INFORMATION
ABOUT AUTHORS**

Авшеев Эрдни Юрьевич — кандидат юридических наук, начальник отделения по вопросам трудовой миграции, беженцев и переселенцев Отдела Федеральной миграционной службы по Республике Калмыкия (г. Элиста).
E-mail: avsheev-erd@mail.ru

Аштаева Саглар Сергеевна — аспирантка 3 года заочного обучения Калмыцкого государственного университета, ассистент кафедры теории государства и права факультета управления и права Калмыцкого государственного университета (г. Элиста).
E-mail: ashtaeva.s@rambler.ru

Бакаева Эльза Петровна — доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.
E-mail: ebakaeva@yandex.ru.

Батыров Валерий Владимирович — кандидат исторических наук, зав. сектором этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста).
E-mail: valerabatyrov@gmail.com

Бородин Александр Иванович — доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика и финансы фирмы» Национального исследовательского университета — Высшей Школы Экономики (г. Москва).
E-mail: aib-2004@yandex.ru.

Бурькин Алексей Алексеевич — доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург).
E-mail: albury@rambler.ru

Бяткиева Байрта Алексеевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Калмыцкого государственного университета (г. Элиста).
E-mail: b.bazirova@mail.ru

Горяев Мерген Саналович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Калмыцкого государственного университета (г. Элиста).
E-mail: historyot@kalmsu.ru

Джушхинова Кермен Анджаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета (г. Элиста).
E-mail: kermen04@mail.ru

Erdny Avsheev — The Chief of Office concerning Labor migration, refugees and immigrants of Department of Federal migratory service on the Republic of Kalmykia (Elista).
E-mail: avsheev-erd@mail.ru

Saglar Ashtaeva — Graduate student of 3 years of correspondence course of Kalmyk State University, assistant of the Department of the theory of the state and right of faculty of management and right of Kalmyk State University (Elista).
E-mail: ashtaeva.s@rambler.ru

Elza Bakaeva — Ph. D. of History, Deputy Director of the Kalmyk Institute for Humanities Studies of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: ebakaeva@yandex.ru.

Valery Batyrov — Ph. D. of History, Head of Ethnology sector of the Kalmyk Institute for Humanities Studies of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: valerabatyrov@gmail.com

Alexander Borodin — Ph. D. of Economy, Professor of Department «Economy and firm finance» National Research University Higher School of Economics (Moscow).
E-mail: aib-2004@yandex.ru.

Aleksey Burykin — Ph. D. of Philology, Leading Research worker of Institute of Linguistic Researches of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).
E-mail: albury@rambler.ru

Bairta Byatkieva — Ph. D. of Jurisprudence, Senior teacher of Department of criminal law and process of Kalmyk State University (Elista).
E-mail: b.bazirova@mail.ru

Mergen Goryaev — Ph. D. of History, Associate Professor of Department of History of Russia of Kalmyk State University (Elista).
E-mail: historyot@kalmsu.ru

Kermen Dzhushkhinova — Ph. D. of Philology, Associate Professor of Russian and General Linguistics Department of Kalmyk State University (Elista).
E-mail: kermen04@mail.ru

Дякиева Бальджа Батнасуновна — доктор педагогических наук, профессор, зам. министра образования, культуры и науки Республики Калмыкия; профессор Калмыцкого государственного университета (г. Элиста).
E-mail: mon-rk@mail.ru

Маслова Юлия Павловна — аспирант кафедры истории новейшей отечественной литературы Ставропольского государственного университета.
E-mail: maslovva@mail.ru

Малахова Наталья Михайловна — аспирант кафедры истории новейшей отечественной литературы Ставропольского государственного университета.
E-mail: malahova25@gmail.com

Музраева Деляш Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста).
E-mail: deliash@mail.ru

Намруева Людмила Васильевна — кандидат социологических наук, доцент, зав. отделом социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.
E-mail: kigiran@elista.ru.

Нусхаева Баира Басанговна — кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.
E-mail: kigiran@elista.ru

Омакаева Элара Уляевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.
E-mail: elomakaeva@mail.ru.

Олядыкова Любовь Бембеевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета (г. Элиста).
E-mail: olyadikova_lb@mail.ru

Осмак Наталья Андреевна — соискатель кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: natalia.osmak@yandex.ru

Радионов Андрей Владимирович — ассистент кафедры зарубежной филологии Калмыцкого государственного университета.
E-mail: voinodarov6.85@mail.ru.

Baldjya Dyakieva — Ph. D. of Pedagogics, Deputy Minister of education, culture and science of the Republic of Kalmykia; Professor of Kalmyk State University (Elista).
E-mail: mon-rk@mail.ru

Yulia Maslova — Graduate student of Department of History of the latest domestic literature of the Stavropol State University.
E-mail: maslovva@mail.ru

Natalia Malakhova — Graduate student of Department of History of the latest domestic literature of the Stavropol State University.
E-mail: malahova25@gmail.com

Delyash Muzraeva — Ph. D. of Philology, Associate professor, senior research worker of the Written Monuments, Literature and Buddhism Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: deliash@mail.ru

Ludmila Namrueva — Ph. D. of Sociology, Associate professor, Head of the Department of Social, Political and Ecological Studies of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: kigiran@elista.ru.

Baira Nuskhaeva — Ph. D. of Sociology, research worker of the Department of Social, Political and Ecological Studies of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: kigiran@elista.ru

Ellara Omakaeva — Ph. D. of Philology, Associate Professor, Head of Linguistics Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences
E-mail: elomakaeva@mail.ru.

Lubov Olyadykova — Ph. D. of Philology, Professor of Russian and General Linguistics Department of the Kalmyk State University (Elista).
E-mail: olyadikova_lb@mail.ru

Natalia Osmak — 2 year degree-seeking student of Russian Language Department of the Saint Petersburg State University.
E-mail: natalia.osmak@yandex.ru

Andrey Radionov — Assistant of the Department of Foreign Philology of the Kalmyk State University.
E-mail: voinodarov6.85@mail.ru.

Рассадин Валентин Иванович — доктор филологических наук, профессор, директор Научного центра монголоведных и алтаистических исследований Калмыцкого государственного университета.
E-mail: rassadin17@mail.ru.

Сидорова Надежда Ивановна — доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита Калмыцкого государственного университета.
E-mail: nisidorova@yandex.ru

Сумьянова Саглар Владимировна — студентка Института калмыцкой филологии и востоковедения Калмыцкого государственного университета (г. Элиста).
E-mail: olyadikova_lb@mail.ru

Ташнинова Анна Александровна — научный сотрудник Института комплексных исследований аридных территорий (г. Элиста).
E-mail: kigiran@elista.ru

Ташнинова Людмила Николаевна — кандидат биологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.
E-mail: kigiran@elista.ru

Тепкеев Владимир Толгаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.
E-mail: tv75@mail.ru.

Трофимова Светлана Менкеновна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского и общего языкознания Калмыцкого государственного университета.
E-mail: trofimovasm@mail.ru.

Фокин Александр Алексеевич — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей отечественной литературы Ставропольского государственного университета.
E-mail: dm21225602@mail.ru

Ханинова Римма Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Калмыцкого государственного университета.
E-mail: rhaninova@mail.ru.

Хараева Анна Тимуровна — аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета.
E-mail: russian@kalmsu.ru

Четырева Светлана Васильевна — специалист Верховного Суда Республики Калмыкия.
E-mail: chetyreva@mail.ru

Valentin Rassadin — Ph. D. of Philology, professor, Director of Scientific Centre of Mongolian and Altaic Studies of the Kalmyk State University.
E-mail: rassadin17@mail.ru.

Nadezda Sidorova — Ph. D. of Economics, Professor of Department of Finance and Credit of the Kalmyk State University.
E-mail: nisidorova@yandex.ru

Saglar Sumyanova — Student of Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies of the Kalmyk State University (Elista).
E-mail: olyadikova_lb@mail.ru

Anna Tashninova — Research worker of Institute of Complex Researches of Arid Territories (Elista).
E-mail: kigiran@elista.ru

Ludmila Tashninova — Ph. D. of Biology, Associate professor, Senior research worker of the Department of Social, Political and Ecological Studies of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: kigiran@elista.ru

Vladimir Tepkeev — Ph. D. of History, Senior research worker of the History and Archeology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: tv75@mail.ru.

Svetlana Trofimova — Ph. D. of Philology, Professor of Russian and General Linguistics Department of the Kalmyk State University.
E-mail: trofimovasm@mail.ru.

Alexander Phokin — Ph. D. of Philology, Professor of the Department of History of the latest domestic literature of the Stavropol State University.
E-mail: dm21225602@mail.ru

Rimma Khaninova — Ph. D. of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature of the Kalmyk State University.
E-mail: rhaninova@mail.ru.

Anna Kharaeva — Graduate student of Russian and General Linguistics Department of the Kalmyk State University.
E-mail: russian@kalmsu.ru

Svetlana Chetyreva — Specialist of the Supreme Court of the Republic of Kalmykia.
E-mail: chetyreva@mail.ru

Цыренов Бабасан Доржиевич — кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
E-mail: tsyrenovbabasan@mail.ru

Ярмаркина Галина Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, и. о. зав. кафедрой русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин Калмыцкого государственного университета.
E-mail: dzalina8@mail.ru

Babasan Tsyrenov — Ph. D. of Philology, Associate Professor, Leading research worker of the Linguistics Department of Institute for Mongolistics, Buddology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: tsyrenovbabasan@mail.ru

Galina Yarmarkina — Ph. D. of Philology, Head of the Department of Russian as foreign and all-humanitarian disciplines of the Kalmyk State University.

E-mail: dzalina8@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» принимает к печати авторские рукописи по приоритетным направлениям фундаментальных исследований РАН в области гуманитарных наук, а также рецензии, хронику, персоналии, ранее нигде не публиковавшиеся.

Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций** на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по направлениям (редакция 17.06.2011):

- история;
- юриспруденция;
- филология;
- религиоведение,
- политология,
- философия,
- педагогика,
- биология,
- экономика
- социология.

Материалы принимаются в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м шрифтом через полуторный интервал (все поля по 2,5 см), объемом не более 0,7 п. л. При наборе необходимо использовать стандартную гарнитуру шрифта TimesNewRoman. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи с перечнем подрисовочных подписей. Литература должна быть затекстовая в алфавитном порядке. Страницы обязательно должны быть пронумерованы.

К материалу прилагаются следующие документы: 1) аннотация на русском и английском языках (с обязательным переводом названия статьи, объемом не более 10 строк); 2) ключевые слова (не более 20) и их перевод на английский язык; 3) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; направление работы; должность (с указанием полного названия кафедры вуза или структурного подразделения исследовательского института); рабочий адрес и телефоны; адрес электронной почты; 4) внешняя рецензия на статью; 5) ББК и УДК; 6) договор (бумажный вариант договора с личной подписью в двух экземплярах).

Редакция отправляет предлагаемые к изданию рукописи на независимое научное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов. Рукописи не возвращаются, редакция не вступает в переписку по поводу отклоненных материалов. Перепечатка опубликованных в журнале материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Материалы могут быть отправлены простой корреспонденцией, заказным письмом (358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8), электронной почтой (vestnik.kigiran@gmail.com).

Правила для авторов, Положение о рецензировании, а также договор опубликованы на сайте Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (www.kigiran.com/articles.php?cat_id=8).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

№ 1, 2012

Сдано в набор 12.03.2012. Подписано в печать 19.03.2012. Формат бумаги 60х84¹/₈.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18,3. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук

Отпечатано в КИГИ РАН (358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8).

